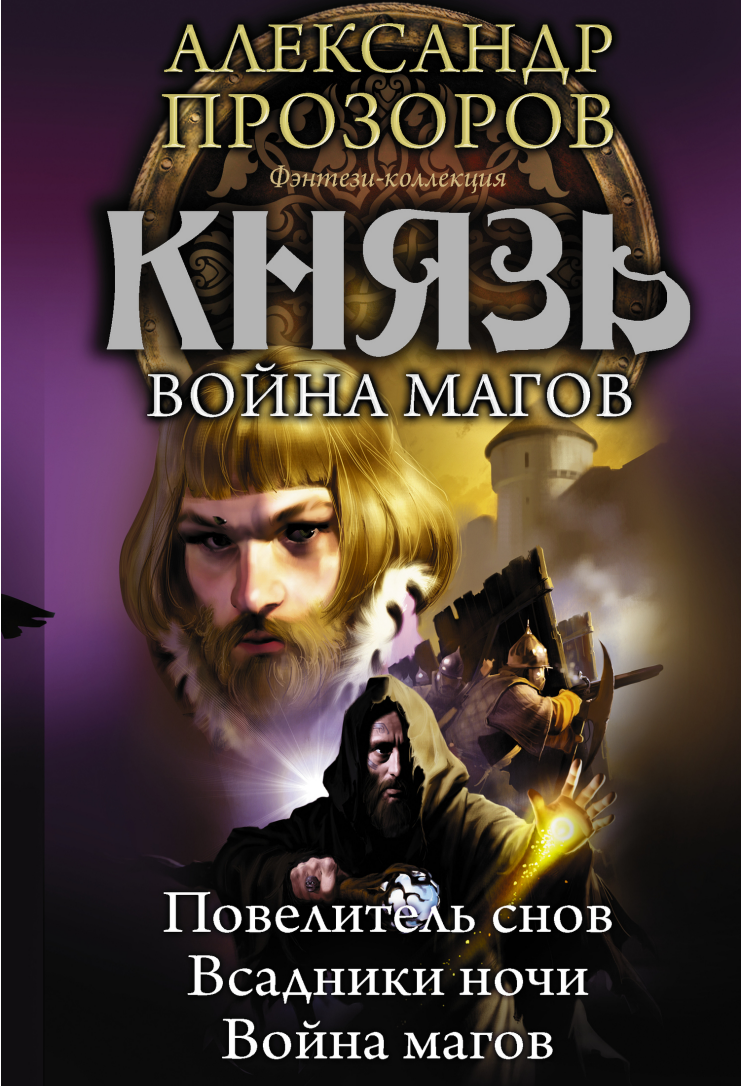

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

Фэнтези-коллекция

КНЯЗЬ

ВОЙНА МАГОВ

Повелитель снов
Всадники ночи
Война магов

Александр Дмитриевич Прозоров

Князь. Война магов (сборник)

Серия «Фэнтези-коллекция (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36983791

*Князь: Повелитель снов. Всадники Ночи. Война магов: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград»; М.; 2018
ISBN 978-5-17-110456-6*

Аннотация

Тяжкая ноша – знать будущее. В далеком XVI веке из всех смертных только Андрею Звереву, князю Сакульскому по праву рождения, известно, что через тридцать лет армия Казанского ханства принесет гибель Великой Руси. Поэтому именно сейчас, пока в Казани куда больше друзей России, нежели врагов, нужно воссоединить оба государства. Однако против пришельца из XXI века будто ополчается весь мир: европейские страны не желают усиления Руси, могучая Османская империя боится потерять вассала на Волге, государь стремится избежать лишней крови. Андрею приходится столкнуться и с хитростью, и с обманом, с царской опалой и колдовством чародеев, многократно превосходящих его силой, с целыми армиями и изменой. Однако князь знает: если он отступит, его Родина перестанет существовать.

Содержание

Повелитель снов	5
Макковей	5
Князь Старицкий	38
Зеркало Велеса	77
Талисман	121
Царский друг	164
Побирушка	234
«Ястреб»	276
Конец ознакомительного фрагмента.	290

**Александр
Дмитриевич Прозоров
Князь: Повелитель
снов. Всадники
Ночи. Война магов**

© Александр Прозоров, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Повелитель снов

Макковой

Проскакав неспешной рысью по петляющей вдоль Суходольского озера тропе, Андрей Зверев, он же князь Сакульский по праву владения, спешил к возле каменной россыпи, что раздвигала камышовые заросли, отпустил подпруги, быстро разделся, пробежал по камням и с крайнего вниз головой сиганул в теплую воду. Проплыл метров десять, вынырнул, шумно выдохнул, стремительными саженками отмерил еще метров пятьдесят и, перевернувшись на спину, раскинул руки и ноги, подставляя обнаженное тело солнечным лучам.

Внезапно на берегу послышался треск, лошадь тревожно всхрапнула – Андрей тут же перевернулся, подгреб поближе к берегу, замер, прислушиваясь. Нет, ничего, вроде спокойно. Хотя, конечно, без оружия под рукой на душе все равно как-то неуютно.

Не то чтобы князю было чего опасаться в своих землях. Здесь, в сердце Северной Пустоши, в окруженном с трех сторон водой княжестве случайных прохожих не бывало, тати не баловали, войска вражеские тоже не бродили. Рубежи датские лежали рядом, сразу за рекой Волчьей – да только по ту

сторону границы царила такая же пустота: непролазные сосновые боры на холмах, густые осинники в низинах, да еще все перемежалось частыми озерами, реками и болотами. Поди доберись! Предосудительного Андрей тоже ничего не делал. В жару во всех русских деревнях купались все от мала до велика. И хотя рассказывали темными вечерами старики истории про коварных любвеобильных русалок, расчесывающих волосы по берегам глубоких омутов, про холодных навок и жадных водяных, про вечно хромых анчуток, болотниц и бродящих по топям в облике толстых монахов болотников – воды все едино никто не боялся. Плавать умели, почитай, все. Не в пустыне жили – есть где научиться. А что «Ильинка кинул льдинку» – так про то и самые истовые христиане по жаре мало когда вспоминали.

Правда, со смердами Зверев не купался никогда. Как-никак князь. Не хотел общему баловству с простыми пахарями предаваться: должна и дистанция некая между господином и крестьянином существовать. Но и отказываться в зной от озерной прохлады Андрей не собирался. Разве устоишь в неполные девятнадцать лет от возможности обмакнуть в принадлежащей лично тебе реке, в заводи или озере? Ну да, коли и застанет его тут какой смерд – стыдного-то нет ничего. Плавает хозяин и плавает. Не тонет ведь. Значит, позора на нем нет.

Если кого опасаться и стоило – так только волка, что лошадь зарезать может, пока человек далеко. Но ведь август –

не голодный февраль, когда половина дичи по норам спит, а другая половина под снегом прячется. Зачем серому летом к кобыле лезть и копытом в лоб получать, коли крыс да зайчат неопытных по кустам полно?

– Не бойся, красотка, никто тебя не тронет, – утешил лошадку Андрей и опять откинулся на спину. Но не успел он распластать руки, как с Боровинкина холма тревожно ударил набат. – Вот... проклятие...

В этот раз князь торопливо доплыл до камней, выбрался на берег, натянул шаровары, рубаху, опоясался ремнем с ложкой и двумя ножами – саблю в княжестве Андрей почти не носил, – приклепнул гладко выбритую голову тафьей, на ноги натянул мягкие сине-красные сафьяновые сапоги, двумя движениями затянул подпруги седла, поднялся в стремя и с ходу пустил кобылу в галоп, пригнувшись к самой ее шее, дабы встречные деревья не хлестали ветками по лицу. В голове, сменяя друг друга, возникали мысли одна страшнее другой: «Пожар? Набег? Мор? Опять мертвецы проснулись?».

Однако, когда Запорожская деревня показалась в виду, князь не увидел над ней дымов от пожарищ, не услышал ни плача, ни криков.

– Так какого тогда ляду? – недоуменно пробормотал молодой человек, переходя на широкую походную рысь. – Дети малые, что ли, до била добрались?

В деревне хозяина заметили, замахали руками. Андрей

увидел, как один из мужчин потрусил навстречу, узнал в нем вечно лохматого Пахома и дал кобыле шпоры, снова переходя в галоп.

– Чего стряслось, дядька? – склонился вперед Зверев.

– Дык, княгинюшка твоя... – задыхаясь, буквально вытолкнул с губ нужные слова холоп. – Повитуху кличут...

– Что-о?!

Андрей опять сорвался во весь опор, пересек деревню, соскочил во дворе прямо на крыльцо избы, ринулся внутрь, но уже в сенях его перехватила дородная Лукерья, жена старосты:

– Нет, княже, тебе ходу туда нету. Что хошь делай, а место в светелке ныне бабье, нечего там вам, мужам, делать. Токмо смущать да отвлекать станете. Неча, неча, иди отсюда!

Протиснуться мимо нее Зверев не смог – да и не шибко старался, внутренне признавая ее правоту. Там, в светелке сейчас творилось чудо появления новой жизни. Чудо, доступное только женщинам и Богу. Мужчине, больше привычному убивать, в этом святилище и вправду делать было нечего.

Он вышел обратно во двор, потоптался и, не зная, что делать, попытался заглянуть в окно. Разумеется, безуспешно: чего там через выскобленный бычий пузырь различишь? На миг мелькнула совершенно дурная мысль, что, будь у Полины сотовый телефон, она могла бы ему позвонить. Мелькнула – и ушла. Какой прок в телефоне, коли схватки начина-

ются? Тут не до разговоров. А как все кончится, он и без всяких телефонов к жене зайти сможет. И тут уж никакая Лукерья князя не остановит...

– А то ведь и на кол посадить недолго, – пробормотал Андрей. – За мной не заржавеет.

Хотя, конечно, на кол он за все три года пребывания в шестнадцатом веке никого еще не сажал. В голову как-то раньше не приходило.

– Что, тяжело, княже? – подоспел запыхавшийся Пахом и опустился на ступени крыльца. – Кричит? Ох, тяжело это, княже, слушать, как баба от боли воет и беспомощностью мучится. А чем ей поможешь? Удел такой бабий. Они нас рожают в муках, а мы животы свои за них в сечах кладем.

В избе и вправду раздался страшный крик – и Зверев опять забегал под окном. Подпрыгнул – разумеется, с прежним результатом.

– Ты чем маяться, батюшка, – пригладил встрепанные волосы холоп, – помолился бы лучше ей за здравие, за благополучное разрешение от бремени. Молебен, вон, в храме бы заказал. Даром, что ли, хозяйюшка его отстроила, пока мы по Европам сатанинским мотались? С Божьей помощью и лихоманка никакая не пристанет, и муки перенести легче получится, и...

– Да, молебен, – схватился за подброшенную мысль Андрей. – Молебен! Немедля прикажу, немедленно!

Радуюсь возможности сделать хоть что-нибудь, князь

вскочил на спину несчастной кобылке и во весь опор помчался к Боровинкину холму.

В едко пахнувшей свежими сосновыми опилками, хрустяще-белой церкви было пусто. Перед тремя небольшими иконками горело по лампадке, две свечи плакали воском возле распятия – ни пропахнуть дымом и ладаном, ни обогатиться намоленными иконами новенький храм еще не успел. Молодой еще, с только пробивающейся бородкой попик, скинув рясу, завернув крест за спину и высунув от увлечения язык, старательно вырезал из липы овальную, в размер бревен, емкость с уже готовой щелью наверху. Видимо, ящичек для подаяний.

– Молись! – ринувшись к нему, потребовал Зверев. – Молись немедленно!!!

– Ты... Ты почто, княже?.. – Попик вскочил, уронив на пол стамеску, побелел, как полотно, попятился к стене.

– Молись! За жену мою молись! Не слышишь, что ли, рождает?! Да молись, чего встал, как истукан? Благополучно разрешится – колокол на пять пудов церкви подарю!

Священник сглотнул, широко перекрестился, заскреб пальцами по груди, видимо забыв, где находится нагрудный крест, горячо выдохнул:

– Благослови тебя Господь, сын мой... Да токмо что нам проку в колоколе-то пяти пудов? Надобно хотя бы на семьдесят, дабы окрест звон был слышен. Семьдесят пять...

– Нашел время торговаться, – скрипнул зубами Андрей. –

Ты молись, молись! За жену, за ребенка, за здоровье и благополучие. Молись, будет тебе колокол. На сто пудов будет! Только голос свой до Исуса донеси, благословение его вымоли. Пусть хорошо все пройдет – и будет тебе колокол. Молись!

– На все воля Божья, сын мой, – наконец перекинул поп вперед свой крест. – На Его силу и провидение уповаем. Да пребудет с нами Его милость.

– Молись! – еще раз потребовал князь Сакульский и наконец-то сообразил перекреститься. Все же в обители Божьей находится. – Господи, спаси, помилуй и сохрани грешного раба твоего Андрея. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он еще раз перекрестился, склонил голову перед резным распятием, круто развернулся и выбежал наружу. Уже не торопя изрядно уставшую лошадь, Андрей выехал на дорогу, проскакал вдоль поля старосты, на котором выставила на солнце золотистые бока хорошо удавшаяся репа. За межей свернул к кустарнику, спешил, кинул поводья на ветви лещины, сам пробрался еще шагов на двадцать дальше, перешел обратно на поле, опустил на колени, поцеловал землю:

– Тебя о милости молю, мать наша Триглава. Не дай пропасть плоти моей и крови моей, не сгуби супружницу мою мукой напрасной, не ужаль нас болью утратной. Я, внук Сварога-созидателя, дитя корня русского, тебя, богиня земли, о милости прошу. Помоги жене моей, Полине, ныне ребен-

ка благополучно родить, одари его силой, красотой и здоровьем, тебя самой достойными, одари его жизнью долгой и радостной, одари его счастьем на земле русской жить от юности и до старости, спаси от голода и лихоманки, от дурного глаза и злого слова, от завистника и черноризника, от иссушатника и болотника. Отныне и до века. Аминь.

Старый Лютобор учил, что жертву Триглаве надлежит приносить семенем... Закончив обряд, князь вернулся к коню, поскакал в поселок. У суесящихся во дворе девок потребовал крынку молока и полбуханки белого хлеба, с угощением поехал к реке. Здесь, у текущих вод, он поделился трапезой с Дидилией: принес жертву русской богине, хранительнице семьи и беременности, попросив ее помощи и покровительства. Древние боги не ревнивы и не отказывают в помощи, коли человек обращается сразу к нескольким из них. Пусть даже одна из высших сил пришла из чужих краев и называет себя единственной. Чем больше защитников у смертного – тем лучше.

Еще укорил себя Андрей, что не очистил дом от столь частой в деревнях нежити: от кикимор, рохлей, баечников, от возможных злых чар. Ведь учил его этому волхв с Козютина мха, учил чародей. Да как-то не нашел князь минуты для такого дела, все на потом откладывал. Такова уж натура человеческая! Сколько ни изобретали древние колдуны надежных защитных заклятий и амулетов, сколько ни придумают будущие ученые кудесники разных вакцин и лекарств

– ан большинство людей неизменно оставались и будут оставаться в стороне от подобных благ лишь потому, что недосуг им сделать прививку или повесить на шею созданную умелым знахарем ладанку. Иногда не просто бедой и болезнью платят – жизни по лености своей лишаются. И хотя знают, чем рискуют, а все равно – защититься не торопятся. Некогда им, все некогда да некогда...

– Завтра же зачитку сотворю, – пообещал себе Андрей, поднимаясь в седло. – И на рябину, и на можжевельник. И амулеты при окнах и дверях заложу.

В Запорожской деревне оказалось шумновато. Весть о том, что в семье господина вот-вот появится пополнение, разбежалась к вечеру во все края княжества, и от каждой деревни явилось по одному, по два, а то и по десятку любопытствующих: чем все кончится, благополучно ли, с кем хозяина поздравлять? Фрол, собрав пяток парней, гостей от княжеского двора отгонял, дабы не смущали шумом роженицу и не путались у девок и повитух под ногами.

– Ну что тут? – спешившись, бросил поводья дядьке Зверев.

– Нечто они скажут? – пожал плечами Пахом. – Бегают, суется. Полотна чистого, нового истребовали, беленого. Мох болотный, что у нас в припасах был, весь, почитай, извели.

– Как извели? – нервно дернулся Андрей. – Там что, кровотечение?

– Нет, княже, забрали токмо, – положил ему руку на плечо Пахом. Видимо, побоялся, что воспитанник кинется в дом. – Не тревожься. Оно же вернее, коли мхом все выстилать. Болотницы с лихоманкой не дружат. Коли мох на ране, то ни трясушки, ни Антонова огня¹ бояться не надобно. Дитятко слабый ведь совсем появляется. Так спокойнее. Ты молебен-то заказал, княже?

– Зарок попу дал: коли благополучно все выйдет, колокол стопудовый для церкви закажу. Молится.

– Не попу, – укоризненно поправил холоп, – батюшке.

– Ты его видел, дядька? – хмыкнул Зверев. – Молоко на усах не обсохло. Какой же он батюшка?

– Не в нем сила, княже, сила в слове Божиим, в благодати, что через него на нас исходит. Да и старше он тебя, мыслю, лет на десять.

– И сколько сечь он прошел, Пахом? Сколько ляхов на рогатину взял, сколько крестоносцев зарубил? Мне, может, и девятнадцать всего, да годы мои один за десять идут. Потому как цену ошибкам своим знаю.

– А он слово Божие усердно зубрил, княже, пока ты бердышом по степям размахивал. Да еще он при соборе Воскресенском на Валааме пять лет служил. Посему его молитва десяти твоим равна. И коли Бог тебе сына пошлет, Макарья, в том немалая его доля будет.

---

¹ Антонов огонь – гангрена, от которой, по преданиям, чудесным образом исцелял недужных святой Антоний.

– Погоди. – От услышанного имени Зверева аж передернуло. – Какой Макковей? Почему? Я про имя пока ничего не говорил.

– Так ведь день сегодня какой? Серпентя пятый над десятком. Святого Макковея день. Стало быть, и имя мальчика по святому его покровителю наречется. Удачный ныне день, княже, от дурного глаза спокойный. Три дня тому Силуян отмечался. А в Силуяна, известное дело, ведьмы все от жажды маяться начинают и молоко пьют. Иные до смерти опиваются, а иные, опившись, на многие дни обмирают. Посему люду крещеному ныне вольготно, и дитяам сглаза бояться ни к чему...

– Какой Макковей? – продолжал думать о своем Зверев. – Нечто иного имени в святках нет?

– Знамо, имеются, – кивнул Пахом. – Помнится, Пантелеймона день тоже сегодня значится, и Пафнутия.

– Понял, – недовольно фыркнул Андрей. – Ладно, договоримся как-нибудь... с батюшкой...

В очередной раз скрипнула на смазанных салом подпятниках дверь избы, но теперь вместо потных девок на двор спустилась, вытирая ладони краем верхней юбки, незнакомая краснощекая баба с молодым взглядом и седыми косами, вывалившимися на плечи из-под серого платка с красными нитяными кисточками по краям. Она обвела всех присутствующих оценивающим взглядом, остановила его на Андрее, подошла ближе и низко поклонилась, чиркнув пальца-

ми по земле:

– С новорожденным тебя, папочка, с сыном. Вылитый ты.

– Сын родился! – неуверенно выдохнул Андрей и уже во весь голос, в крик повторил: – Сын у меня, люди, сын на свет явился! Сын! Фрол, пива всем немедленно, меда хмельного, вина давай! Сегодня каждый сытым и пьяным быть должен! Кто завтра на работу выйдет – за врага считать стану. Гулять всем с зари и до упаду! Что завтра на праздник съедено и выпито будет, вдвое с оброка прощаю. Нет, Фрол, вчетверо!

Деревенские и приезжие из других поселков радостно завопили, выкрикивая здравицы и князю, и его наследнику, дядька же толкнул в бок и громко шепнул воспитаннику на ухо:

– Бабке... Пятиалтынный бабке сунь, положено... – и сунул Андрею в руку серебряную монету.

Князю искать кошель, рыться в нем было некогда, а потому он передал повитухе пятиалтынный холопа:

– Держи, красавица, заслужила.

– Ай, и спасибо тебе, красный молодец, удалой удалец! Хорошо ты дело свое начал, так бы нам и каждый год с тобой встречаться... – Она приподнялась на носки и, немало не смущаясь высоким званием папочки, торжественно расцеловала его в обе щеки: – Теперича к ненаглядной своей беги, пока не заснула с усталости. Поди, невтерпеж.

Андрей взял ее за плечи, решительно отодвинул в сторону, быстрым шагом поднялся по ступеням, миновал сени,

ворвался в светелку, посреди которой утонула в перине его княгиня, присел на край постели, взял бледную, как молоко, Полину за руку:

– Ну ты как?

Юная мама молча улыбнулась, скосила глаза в сторону. Андрей глянул туда же и увидел среди тряпок крохотное, старчески сморщенное, безволосое личико с коричневыми пятнами на лбу. Существо больше походило на воздушный шарик, из которого выпустили воздух, но никак не на человека, и никаких родительских эмоций не вызывало. Зверев кашлянул, неуверенно переспросил:

– Сын?

Полина опять улыбнулась, притянула к себе его ладонь, поцеловала в тыльную сторону.

– Устала хозяйюшка, Андрей Васильевич, – подступила к нему сенная девка. – Вона сколько сил потратила, пока разродилась. А ей ведь еще и кормить надобно. Почивать ей ныне потребно, княже, почивать.

– Спи, – погладил жену по руке Андрей, поцеловал ее в лоб. – Спи. – И неожиданно для самого себя добавил: – Я люблю тебя, Полина, суженая моя.

Кажется, это было первое «люблю», которое слетело с его уст в этой жизни.

На деревне уже веселились. Староста, следуя приказу господина, выставил на улицу несколько бочонков вареного хмельного меда, выбил донышки, предоставив всем жела-

ющим черпать угощение, сколько заблагорассудится. Здесь же, на заборе, висели гирлянды из копченой рыбы, под ними лежали розовые на срезе свиные окорока, куриные полти. Однако сам Фрол, Пахом и еще несколько местных старожилов устроились по другую сторону частокола, между погребом и амбаром, открыв бочонок с квашеной капустой и скромно подвесив над ним двухпудовую белорыбицу. Запивку они тоже черпали из бочонка – но заметно меньшего по размерам, с восковой печатью на боку. Петерсемена, добротное красное рейнское вино. Отчего не побаловаться, коли хозяин позволяет? Зверев повернул к ним и тут же получил в руки полулитровый резной осиновый корец.

– Долгие лета князю нашему, Андрею Васильевичу! – торпливо провозгласил староста.

– Долгие лета!!! – тут же подхватили за забором.

Андрей покачал головой, зачерпнул вина, выпил примерно с половину ковшика, выдернул косарь, срезал с рыбьей туши изрядный ломоть, прожевал. Фрол, слегка втянув голову в плечи, ждал. Вино все ж таки, не пиво и не мед, что на любом дворе сварить можно, за него серебром плачено. А ну разгневается князь?

– Не то кричишь, – укоризненно покачал головой Зверев. – Ныне не мой день рождения. Наследника.

– Долгие лета княжичу нашему, долгие лета! – немедленно подхватили смерды и Пахом вместе с ними. – Долгие лета!

Праздник вместо дозволенного князем одного дня растянулся на целых три, и остановить его не смог даже Медовый Спас – начавшийся через день после дня рождения княжича Успенский пост. Андрей, памятуя, что смерды отмечают рождение его первенца, на решительные меры не решался, а посему что ни вечер – в Запорожском звучали песни, пели дудки, бродили запойные компании. Что ни утро – кто-то приходил с жалобами на бедокурящих парней, которые то изгородь опрокинут, то корову так напугают, что та доиться перестает, то под подол девке какой или бабе полезут.

Когда наступил Яблочный Спас, Зверев не выдержал и велел старосте давать по десять плетей каждому, кто покажется на улице в подпитии. Не за пьянство, естественно – за нарушение поста, запрещающего употреблять скоромное еще шесть дней. Каждую осень прагматичная мудрость Православной Церкви становилась ясна любому. Только-только кончилась сенокосная пора, начиналось время уборки урожая: лука, репы, яблок. Какое тут веселье? Работать надобно в поте лица, работать от зари и до зари, чтобы по зиме голодному не остаться, чтобы все тягло и оброки уплатить, чтобы погреба и амбары набить по самую крышу... Простая скромная пища и труд, труд и простенькая скромная пища – во имя будущего благополучия души и тела.

Вечером нового дня Фрол загнал на двор временного пристанища князей Сакульских двух парней – крепких лбов лет по двадцати.

– Что, напились? – поднялся навстречу Зверев, как раз сидевший на крыльце.

– А они что трезвые, что пьяные, княже, все едино без царя в голове, – ответил староста, снимая шапку. – Перед вершами возле ручья опять драку учинили, снасть одну поломали, трех девок утопили. Спасу нет, княже.

– Как утопили? Кто? – вступил в разговор Пахом, что нашивал у завалинки на овчинную душегрейку тонкие железные пластинки. – За душегубство кара сурова, тут каженному свою меру отвешивать надобно.

– Не до смерти утопили, обмочили токмо, – поправился Фрол. – Опрокинули аккурат на мережу и сами свалились. Вся снасть в трещинах, рыба ушла. А починять когда? Страда ныне. Раньше токмо этот лоботряс-бездельник по деревне шлялся да девок испортить норовил, – указал он сперва на веснушчатого русоволосого, стриженного «под горшок» парня, после чего ткнул пальцем в белобрысого, но такого же круглолицего: – А тут еще и немец этот появился. Проку никакого, токмо драки каженный день затевают. То промеж собой, а то с других деревень заезжих задирают, с девками встречаться не дают. Я мыслю, повесить их надобно, княже, и вся недолга. Все едино пользы никакой в хозяйстве, одна поруха. Али руки отрубить – другим для острастки. Все еди-

но ни к чему руки сии не прикладывают.

– А почто они немцем меня все кличут? – вскинулся белобрысый. – Поморянец² я! У нас половина поселенцев поморяне! Ты же сам, княже, из Поморянии нас привез! И имя у меня есть! Изольдом отец с матерью нарекли!

– Понятно, Изя, – тут же сократил слишком длинное для смерда имя Андрей. – Значит, тебя любекский бургомистр в неволю продал. А отец с матерью где?

– Мать здесь ныне, на краю деревни обитает, а отца лютеранцы зарезали. Пять лет тому в город шли, да в поселке нашем людей, что в костеле застали, побили всех до единого, а пастора в дверях повесили.

– Я ее к Кшельнице, вдове старой, поселил, – тут же отчитался староста. – Возле болота. Может, хоть корзины плести приохотится. Хозяйства не потянуть им, княже, сам видишь. А на корзинах да на ягоде с грибами прожить смогут, и оброк какой-никакой дадут. Немца хорошо бы к бортничеству определить. Там и одному подняться можно. А подъемные им не давали, Андрей Васильевич. Куда им? Пропадет только добро, не вернут.

– Понятно, Фрол, – кивнул Андрей. – Ступай, я тут с ними разберусь.

– Будете теперь знать, каково баловать, – довольно погро-

---

² Ныне потомков этого славянского племени называют уже померанцами. Померания окончательно онемечилась по Вестфальскому миру 1648 года, утратив самостоятельность и собственную славянскую княжескую династию.

зил пальцем староста и пошел со двора.

Зверев же кивнул Пахому, чтобы дядька отложил работу, немного прошелся по двору, остановился перед белобрысым Изольдом:

– Значит, добрый молодец, работать тебе неохота, а кулаки чешутся? Забавно... Коли пахать отец покойный не научил, к бортям тяги нет... Что же ты жрать зимой собираешься, красавчик?

– А иве все равно – что лето, что зима. Болото замерзнет – я веток куда больше, чем ныне, нарежу.

– Значит, корзинками пропитание добывать намерен? Сидеть, как старый дед, да прутики гнуть? Ладно, дело твое. Но за баловство я тебя все едино дубинкой отходить намерен. Вот только безоружного бить мне зазорно. Защищаться дозволяю, как сумеешь. Пахом, давай.

Дядька, успевший сходить в избу, протянул парню саблю. Тот, недоверчиво покосившись на князя, взялся за рукоять. Пахом рванул к себе ножны, оставив его с обнаженным клинком. Поморянец не стушевался: покрутил оружием, примеряясь, тронул пальцем острую кромку. Зверев подобрал у сарая лопату, взялся за черенок внизу, тоже взмахнул, оценивая балансировку инструмента – или, вернее, полное ее отсутствие, – и решительно нанес удар Изольду по голове. Тот закрылся, но неумело – легкий клинок удара не сдержал, пропустив весьма внушительный щелчок.

Однако парень не испугался, не заныл, не сжался в слез-

ливый комок – он сделал выводы и от новых ударов уже не только закрывался, но и уворачивался. Отступал, пригибался, а потом, обнаглев, даже пытался провести встречные выпады. Естественно, неумело – князь клинок отводил и бил лишнего защиты противника уже с силой, внушительно. Белобрысый вскрикивал, морщился, но пощады не просил, продолжая отбиваться.

Андрей все время атаковал голову противника и торс, и когда неожиданно ударил понизу, по ногам, Изя отреагировать не успел, вскрикнул, опрокинулся на спину – кончик черенка мгновенно уперся ему в горло.

– Молодец. – Князь наступил ногой на упавший в траву клинок. – Задора в тебе хватает.

– Горячности много, Андрей Васильевич, умения никакого, – подал голос Пахом.

– Умению научить можно, дядька, а куражу – нет. – Зверев поднял саблю и отдал холопу. – Вот что я тебе скажу, поморянец. Насчет плетения корзинок – это, конечно, бред. Не для здорового парня эта работа. От нее с голоду не опухнешь, но и семьи не прокормить. Хочешь, чтобы мать у тебя на старости лет не голодала – либо трудись как все, в поте лица, либо ко мне в холопы продавайся. Ты у меня все равно закупной, но треть гривны серебром я тебе за такое согласие отсыплю. Дашь матери, ей сразу легче станет. Да и опосля помогать хорошо сможешь. С твоим норовом у смертного два пути, Изя. Или в душегубы – дабы пару лет пожить хорошо,

на чужом горе повеселиться, а опосля в петле на осине праздник закончить. Качаться прочим душегубам в острастку, пока кости не рассыплются. Или в воины подаваться. Жить не так богато и весело, зато долго, в почете и уважении. Вот и выбирай. Либо сабля у меня на службе, либо нищета возле корзинки. Ну или петля у большой дороги. Четвертого выбора у тебя нет. Ты закупной. Пока не расплатишься, уйти права не имеешь. Понял меня? Ну так думай. А ты, добрый молодец, саблю бери. Теперь твоя очередь, посмотрим, на что годишься. Как тебя зовут-то, смерд?

– Илья.

– Почтенное имя. Надеюсь, ты его заслуживаешь...

Второй парень дрался не хуже своего предшественника. Может, успел понять, что бояться нечего, за усердие в сопротивлении не накажут. Может, пытался перещегоолять недавнего соперника. Однако свалить его с ног Андрею удалось так же легко, как и белобрысого. И тем не менее парня он похвалил:

– Молодец, не трус. Однако ты, как я понимаю, пока землю не брал, просто сын крепостного мужика?

– У Антипа Карася я Вторушей иду. Токмо старший мой, того... Лихоманка уж семь лет как забрала.

– А-а, Карася, – вспомнил Зверев щекастого лупоглазого смерда. «Карась», разумеется, было не фамилией, не доросли пока простые крестьяне на Руси до фамилий. Кличка. И к своему владельцу подходила идеально. – Это тот, что у по-

ворота к кладбищу живет?

– Он самый, княже.

– Помню, – кивнул Андрей. – Ну коли ты подъемных не брал, земли себе не отрезал, никому ничего не должен – стало быть, человек ты вольный... Однако же, Илья, сам понимаешь, хоть ты и волен пойти, куда глаза глядят, стать ремесленником в городе, сесть на землю на ином краю Руси али бродягой стать бездомным, каликой перехожим, однако же выбор у тебя на самом деле невелик. Куда ты сунешься в городах, где никого не знаешь? Как урожай в незнакомом месте вырастишь, коли там, в иной погоде, под иным солнцем все иначе, чем здесь, и пахать, и сеять, и убирать надобно? Да и бродягой становиться тебе, мыслю, неохота. Посему, добрый молодец, на роду тебе написано поперек души своей идти, на горло себе становиться, да и брать отрез земли, пахать и сеять через неохоту, летом сено копить, зимой бока пролеживать. Либо... Либо куплю я у тебя волю за полную гривну серебра и избавлю от сей судьбы нудной и нежеланной. Живот за землю отчую класть – дело честное и почетное. За то ратных людей крестьяне и кормят. Не жалуются, что те к плугу не прикасаются. У каждого свое дело. У кого нудное, у кого лихое да рисковое. Ни с едой, ни с крышей над головой, ни с одеждой у тебя никаких хлопот не будет. Это все моя забота. А твое дело – слова моего слушаться да страха в трудный час не казать.

– Трифон сказывал, княже, он тоже у тебя в холопах хо-

дил? – поинтересовался парень.

– Сперва у князя Друцкого, потом у меня.

– Да, он сказывал... – Илья, Карасев сын, широко перекрестился и решительно махнул рукой: – А согласен я, княже! Лучше раз в чистом поле в доспехах золотых с нечистой поганой сойтись, нежели всю жизнь в земле ковыряться! Согласен!

Похоже, мысли о холопстве посещали смерда уже задолго до предложения господина.

– И я согласен, Андрей Васильевич, – вдруг кивнул второй буян. Не так уверенно, как его друг-соперник. Скорее с безнадёжностью, чем с радостью. Уж лучше животом в походах рисковать, чем все свое благополучие на плетение корзинок поставить. А в холопьей жизни вовсе никаких хлопот. Ешь, пей, почивай на всем готовом. Пусть у хозяина голова болит, чтобы ты сытым и одетым был.

– Отлично. – Андрей поднялся на крыльцо, оглянулся на парней.

Вот они, его первые холопы. Не те, что от отца достались, не те, что князь Друцкий от щедрот своих подарил, а его собственные, им самим с воли выкупленные. Те, кто вместе с ним и под его знаменем будет в походы ходить, с его именем на устах животы свои класть.

Князь Сакульский вошел в дом, в светелку, поцеловал Полину, что как раз кормила грудью малыша. Прошло всего несколько дней – а личико сынишки уже расправилось, на-

половину сошли темные корочки, закудрявились похожие на пух коротенькие волосики. Княжич больше не напоминал сморщенный шарик – он стал настоящим, пусть и маленьким, большеголовым человечком. Может статься, и ему еще сегодняшние холопы послужат, с ним басурман и крестоносцев бить станут, ему за победы будут здравицы кричать.

Зверев открыл сундук, взял пустые кожаные мешочки, отсчитал в один полсотни крупных плоских копеек-чешуек, в другой – семнадцать. В копейке – примерно четыре грамма, в гривне – двести. Так что все правильно. Хотя в этой денежной системе сам черт ногу сломит: алтын – три копейки, копейка – примерно четыре чешуйки, двадцать пять копеек – рубль, два рубля – гривна. Но при этом московские монеты вдвое дешевле новгородских ценятся, ливонские – в полтора раза дешевле московских, псковские – в полтора раза дороже... И как только купцы во всем этом без компьютера разбираются?

Князь закрыл сундук, открыл другой, достал несколько листов серой датской бумаги, чернильницу на длинном ремешке, срезанное наискось гусиное перо, вышел из дома.

– Ну что, добры молодцы, не передумали?

Парни не ответили, и Андрей удовлетворенно кивнул:

– Илья, иди сюда. Клянешься ли ты слушать меня во всем, в делах больших и малых, все приказы выполнять с прилежанием, как бы тяжелы они ни оказались, и не отступать от воли моей, даже под угрозой для живота своего и болью лю-

бой? Клянешься ли быть честным и верным с сей минуты и до последнего часа своего, покуда отпущен не будешь для отдыха, либо не придет твой смертный час?

– Клянусь, – кивнул Илья и размашисто перекрестился.

– Вот, пиши здесь, что ты, Илья, Антипа Караса из княжества Сакульского, Запорожской деревни сын, получил гривну серебра за волю свою от князя Андрея, Сакульского по праву владения. Ставь число и подпись свою. И ты тоже пиши, красавец.

– Грамоте я не обучен, княже, – угрюмо сообщил Изольд.

– Я напишу, ты крестик поставишь, – ответил Пахом. – А грамоте тебя опосля обучим. А то как же так: русский человек, а букв не понимает?

– Я поморянец, – упрямо поправил его парень.

– Да хоть китайцем раньше был, – хмыкнул Зверев. – На русской земле живешь, русскому князю служишь, по-русски разговариваешь, за свободу и справедливость живот свой класть готов – значит, русский. Давай, Пахом, пиши.

Илье, поставившему размашистую, просто королевскую подпись, он вручил мешочек с серебром и предупредил:

– Сегодня домой ступай. Можешь деньги родителям отдать, можешь с девками прогулять, можешь на черный день спрятать – но завтра на рассвете чтобы здесь был! Пахом, сперва с бердышом их работать научи. Эта штука и попроще во владении будет, и для врага в бою страшнее. Опосля уж на рогатину и саблю переходи. Там мастерства больше нужно,

а они ребята уже великовозрастные.

– Сделаю, Андрей Васильевич, – согласно кивнул дядька, тщательно выписывая буквы.

Грамота получалась красивая, из крупных, украшенных хвостиками и завитушками букв, вытянутых в одну общую линию, без промежутков. Зверев долго не мог привыкнуть к тому, что здешние писари не разделяют никак слова – но что поделать, такая сейчас орфография.

– Княже, княже! – Во двор влетел мальчонка лет семи, но вместо того, чтобы поклониться Звереву, свернул к конюшне и принялся жадно пить воду, что грелась для скота в большой кадке. Чистую воду, естественно, колодезную.

– Ты кто такой? – не понял Андрей. – Чего хотел?

– Дядя Левший послал, – утер рот рукавом рубахи пацаненок. – Паузок к нам пришел, к ушкую чалится. Богатый. Не иначе, боярин знатный явился. – Он опять прихлебнул воды и уже не к месту добавил: – Андрей Васильевич.

Торжественность момента была вмиг разрушена. Князь еще раз заглянул Пахому через плечо, после чего потребовал у Изольда клятву верности, принял ее, отдал серебро дядьке и ушел в дом переодеваться. Не в рубахе же простой неведомого знатного гостя встречать! Когда же он вышел уже в атласе и шелке, в суконной, подбитой норковым мехом, украшенной бархатными вошвами ферязи с рубиновыми застежками и шелковыми шнурками на груди, в шапке с золотой бляхой на лбу, опоясанный драгоценной булатной бое-

вой саблей – новоявленные холопы уже отправились тратить полученное серебро.

– Вот, Андрей Васильевич, подписаны, – протянул свернутые в тугую трубку грамоты Пахом. – Отныне они твои рабы, княже.

– На сундук в светелке положи, – кивнул ему Зверев. – Коли хватятся меня, я на пристани.

– Коня оседлать?

– Пешком быстрее дойду, – отмахнулся князь. – Лучше девкам вели снедь собрать, кувшин с вином налить и на ушкуй принести. Гостя попотчевать надобно, а сюда вести не хочу. Коли не потребуется, сами с тобой пообедаем.

От холма, на вершине которого пряталась от возможного половецка деревня, до пристани на берегу торфянистой речушки Выюн было всего метров триста, не больше. Андрей одолел это расстояние за полторы минуты и, еще не ступив на бревна пристани, радостно раскинул руки:

– Кого мы видим! Боярин Бегебин, воевода Афанасий Семенович! Воистину, милостив ко мне Господь в последние дни! Что за доброе провидение привело тебя, боярин, к моему порогу?

В этот раз боярин не очень походил на д'Артаньяна. Он был в собольей шубе, накинутой на плечи поверх богатой ферязи, голову его спасала от жары высокая бобровая шапка, короткие туфли сверкали множеством самоцветов. В общем, настоящий русский помещик, в котором от европей-

ского щеголя остались только узкие усики и ухоженная черная бородка клинышком.

— Рыбаки из-за промыслов опять лаются, Андрей Васильевич, — ответил воевода города Корела и прилегающей волости. — На месте глянуть порешил. Да заодно захотелось знатного жителя нашего навестить, поклон от купцов передать, узнать, нет ли нужды какой али вестей новых?

— А как же, есть, — невольно расплылся в улыбке Зверев. — Сын у меня родился, наследник. Пять дней тому назад.

— Поздравляю, князь, поздравляю... — Бояре наконец сошлись и крепко обнялись, покачиваясь и похлопывая друг друга по спине. — А что за чудище такое вертится у тебя, Андрей Васильевич?

Воевода указал на многосаженное колесо водяной мельницы, что крутилось перед склоном, подпирающим Суходольское озеро.

— Лесопилка, — небрежно отмахнулся Зверев, давно привыкший к придуманному в начале лета механизму. — Там шатун под валом десять пил из стороны в сторону качает. Бревно сверху под собственной тяжестью на них скатывается, а снизу уже готовые доски вылезают. Два смерда всего приставлены, а досок за день на четыре избы выдает. Строиться много приходится. Я ведь рабов из Европы изрядно вывез. Больше полутысячи из Любека, да тысячу из Дании. Всех разместить надобно, на земле поселить. Опосля еще себе дом новый отстроить надобно, и усадьбу.

– Никак, княже, ты о смердах больше, нежели о себе, заботишься? – недоверчиво ухмыльнулся гость.

– Ну у меня-то крыша над головой есть, боярин, – кивнул Андрей. – А смердов на зиму под небом оставлять нельзя. Перемерут, пропадет зазря мое серебро. Опять же усадьбу лучше без спешки строить, спокойно и основательно. Ведь случись осаду держать – только в прочность стен и надежда.

– Это верно, – согласился воевода. – Тут, княже, камней изрядно кругом. Посему стены лучше из камня класть, они прочнее. А вот сам дом – токмо из бревен, оно теплее и для здоровья полезнее. Коли до весны со стенами обождешь, каменщиков могу прислать добрых. У меня в крепости работали, но там сейчас работы немного, одно лето обойдусь.

– Знамо дело, обожду, – вздохнул Зверев. – До заморозков все едино начать не успею. А как тати озерные, Афанасий Семенович? Удалось покончить с ними, али бегают еще кто?

– С твоей легкой руки, Андрей Васильевич, покончил, благодарствую, – чуть отступив, поклонился боярин. – Под дыбой тати все с охотой поведали. И где схроны тайные, и где стоянки общие, на каких реках, за какими озерами. За месяц ополченцы городские еще полтора десятка душегубов порубили, да трех живыми привезли. Две чалки разбойничьи на меч взяли. Ден десять тому я заводил главных в Москву, в Разрядный приказ отправил, и грамоту сопроводительную с ними. О тебе помянул, как и обещался. Дескать, твоей отвагой все началось...

– Да что мы все на причале, да на причале? – проследив, как на борт ушкуя поднялись с корзинками дворовые девки, деланно спохватился Андрей. – Ко мне за стол прошу подняться, Афанасий Семенович. Откушать чем Бог послал, за здоровье рюмочку бургундского принять. Ты, боярин, я знаю, сие вино ценишь...

Левший, наблюдавший за гостем и господином от рулевого весла, понимающе кивнул и похромал на нос, к трюму с припасами.

– Отчего не откушать? – пожал плечами гость. – С полным моим уважением...

Спустя несколько минут они продолжили свой разговор уже в каюте, выпив по полному кубку тягучего терпкого вина и закусив его сочными медовниками. Пост ведь на Руси. А в пост разве чем угостишься? Что и дозволено вкушать православному человеку – так освященный мед в сотах и пирогах, яблоки простые и моченые, изюм, курагу, грибки соленные и маринованные, рубленую капусту с редькой, огурчики простые и малосольные, парную спинку стерляжьую, пироги с вязигой, векошник, уху фруктовую и с шафраном, копченую лососину, запеченных пескарей, щучину свежепросоленную, заливное стерляжье – с ледника, усыпанное яркими колечками моркови, золотистыми луковичками, прорезанное длинными зелеными перьями порея и тонкими, словно изломанными, листьями укропа... Так ведь погреба князя Сакульского пока небогаты, рук не хватает, посему и половины доз-

воленного угощения девки принести не смогли. Пяток лотков, пяток подносов, несколько горшков и крынок...

Под скромный стол и разговоры пошли грустные. О том, что лето выдалось долгим и засушливым, и хлеб уродился плохо, и поля с капустой и репой скудны, и оброк смердам опять прощать придется да на будущий год в недоимку записывать, так что дохода с имений никакого не предвидится.

– Тебе хорошо, Андрей Васильевич, – после третьего кубка пожаловался воевода, – ты с государем дружен. Вот, на-медни, с Новагорода бояре из свиты князя Владимира Старицкого в Корелу заглядывали. Беспокоились, нет ли с твоей стороны какого предательства, помысла супротив Иоанна Васильевича... – при упоминании царского имени боярин широко перекрестился. – Но я уверил, что служишь ты Руси честно и страстно. Опять же, душегубов из чащоб лесных на суд вывел. Тебе хорошо. А вот с меня за недоимки в казну государеву полной мерой спросят. Разрядному приказу до хлопот воеводских дела нет. Положенного тягла с земли не собрал – со своего кармана докладывай.

– Ну что ты, Афанасий Семенович, – замахал руками Зверев. – Разве тебя недоимкой кто попрекнет, коли ты целую волость от душегубов избавил? Опять же на них и убыток казенный списать можно. Дескать, грабили, но ты, воевода, с ними управился. Я слышал, – понизил голос князь, – в Высоцкой волости купцы зело жаловались, что люд разбойный гуляет, ан воеводы мер к ним никаких принимать не хотят.

Так из волости всех воевод поместных в Москву привезли и в поруб посадили. В наказание за леность. Месяц они сидят, другой – а тати на трактах и весях пуще прежнего шалют. Управы-то и вовсе не стало. Купцы опять в Москву, в Разрядный приказ с подношениями. Ну воевод из поруба под стражей всех на прежние места и препроводили.

– И я про ту забаву слыхал, – рассмеялся боярин Беgebин. – Купцы, сказывают, боле никуда не жались. Да воеводам еще долго за муку безвинную отдаривались.

Разговор опять свернул на пустую болтовню о погоде, о родичах, на забавные истории, что случались в разных концах Руси. Однако Андрей уже знал, ради чего приехал воевода Корелы. Предупредить: кто-то из новгородских бояр ищет способ избавиться от нового соседа. Коли с изменой ничего придумать не удалось – может статься, уже с другой стороны к нему подступаются. Знать бы, кто, почему, как? Свита князя Старицкого – намек слишком общий. Под него половину Новгорода подвести можно. В почете князь в вольнолюбивом городе, в большом почете... Потому и обитает там, а не в столице.

Спрашивать воеводу бесполезно. Он, что хотел, уже молвил. Хоть и помог ему недавно Андрей, но рисковать ради князя Сакульского Афанасий Семенович не станет. Он токмо для себя старается и ради воеводства своего. С новгородцами не ссорится, потому как местные. Выжить могут, жалобами приказ закидать, промыслы доходные перекрыть. Со

Зверевым ссориться боится, потому как с государем Андрей близок. Одно слово – и конец его воеводству. Вот и крутится: тем помогает, этого предупреждает. Лишь бы врагом никому не показаться, лишь бы его самого убрать не попытались...

Гость, выпив еще пару кубков, вдруг резко поднялся:

– Благодарствую, Андрей Васильевич, за хлеб, за соль, но пора и честь знать. Дела ждут – и свои, и государевы. Будешь в Кореле, приходи. Обижусь, коли не придешь. Добрым людям завсегда вместе быть надобно. Иначе их... Их иначе...

Что именно случится с «добрыми людьми» поодиночке, воевода так и не вспомнил – вместо этого он полез обниматься, после чего решительно перевалился через борт на паузок, сел на крышу надстройки, помахал ладошкой. Андрей только брови вскинул: как же это гость так быстро нагрузился? Вроде и немного употребили...

Воеводские холопы забежали, отвязывая веревки. Пьяным везет – боярин даже шапки не уронил. Одномачтовый паузок – всего трех сажень в длину, с одинокой каютой посередине – напоминал яхту очень малого класса и возвышался над водой на полторы сажени ниже, нежели ушкуй. Грянувшись плашмя с такой высоты, можно и ребра переломать. Между тем воевода выглядел вполне веселым и довольным, долго и радостно махал рукой, пока его кораблик пересекал заводь. Может, радовался, что так удачно с задумкой управился? И князя упредил, и никого не выдал, лишнего не сболтнул...

– Вот ведь не дадут пожить спокойно, – вздохнул Зверев. –

Придется плыть в Новгород. Левший, слышишь меня? Рису предупреди, Лучемира. Собирайтесь. Коли нужда в чем возникнет, к Фролу ступай, требуй от моего имени. Пахома и двух холопов крепких я к полудню приведу. Вовремя они мне продались, хороший знак. Боги на нашей стороне.

Князь Старицкий

Разумеется, Зверев, как и обещал, дал всем холопам, что в раскопках на Боровинкином холме помогали, и вольную, и по три шапки серебра. Да только ничего в его отношениях со слугами особо не изменилось. Пахом, вырастивший, воспитавший сына боярина Василия Лисына с самых пеленок, сразу заявил, что стар слишком привычки менять. Относился он к Андрею, как к единственному сыну, поэтому решение такое князя ничуть не удивило. И уж, конечно, гнать своего дядьку из дома, на вольную волю, он не стал.

Риус сообщил, что на полученное серебро корабль купит, станет настоящим кормчим, подрядится товары по свету купцам возить. Но покамест для своего дела был он слишком молод, да и опыта не хватало – а потому рыжий мальчишка продолжал нести службу на ушкуе рядом с умелым, но подслеповатым дедом.

От холопей жизни отказался только Звияга, да и тот, решив вернуться к землепашеству, выбрал себе заросшую пашню на выселках в паре верст от озера, ближе к датскому порубежью. А стало быть, как и прочие смерды, платил оброк и называл князя своим господином. Разве только подъемных ему не потребовалось, да и дом своими руками поставил. Вот и все от прочих крепостных отличие.

Из прежней команды ушкуя пропало всего двое корабель-

щиков – Тришка сгинул в схватке с пиратами, да Васька Косой сам себе незавидную смерть выбрал. Однако князь надеялся, что неопытные, но зато крепкие парни вполне смогут их заменить.

Прощание с супругой в этот раз получилось быстрым и без лишних слез: Полина больше думала о малыше, нежели о муже. Погода стояла хоть облачной, но без дождя, ветер дул попутный. Скатившись вниз по течению из затона в Ладожское озеро, ушкуй расцвел всеми парусами и, с шипением разрезая волны, помчался на юг.

– Ну, гаврики, нечего рассиживаться, – поднял Пахом новых холопов, стоило им закрепить натянутые веревки парусов. – Вот тебе бердыш, а вот тебе. Привыкайте оружие в руках держать. Его, между прочим, наш князь придумал. Всего три года минуло. Ан такая ладная штука вышла – половина бояр и князей для своих ратей такие ковать начали. Работают бердышом тремя хватами...

Андрей, оставив дядьку заниматься с пополнением, ушел на нос, остановился там, глядя сквозь прозрачную воду на выстилающие дно валуны.

Надо же, три года всего, как колдовство Лютобора его в этот мир затянуло. А промелькнули – что один день. Вот он уже князь, уже властитель над судьбами полутора тысяч людей, друг самого государя, муж и отец пухлощекоего глазастого малыша, умеющего пока только спать и есть. Князь Андрей Сакульский! А ведь вернешься домой – окажешь-

ся опять старшекласником-недоучкой, пацаном несмышленным, которого никто всерьез не принимает. И надо ему снова в эту бесполезную школу? Чего он там забыл?

Зверев попытался представить себе князя Сакульского за школьной партой, и ему стало смешно.

Корабль мчался под попутным ветром вплоть до полуночи. По какому наитию Лучемир приказал вдруг в полной темноте спустить паруса и отдать якорь, неизвестно, но уже первые предрассветные лучи высветили в двух верстах впереди поросший низким болотным кустарником берег и широкое устье темноводного Волхова.

– Ветер добрый, – вскинув лицо к небу, понюхал воздух старый кормчий. – Авось, и дойдем. Давай, рыжий бездельник, тяни веревку якорную, да паруса поднимай. Коли Господь смилуется, за два дня доберемся.

Спустя четверть часа ушкуй по самой стремнине вошел в легендарную реку, западные ворота Руси, и стал упрямо пробиваться против течения. Боги отвернулись от путников только на третье утро, уже в самом Великом Новгороде. Правда, ветер оставался попутным – но все городские причалы оказались плотно заставлены кораблями: ладьями, дощатниками, наузами, ушкуями и стругами. В преддверии осени многие купцы возвращали свои корабли домой – на долгий зимний отдых, для ремонта. А может, наоборот: чтобы успеть загрузить трюмы накопившимся товаром и поскорее отправить его в теплые воды, пока лед не поймал судно

в неодолимую ловушку.

Лучемир прошел город насквозь, под каменным мостом меж крепостными стенами, вывел судно почти в самый Ильмень, но почуял в стороне протоку и повернул налево, в узкое горнило Тарасовца и покатился по нему к устью Вишеры.

– Паруса долой! Весла готовьте.

Течение неторопливо несло ушкуй между берегами с высокими дубовыми быками вместо причалов. Пристани, правда, тоже встречались – но были большей частью заняты.

– Может, к быку? – осторожно предложил Риус.

– Дурень, на борт свалимся, – отвесил рыжему подзатыльник Лучемир. – Киль у нас острый. Корабль-то морской.

– Справа впереди пустой причал, – заметил стоящий на носу Зверев. – Видите?

– Вперед смотреть надобно, а не со старшими спорить, – тут же схлопотал еще один тумак Риус. – Весла готовьте, бо руля ушкуй не слушает. Как бы не промахнуться...

Но старик, разумеется не сплеховал – приткнул корабль бортом к липовым отбойникам с такой осторожностью, словно рукой прислонил. Рыжий и Илья выпрыгнули на пристань, торопливо намотали причальные концы.

– Прибыли, княже, – кивнул Пахом. – Только чую я, до Новагорода отсюда версты три будет, не менее. Не находимся.

– Ничего, найдем постоялый двор, возьмем лошадей. Не к лицу нам пешими ходить. Чай, не голь перекатная. Левший,

появится хозяин причала – договорись о стоянке на три дня. Раньше не управимся. Айда, дядька, глянем, куда это нас занесло?

Обстоятельства закинули ушкуй князя Сакульского к рыбацкой слободе. Это понял бы даже младенец: столбы плетней и ворот, глина под ногами, стволы деревьев, трава – все было щедро усеяно, словно серебрянкой, рыбьей чешуей. Видать, промысловики, возвращаясь с берега, вытирали руки обо что придется, задевали заборы грязной одеждой, снастями, корзинами с уловом. И так – день за днем, месяц за месяцем.

В огородах, между капустными грядками и огуречными клетями, тянулись на вкопанных рогатинах серые нитяные сети, возле которых колдовали с челноками и тугими клубками бабы в завязанных на затылке платках и седобородые старцы. Видать, чинили дыры. Еще здесь имелись длинные навесы для лодок, снастей и сохнувшей рыбы, амбары для соли, пряностей и улова, повсюду витал неистребимый рыбный запах. А вот чего не было – так это постоянных дворов. Со стороны рыбацкой слободы гости в город не прибывали – никто здесь пристанища для путников и не держал. Пришлось князю с холопом на своих двоих отмахать почти две версты, прежде чем под ногами вместо сухой глины звонко загудела дубовая деревянная мостовая.

– А вот и постоянный двор, – указал Андрей на вывеску с кроватью, на которой отдыхал под полусползшим одеялом

свиной окорок. – Давай здесь и остановимся, чтобы зря ноги не топтать. Думаю, у хозяина найдется пара лошадей, чтобы завтра по городу поездить...

Как это всегда бывает в городах, двор оказался тесным – десяток телег меж воротами поместится, самое большее. Зато все строения, даже конюшня и амбар, стояли на подклетах, имели два этажа и высокие чердаки, уже плотно забитые сеном. Сам дом с узкими, забранными слюдой окнами, был и вовсе в три жилья, не считая подклети.

Дверь с высокого крыльца вела в трапезную, заставленную дощатыми столами и скамьями вдоль них. Здесь было почти пусто: человек пять обедало, не более. Зато все – богатые купцы в суконных кафтанах. Пуговицы сверкали отблесками самоцветов, из-под воротов выглядывали атласные и шелковые рубахи, на пальцах желтели тяжелые перстни. Похоже, выбор свой путники сделали удачно, среди голытьбы сидеть не придется.

– Хозяин, комнаты достойные для князя есть у тебя али все светелки тесные? – грозно рыкнул Пахом. – Где ты бродишь, хозяин, когда гости на пороге стоят?

– В отъезде ныне хозяин, – откинув полог проема напротив, выскользнул в трапезную служка в янтарно-желтой длинной рубахе, перепоясанной наборным костяным ремешком, в синих шароварах и мягких войлочных туфлях. – Но гость любой в его доме завсегда будет сыт и доволен. Палаты есть боярские и княжеские, светелки на одну ночь для отды-

ха. Слуг в людской, сколь пожелаете, без платы пристроить можем.

– Княжеские палаты, княжеские, – кивнул Андрей. – Но коли не понравятся, плетью выдеру! Завтра нам двух скакунов добрых на весь день пусть оседлают, а сегодня обед добрый в светелку доставь, после поста разговеться. Вчера, я так считал, Успенский пост закончился.

– Вчера, батюшка князь, вчера, – поклонился служка. – А за светелку не беспокойся, самого государя достойна, никто досель не жаловался. Борщ есть горячий и вчерашний, щи вчерашние, студень телячий, гусь в лотках и на пару, поросенка целиком запечь...

– Поросятка, – с ходу выбрал Андрей.

– Вино хлебное, немецкое, греческое?

– Греческое.

– Сей же час сготовим. – Служка отступил: – Эй, Данилка! Гостей дорогих в светелку угловую на третьем жилье проводи. С окном на реку да на детинец Софийский. И проверь, как ставни на ночь запираются, дабы хлопот у князя не случилось.

Андрей сразу поверил, что комната будет достойной. Это был первый случай в его здешней жизни, чтобы на постоялом дворе кто-то озаботился не только столом и постелью, но и видом из окна.

Он оказался прав. Светелка была втрое больше обычных, к тому же разделена занавесью надвое. В закутке перед две-

рю располагались стол, две узкие постели, сундук. В большей части комнаты имелась еще одна «койка» – широченная трехспальная перина. Напротив нее возвышался шкаф из красного дерева с резными дверцами, подпираемый с двух сторон окованными железом сундуками. Ближе к окну стоял пюпитр, на полочке под которым покоились две книжонки в тонком кожаном переплете. Из открытого углового окна и вправду открывался вид на верхний край кремлевской стены на том берегу и золотые купола, что венчали собор с красными стенами. Верхний этаж постоянного двора поднимался заметно выше всех прочих крыш. Данилка – рыжий курчавый мальчонка лет десяти – деловито бренькал накидным крючком, закрывал и открывал одну из слюдяных створок.

– Оставь окно в покое, – попросил Андрей, выискивая в поясной сумке серебряную чешуйку. – И так вижу, что стараешься. Найди мне лучше, где подворье князя Старицкого находится.

– А чего его искать, господин? – Мальчонка, отпрянув от окна, ловко перехватил из пальцев монету. – В конце Ильиной улицы Старицкие хоромы, за храмом Спаса Преображения. Аккурат напротив архиепископского двора. Токмо епископ еще строится, а княжеское подворье уж ветшать начало. Черное все от времени.

– Стой! А колокола в Новагороде где льют?

– То в монастырях, с владычего благословения, литейщики трудятся. На Синичкиной горе, например. Али на Кова-

левском крае, за Неверевым концом.

– Молодец, – пригладил его кудри Зверев. – Беги, с поросенком стряпуху поторопи. Голодные мы. А вино можно прямо сейчас нести.

– Ильину улицу я знаю, – сообщил холоп, едва закрылась дверь за мальчишкой. – Но зачем тебе монастыри, княже?

– Я, дядька, коли ты не заметил, ныне уже отец, – усмехнулся Андрей. – Успел по слабости душевной зарок дать: колокол для церкви нашей заказать на сто пудов. Теперь, хочешь не хочешь, исполнять должен. Слово – оно ведь не воробей.

– Ах, вот оно что... – понимающе кивнул Пахом. – Тогда надобно колокол с благословением отлить. Я вот что, Андрей Васильевич... Пока светло, может, за вещами обернусь? За саблей, казной, одежой?

– Нет, дядька, – с усмешкой покачал головой Зверев. – Добро до завтра подождет, ничего с ним не сделается. А ты здесь сидеть будешь и за здоровье наследника моего пить. В этом деле совет твой куда нужнее будет...

* * *

Ильина улица начиналась от моста через Волхов, что соединял кремль и островную, торговую часть города, шла через торговые ряды и упиралась в белокаменный храм, расписанный почти три сотни лет назад самим Феофаном Греком.

По сторонам от дубовой мостовой тянулись, плотно примыкая стенками друг к другу, торговые лавки, похожие друг на друга, как братья-близнецы: каменные, двухэтажные, с кованым навесом над дверью и двумя широко распахнутыми слюдяными окошками по сторонам. На темных, отполированных подоконниках тоже лежал товар. Где – тюки сукна, шелка или сатина. Где – уздечки, седла, попоны и потники. Где – чеканные кубки и тонкогорлые кувшины, полупрозрачный китайский фарфор, резные деревянные ковши. Лавки тянулись от Волхова далеко по Ильиной улице, отворачивали в проулки, расходились на каждом перекрестке в стороны насколько хватало глаз³. Торговцы смирив свой пыл только перед аскетичной белизной храма Спаса Преображения, стены которого тут и там украшали знаки древних купеческих родов. Улица вокруг храма расступалась сажень на сто, и получалось, что он стоит в центре широкого круга. Справа, почти напротив главного входа, шло активное строительство. Каменщики укладывали красный конусный кирпич прямо с телеги в свод арки, сбоку которой уже имелись каменные, ведущие в никуда ступени. Судя по тому, что такие же своды выкладывались в правую и левую сторону, было это не крыльцо, а паперть. Начало длинной крытой галереи, каковые опоясывали многие русские церкви. Стало быть, будущий храм возводился.

---

³ В XVI веке в Новгороде было 1500 торговых лавок! То есть одних продавцов в нем обитало больше, чем исчислялось жителей в среднем европейском городе.

Андрей перекрестился и вздохнул. На одном только правом берегу Новгорода огромных каменных храмов уже сейчас имелось больше, чем в Священной Римской Империи Германского Народа и Испании вместе взятых. Зачем горожанам понадобился еще один – Зверев совершенно не представлял.

По другую сторону площади стоял за деревянным тыном красивый семиярусный дворец, крытый резной осиновой черепицей. Нижняя часть имела длину сажений в полтораста и ширину около ста. Второй этаж – сто на полсотни. Третий – полсотни где-то на тридцать, четвертый – двадцать на десять, пятый получался размером с небольшую светелку, а два верхних имели, скорее, чисто декоративное предназначение. Хотя, конечно, в конуру размером с бочку, составляющую «шестое жилье», можно втиснуть караульного с самострелом.

Вход на княжеский двор тоже был гордым и вычурным. Калитка – шириной с ворота, ворота – шириной с улицу. Двойные створки: внутренние – из окованной железными полосами дубовой решетки, наружные – сплошные, из толстых досок, на которых сохранились остатки какого-то рисунка. Всадники, человечки, ангелы. Над входами возвышались деревянные луковки с иконами с внешней стороны. Георгий-Победоносец созерцал въезжающих в ворота, святой Сергей – входящих в калитку.

Андрей, из вежливости спешившись, широко перекре-

стился, прошел под Георгием, небрежно кинул поводья вороного мерина скучающему ратнику – в кольчуге, между прочим, скучающему, и с рогатиной. Словно в крепости службу несет, а не на обычном подворье.

– А-а... – растерянно открыл рот караульный.

– Князь Сакульский к князю Владимиру Андреевичу с поклоном.

Зверев прошел мимо, оглядываясь по сторонам. За спиной неожиданно ударило гулкое било. Андрей резко крутанулся, рефлекторно схватившись за рукоять сабли, но тут же взял себя в руки, неспешно двинулся дальше.

Двор как двор, навесы с яслями для лошадей. Ныне пустые – видать, для гостей предназначены. Несколько амбаров на каменных подклетьях, прикрытый сверху просмоленной деревянной «ромашкой» стог сена, возвышающийся до окон третьего жилья. Хлев, конюшня, кудахчущие в угловом загоне куры. Разумеется, князю Старицкому тесниться, как на постоялом дворе, не приходилось. Крыльцо на побеленных резных столбах вело сразу на второй этаж. По сторонам от него красовались огороженные трехпудовыми валунами цветочные клумбы, сплошь заросшие тигровыми лилиями. Такую красоту Андрей видел едва ли не впервые. Не лилии – цветочные клумбы на городском подворье, где каждая сажень на вес золота. Да и в усадьбах боярских цветы тоже как-то плохо припоминались.

– А князь-то, оказывается, эстет, – усмехнулся Зверев. Но

без ехидства, а с уважением. Подумать о кусочке живой красоты рядом с домом – в этом было что-то душевное.

Продолжая тянуть время, Андрей вернулся к Пахому, забравшему у ратника поводья, погладил мерина по шее:

– Ты ему подпругу отпустил?

– Отпустил, княже. Пригляжу я за ними, не беспокойся.

Зверев кивнул, сделал еще круг по двору и только после этого направился к крыльцу. По его мнению, он выждал достаточно времени, чтобы хозяин усадьбы мог собраться, переодеться, отдать нужные распоряжения – в общем, подготовиться к приему нежданного гостя.

На верхних ступенях его встретил чернобородый боярин в шитой серебром тафье и алой суконной ферязи, отделанной шелковыми шнурами, низко поклонился, приложив руку к груди:

– Здрав будь, князь Андрей Васильевич. Князь Владимир Андреевич рад гостю такому почетному. Милости просим в наши палаты.

Зверев недовольно поморщился, но кивнул, вошел в двери вслед за посыльным, вместе с ним одолел лестницу на третье жилье, миновал короткий коридор и ступил в залу, у дальней стены которой в кресле с высокой спинкой сидел наряженный в соболью шубу и меховую тафью с крестом на макушке мальчонка лет пятнадцати, не больше. Андрей мгновенно вспомнил заговор, разоблаченный им три года назад. Атаку псковских наемников, признания взятых в плен душе-

губов. Тогда тоже всплывало имя князя Владимира Старицкого. Но если князю сейчас всего пятнадцать лет, то сколько было тогда? Двенадцать? Что мог затеять он в таком возрасте, что придумать, что организовать?

– Долгие лета тебе, князь Андрей Васильевич, – низко склонил голову остроносый боярин, стоявший слева от кресла. – Князь Старицкий рад видеть тебя в добром здравии. Что за дела неотложные привели тебя к нашему порогу?

Зверев понял, что ему хамят. Хамят нагло, обдуманно и намеренно, пытаясь вывести из себя, заставить совершить во гневе глупость или просто развернуться и покинуть враждебный дом.

Если то, что хозяин не вышел встретить к порогу гостя, еще можно было извинить, объяснить какой-то неотложной надобностью – то как оправдать разговор через боярина, словно хозяин дома наголову старше гостя и считает общение напрямую ниже своего достоинства? Князь Сакульский здесь ведь не проситель – он равный в доме равного. Такого гостя положено на одной ступени встретить, к столу позвать, лично заботами последними, семьей и родичами поинтересоваться. Люб не люб – а обнять гостя, приветить. Владимир же Старицкий явно искал ссоры. Хотя чего мог хотеть мальчишка, едва перешагнувший порог зрелости? Тут присутствовали иные силы и иные интересы. А потому обижаться Андрею было пока рано. Следовало узнать хоть что-нибудь, найти хоть какую зацепку.

– Красивая роспись... – Зверев сошел с отведенного ему места просителя и двинулся по залу, разглядывая яркую роспись на белой штукатурке, что опускалась до самого пола. – Это, вижу, розы, тюльпаны, лилии... О, дракон. Забавно, мыслю, стоять на приеме бок о бок с желтым драконом. А это кто? Лев? Гепард? Пантера? Американский таракан?

– Это... Это лев... – ответил боярин.

– Тогда откуда у него такие усы, Владимир Андреевич? Да еще столько лап? Их пять, или шесть?

– Их там четыре, – громко ответил от кресла остроносый боярин.

– Да ну? А это что? А это?

Сойти со своего места бояре не могли, иначе бы разрушили подготовленную репризу с приемом просителя. Слушать, отвечать, смотреть через плечо – это ведь уже обычный разговор получится. Однако заставить Андрея играть по своим правилам они тоже не могли. И силу ведь к князю Сакульскому не применишь, и никакой особой нужды во Владимире Андреевиче гость не испытывает, чтобы добровольно приличия соблюдать.

– Хорошо расписано, мастерски. – Зверев никаких грубых слов не произносил: очень надо повод для обиды давать. – Просто завидно. Подскажешь, княже, где артель такую умелую нанял?

– То не я, то отец палаты гостевые расписывал, – неожиданно сболтнул мальчишка. – Весен десять тому...

– Но коли тебе надобно, Андрей Васильевич, – моментально пресек беседу остроносый, – то артель мы найти можем. Новгородцы работали, мастера все те же в ней остались.

– А прослышал я, Владимир Андреевич, – пройдя вдоль стены, остановился в шаге перед боярином Зверев, – интерес у тебя возник ко мне лично и к княжеству моему. Про честность мою люди подозрительные слухи собирали, про отношения мои с государем.

– Человек ты в наших землях новый, – и не подумал отводить взгляд остроносый, – незнакомый. Знать надобно Господину Великому Новгороду, кто в землях его поселяется, что за помыслы обитатель свежий имеет.

– Правда ли это, князь Владимир? – перевел взгляд на мальчишку Андрей. – Что в помыслах тебе моих, княже?

– Ты, Андрей Васильевич, с литовского порубежья боярин, – неожиданно ответил на прямой вопрос хозяин подворья. – Родич близкий князя Друцкого. Тебе, мыслим, надлежит и мысли общие для дворян европейских иметь.

– Согласен, – тут же кивнул Зверев. – Это про непротивление злу и права человека?

– Про вольности бояр, государю своему честно служащих, – вскинул подбородок мальчишка. – Разве дело это, коли смерды простые пред судом и государем права равные с древними боярскими родами имеют, коли бросать своих господ в любой год могут или детей своих в города али иные земли отсылать по прихоти своей способны, имения безлю-

дя? Разве дело это, коли с людьми ратными, живот свой за отчину кладущими, простые смерды равняются? Они ведь, крестьяне безродные, никакого иного дела, кроме приплода и урожая, не дают, умом и пользой от коров и лошадей не отличны. Так почему бояре родовитые с ними равняться должны, прихотям их угождать, отчего достаток наш, княжеский, от потакания смердам зависит? Во всем честном мире крестьяне от рождения к земле господской привязаны и суду дворянскому, а не общему подчинены. Почему же у нас, на Руси порядки иные насаждаются? Вольный боярин и послушный ему смерд – вот закон, ведущий все королевства к силе и процветанию!

– Кое о чем ты забыл, княже, – улыбнулся Андрей, переходя к креслу хозяина дома. – Ты забыл о святости и благословении Господнем. Помнишь, чем отличается Русь от стран востока и стран заката? Русская земля святая, она не рождает рабов. Стоит уравнивать нашу землю и злобную Европу, подчинить их общим законам, сделать людей русских от рождения прикованными к уделу своему рабскими цепями – и Русь наша тут же потеряет святость. Станет шальной и бесхребетной, как та же Польша или Германия.

– А ты знаешь, князь, какие вольности имеют польские шляхтичи или немецкие бароны? – вмешался в разговор остроносый боярин.

– А ты знаешь, – повернул к нему голову Андрей, – что ни Германии, ни Польши скоро в природе не останется? Сгинут,

рассыплются, поделены будут меж приличными соседями?

– Откуда ты сие знать можешь, Андрей Васильевич? – удивился боярин.

– Нутром чувствую... – Зверев понял, что брякнул лишнее, и решил свернуть разговор, пока не всплыло еще что постороннее. – Прости, княже, у тебя тут что-то темное... – И прежде чем дворня успела отреагировать, он вытянул руку и легонько провел ногтем у мальчишки по носу: – Соринка какая-то... Ну рад был видеть тебя, Владимир Андреевич. Надеюсь, мы еще подружимся...

Андрей развернулся и торопливо вышел из горницы. Сбежав со ступеней, он махнул дядьке, направился к воротам и оказался на улице почти одновременно вместе с холопом и лошадьми.

– Что князь Старицкий сказывал, Андрей Васильевич? – поинтересовался Пахом.

– А что мальчуган малой мог сказывать? – развязывая чересседельную сумку, переспросил Зверев. – Чужие слова какие-то перепевал. Про цивилизованную Европу и вольности дворянства. Однако же все равно странно. Я, с его же слов, человек с порубежья литовского, родич князя Друцкого, у коего половина корней по ту сторону рубежей осталась. Нравы во мне оттого должны зародиться безбожные, европейские. Оно ведь скатиться ко злу легко и приятно. Не отказывай себе ни в чем, пей, гуляй, веселись. Это к добру подниматься с трудом приходится, душой и разумом расти, че-

рез желания похотливые и гнусные переступать. По уму, во мне они союзника искать должны, гонцов засылать, разговоры осторожные затевать, мысли визнавать. А ну в деле подлом пригожусь? Меня же, не спрося, пытаются в измене государевой обвинить. Считай, со света сжить, не успев познаться. Дело это не простое, с наскоку не получится, но врагом я после такого для Старицкого стану точно. Так зачем им союзника возможного во врага превращать?

Андрей наконец-то добрался до заветного мешочка, провел ногтем по восковому шарiku, снимая на него крохотные частицы кожи, пота и грязи неосторожного мальчишки. Для свечи жира человеческого нужно совсем немного, крошку малую – и зеркало Велеса расскажет о нем все до последней капельки.

– Теперь на Синичкину гору помчались, – поднялся в седло князь. – Хорошо бы до темноты в оба конца обернуться.

Стены монастыря на Синичкиной горе мало уступали новгородским: такие же высокие, из красного кирпича, с круглыми островерхими башнями через каждые триста сажень. Причем, в отличие от города, между защищающими ворота башнями блестела золотой луковкой, переливалась витражами, сияла золотыми окладами икон надвратная церковь. Вот только по размерам монашеское жилище раз в двадцать уступало городу. Даже в сорок – ибо половину пространства во внутреннем дворе занимал белоснежный Аркажский храм.

На кресты церкви князь Сакульский перекрестился – и только. Обошел божий дом с алтарной стороны, остановился, оглядывая задний дворик, что сходиллся под острым углом к приземистой башне с черными зевами бойниц, в два ряда смотрящих во все стороны, даже вовнутрь. Взгляд Андрея тут же привлек жердяной сарай, стоящий чуть на отшибе от прочих строений: шагов двадцать от ближнего амбара, да еще и с пятью полными воды кадками у кожаной, в подпалинах, занавеси. От сарая доносился частый перестук, словно из кузницы – однако дыма из короткой кирпичной трубы при этом не шло.

Князь отдал повод мерина Пахому, подошел ближе – и сразу понял, что попал как раз туда, куда нужно. В яме за сараем, под толстой дубовой балкой, пятеро мастеров деловито сбивали окалину с колокола высотой в полтора человеческих роста, еще трое черными кусками войлока полировали зачищенные части до яркого золотого блеска.

– Бог в помощь, – присел на краю раскопа Зверев. – Старший кто у вас будет?

– В литейке старший. А ты чего хотел, боярин? – опустил зубило один из мастеров.

– Колокол хотел заказать.

– Это, стало быть, токмо на весну получится, – предупредил работяга. – Коли торопишься, в других местах поспросай.

Андрей кивнул, направился к сараю, заглянул под полог

и тут же отступил: внутри какой-то купец в шубе с янтарными пуговицами выкладывал на столик серебряные монеты. Князь, не желая вмешиваться в чужой торг, немного погулял, и лишь когда купец вышел наружу, занял его место в литейке.

– День добрый, мастер, – кивнул он степенному мужику в полотняной рубахе до колен, с короткой клочковатой бородой и длинными волосами, перехваченными кожаной тесемочкой с начертанными на них священными словами: «Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...». Вот только нос у обладателя этой записи был сломан и сросся корявым комком, а через лицо от левой брови к основанию скулы тянулся длинный розовый шрам.

– И ты здоров будь, боярин, – перекрестился мужик.

– Сказывали, колокола вы хорошие льете?

– Эка удивил, боярин! Про то половина Руси знает. Посему и кланяются к нам с этим делом и из Тулы, и из Вологды.

– Ну у меня тут преимущество быть должно, – улыбнулся Зверев. – Я, как-никак, местный. Храм мы отстроили в Сакульском княжестве. А колоколов пока нет ни одного. Нехорошо это как-то, правда?

– Хорошо не хорошо, а ранее весны, коли работа простая, отлить не сможем. А коли сложная, то и вовсе года два занять может.

– Откуда же я знаю, что просто, что сложно? – пожал плечами Андрей. – Вот, скажем, на два пуда колокол отлить –

это трудно?

– Шутить изволишь, боярин? – расхохотался мастер. – Колокольчиками не занимаемся. То к шорникам тебе надобно, это они колокольчики-бубенчики-шелестельщики выковыывают.

– А какие отливаете?

– Ну с Божьей помощью и с благословения владыки, для псковской звонницы намеренны пятидесятипудовый колокол довели, – пожал плечами мужик. – А меньше вроде и браться не с руки.

– А глянуть на него можно?

– Чего же не показать? Нам своей работы не стыдно. Пойдем, боярин.

За литейкой, между сараем и забором, на массивных саях выгибалась рогожа. Мужик сдернул ее решительным движением, и яркое летнее солнце отразилось на пузатом боку совсем маленького, высотой по колено, гладко отполированного колокола.

– Пятьдесят пудов? – не поверил своим глазам Зверев.

– Ну, может, на полфунта туда или сюда промахнулись, – не стал спорить мастер, – но не более того.

– Да, ты прав, меньше уже и некуда, – оглянулся на подошедшего ближе Пахома Андрей. – То-то попик наш на двухпудовый колокол так взъярился. Ну что тут скажешь, мил человек, стопудовый нам на колокольную потребуется. Вижу, иначе и затевать всего этого не стоит.

– Со стопудовым легче, – кивнул мужик. – Как большой лить станем, с запасом металл расплавим. Глядишь, пудов сто и останется. Токмо форму в земле отроем, да можно зараз и отливать. К весне всяко будет, как и обещал. Ты, боярин, сорок гривен готовь да на грамотке запиши, каковую надпись на колоколе увидеть хочешь.

– Сорок гривен?! – испуганно охнул Пахом.

– А ты думал? – скривился литейщик. – Посмотри, одного металла сколько потратить надобно. Да еще работа изрядная и с формой, и с заполнением чистым. Опять же расплавить все – тоже угля не один воз спалить придется. Стопудовый колокол ровным счетом сорок гривен и выходит.

* * *

На постоялом дворе князь Сакульский открыл сундук с походной казной, растерянно почесал в затылке, перекидал на стол кожаные мешочки:

– Пять, пять, десять и двадцать. И остается у нас... Остается у меня за душой всего семнадцать гривен, не считая новгородской чешуи в кармане. А я уж начал думать, что беговское золото никогда не кончится.

– Оно и спокойнее, княже, без сатанинского добра, – перекрестился Пахом. – Неужели своего серебра заполучить не сможем?

– Сможем, сможем... Следующей осенью, когда поселен-

цы урожай соберут. А пока придется обходиться тем, что есть. — Андрей опустил крышку сундука. — А есть у нас, дядька, один удачный восковой шарик. Давай-ка, ступай на кухню, возьми там ношву какую, да бадейку с водой. Посмотрим, что там у мальчонки нашего за душой.

— Грех, княже, сие чародейство, ох, грех, — опять осенил себя знамением холоп и отправился выполнять поручение.

— Грех, — согласился Зверев, доставая форму для свечи и льняную нить на фитиль. — А куда денешься?

К заклятию Велеса он обращался уж не первый раз, руку набить успел. Посему изготовить маленькие тонкие свечи с жиром князя Старицкого для него труда не составило, равно как и усыпить воду в ношве заговором Сречи, превращая посудину в колдовское зеркало. Пахом, даром что увлечение своего воспитанника осуждал, замер у Андрея за спиной, и вскоре оба увидели, как юный князь Владимир Андреевич усаживается за стол.

— Не то... — пробормотал Зверев, опустил глаза на нижний край ношвы, забираясь в прошлое своего противника.

Замелькали палаты, голубое небо, постель, богато накрытые столы. Князь спал, ел, охотился, снова спал, опять носился по лугам с охотничьим соколом. Нет, ничего... Для заговора он должен был собрать вокруг себя хоть небольшую кучку людей, вести какие-то беседы, переговоры. Но ничем подобным мальчишка не занимался. Развлекался как умел, вялял дурака, слонялся без толку, как и положено знатному

недорослю.

– Надо было у боярина жир соскоблить, а от мальчишки проку не видно... Стоп-стоп, а это у нас кто?

Андрей наклонился к ношве, увидев, как качнулась перед несущимся за соколом мальчишкой земля, скрестили ветви дерева. Мир опять закачался – но это, похоже, оттого что на дыбы встала лошадь. Раздвинулись усыпанные розовыми цветками стебли иван-чая, на свет вышел мужичок в мохнатых штанах и вывернутой наизнанку меховой душегрейке на голое тело...

– Разорви меня шайтан, да это же Колывай, Андронов сын! – охнул князь. – Знахарь запорожский. Так вот он куда из деревни моей подался. Прямым ходом сюда, в столицу северной Руси. Узнаешь, Пахом?

– Он самый, – кивнул холоп. – Да только куда ему еще податься было опосля того, как ты его опозорил прилюдно, едва не утопил, а опосля выпорол?

– Он не просто пропал, Пахом. Коли помнишь, он вместе с Белургом пропал. С колдуном, из могилы восставшим. А что, если они снюхались? Знахарь отшельником жил, в лесу. Колдун к нему в нору мог прийти запросто. Опять же Колывай этого полудохлого чудища не испугается. Коли он в магии разбирается, то понял наверняка, с кем дело имеет. Оба они меня ненавидят, так что есть хороший повод для дружбы.

– В Новагород-то почему они подались? Отчего мстить не

стали?

– Белург, коли помнишь, попытался... – Андрей, встав, начал «пролистывать» жизнь князя Старицкого вперед. – И чем это для него кончилось? Руки-ноги я ему переломал. Так что колдун поступил хитро. Он начал искать себе союзников. Тех, кому нужна помощь в чародействе и у кого достанет грубой силы, чтобы повязать меня в цепи, повесить на дыбу. Вот тогда он и оторвется за все бывшие унижения. В прошлый раз у меня были и сила, и колдовство, а у него – только чародейство. И он проиграл. Теперь у него тоже есть изрядная сила. Вот, проклятие, кончилась!

Свеча с жиром князя Старицкого, зачадив, погасла. Минуту спустя потух и второй огонек. Зеркало Велеса почернело.

– Нужно было толще делать, – посетовал Пахом. – Ничего толком не увидели.

– Из чего, дядька? Много я там у него с носа ногтем успел чиркнуть? Хоть что-то узнали, и то ладно. Значит, Белург и Колывай у Старицкого. Нет, Пахом, мальчишка все равно ничего, похоже, не знает. Кто-то у него за спиной сети плетет. Узнать бы, кто? И что задумал?

– Государя нашего отравить, чего ж еще? – как-то обыденно ответил холоп. – Как иначе князь Старицкий силу супротив тебя применит, коли не на престоле сидит? Иоанн Васильевич тебя любит, в обиду не даст. Опять же что еще колдун роду Старицких предложить может, дабы в расположе-

ние войти? Ежели государь ныне, до рождения наследника своего, преставится, то Владимир Старицкий, брат его двоюродный, единственным наследником будет. Государем. Тут уж, княже, тебе токмо бежать останется, вся сила Руси супротив тебя повернется. И колдун воскресший, и знахарь, и князь Старицкий, и те бояре неведомые, коим ты три года тому покушение на государя сорвал. А отравить царя, извести, со свету сжить проще всего. Нечто колдун старый нужного зелья не сотворит?

– Вот... не живется людям, – сквозь зубы процедил Зверев. – И сами свету белому не радуются, и другим удовольствие портят. Ладно, хочешь не хочешь, придется Ивана малолетнего спасать...

– Иоанна Васильевича? – вскинул брови холоп. – Помилуй, княже, да какой же он малолетний? Ровесник твой, девятнадцатый год ему от роду.

– Не отвлекай, – махнул рукой Андрей. – Значит... Значит, вот тебе гривна серебра. Завтра пойдешь ко двору Старицкого, попытайся разговор с кем-нибудь из слуг завести. Проведай, правда ли Белург у них в доме живет или бывает хотя бы. А еще... Еще неплохо белье грязное боярское на ночь у них забрать. Есть же там прачки, что для господ стирают? Лучше всего исподнее того, остроносого, добыть. А коли нет, то хоть чье-то. В кипяток бросим, жир всплывет – свечи сможем сделать. Так что на ночь только нам эту грязь добыть, а утром все в целости вернем. Сможешь?

– Не знаю, Андрей Васильевич, – пожал плечами дядька. – Нехорошо это как-то. Тайком, исподнее грязное...

– Сам знаю, что нехорошо, – вздохнул Андрей. – Стыдно. Но вот стоит ли жизнь царская нашего стыда? Я бы сам пошел, да только заметен больно. Князь все-таки. Хоть и переодеться, все едино узнать могут. Тогда и вовсе шум подыметя.

– Я попытаюсь, княже, – кивнул холоп.

– Отлично. А я днем к корабельщикам прокачусь. Дела кое-какие по хозяйству решить попробую.

* * *

Дорогу к верфи перед Посадской горкой Андрей вспомнил без труда, даром что был здесь больше полугода назад. Ушкуй, что путникам не удалось купить по весне, со стапеля исчез, вместо него здесь обрастал желтыми восковыми досками толстый крепкий киль, выгнутый из цельного дубового ствола. Во что он превратится к новому половодью под руками мастеров, сейчас было не угадать.

Князь вошел в ворота, повернул под навес, укрывающий зажатые меж распорками доски, остановился между стопками, постучал по одной кулаком. Как и в прошлый раз, радея о хозяйском добре, к нему прибежал низкий кривой мужичок, грозно размахивая палкой. Увидев знатного гостя, он тут же притих, опустил немудреное оружие, сдернул с голо-

вы полотняную шапку:

– Чего желаешь, боярин?

– Хозяина здешнего увидеть хочу.

– Хозяин ныне в городе, боярин, – развел руками мужичок. – Когда вернется, и не ведаю. Знаю, до темноты заглянет. Завсегда заглядывает. Видать, не спится хозяину, пока не уверится, что все в порядке в мастерской.

– Нет, темноты я ждать не стану, – покачал головой Андрей. – Ты вот что... Как придет... Как звать-то его, не спросил?

– Евграфий, Гвоздев сын, с Малой Посадской...

– Пусть купец Евграф на постоянный двор заедет, к князю Сакульскому. А двор мой первый со стороны рыбацкой слободы. На вывеске окорок в постели спит. Запомнил?

– Все передам в точности, батюшка князь, все в точности передам.

– Передай, дело у меня к нему на пять пудов золота... Нет, на полпуда скажи, а то не поверит. Понял? Вечером его жду. Не явится – иного напарника искать стану. Так и передай.

Час спустя Зверев уже подъезжал к своему временному пристанищу, мысленно смирившись с перспективой провести весь день в ожидании, наедине с парой жбанов пряного хмельного меда. Но не успел он скинуть в светелке плащ, как в комнату ворвался радостный, взлохмаченный Пахом:

– Я нашел его, княже! Нашел! Он там, там, мне точно сказывали!

– Кто?

– Да колдун этот полумертвый, Белург его имя. – Дядька быстрым шагом пробежал к окну, распахнул его, сделал глубокий вдох и повернулся к Андрею: – Подхожу я, стало быть, к подворью княжескому. Глянь, а оттуда холоп молодой выскакивает: рубаха атласная, пояс наборный, шапка горностаева, ходит гоголем. Ну я сгорбился весь, и к нему. «Не у вас ли, – спрашиваю, – боярин, божий человек обитает? Молва, говорят, идет, что и светел он ликом, и набожен, и исцелять божьим словом способен, и чудеса творит. Лицом, поведали мне, он узкоглазый и цветом восковым с лица, ростом с меня, но плечами богатырскими и ногами, як у богатырей, кривыми от седла...». А холоп мне и отвечает: «Пошел вон, дурак, деревенщина. Этот чародей и в церковь не ходит, и не молится вовсе, а в светелке заперся и токмо с зельями колдует, варит что-то, и огни за окном его по ночам мелькают. Молись Богу, чтобы на глаза такому „святоше“ не попасться, не то враз в ужа болотного обратит и на обед себе заварит». Ну и замахал на меня руками. А я и рад токмо. Закрестился испуганно, да в сторону и убег. Вот так, княже, – закончил гордый своей находчивостью Пахом. – Держи гривну свою, вся в целости. Я и так про колдуна все в точности узнал!

– Молодец. Молодчина! – искренне похвалил дядьку Зверев. – Теперь одно нам только дело осталось: исподнее боярское с подворья выкрасть. Уж извини, без этого в зеркало не заглянуть... – И князь Сакульский вернул серебро обратно

холопу: – Я на тебя, Пахом, надеюсь.

Холоп вздохнул, маленько потоптался, махнул рукой:

– Ладно, чегось сообразим, – и ушел, забыв притворить дверь.

Андрей тоже закрыть ее не смог: по лестнице взбежал мальчишка, нахально вставил ногу в щель:

– Пришли к тебе, княже. Доискиваются.

– Пришли – значит, встретим. – Он подобрал с сундука саблю и, опоясываясь, вышел к Данилке: – Ну, показывай.

Мальчонка кивнул на усаживающегося за стол горожанина – в алой шелковой рубаше, подпоясанного кумачовым кушаком. Казалось бы – обычный ремесленник, да только многие перстни на пальцах и украшенная самоцветами гривна на шее были слишком дороги даже для новгородского мастерового. Купец Андрею сразу не понравился: остроносый, с редкой бороденкой, впалыми щеками и колючим взглядом; худой, как ангел апокалипсиса. Худые же люди, как известно, либо жадны слишком, на собственном брюхе экономят, либо больны – а любая хворь нутряная характер человеческий не улучшает.

– Здрав будь, мил человек, – опустил за стол перед гостем Зверев. – Ты, что ли, Евграф, Гвоздев сын, хозяин верфи, что на улице, к Посадской горе ведущей?

– А ты, значит, князь Андрей Сакульский, муж княгини Полины? Что же, рад знакомству. – Купец полуобернулся к закрытой пологом кухне и громко крикнул: – Эй, приказчик,

вина лучшего князю, другу моему!

Вот он, нрав новгородский! Никакого уважения ни к роду чужому, ни к знатности. Все токмо на золото измеряют. Всего полста лет минуло с тех пор, как сошлись на реке Шелонь рати нищей и малолюдной, но сильной духом княжеской Москвы и богатой до изумления, обширной и многочисленной Новгородской республики. И стало ясно, что сила не в золоте, не в крике вечевом, а в правде, и сделался Новгород всего лишь одной из московских провинций. Но не изменился нрав новгородский, осталась чванливость их к «низовским», как они всех людей, кроме горожан своих, кличут. Любой купчишка с мошной равным себя князьям московским считал, а с боярами небогатыми и вовсе свысока разговаривал. Любой ремесленник одеться норовил по-княжески, в шелка и атласы, самоцветами и золотом сверкал; жену каждый наряжал – боярыням знатным впору. Никакой скромности, никакого понимания места своего в мире. Купец, вон, корабельщик, князя незнакомого, ровно мастерового своего, вином не спросясь угощает, другом кличет. Он-то, новгородец, весь во злате, а у гостя его всего один перстенок на пальце сверкает.

Правда, был во всем этом и один приятный момент: Еврафий, судя по широкому жесту, жадностью не страдал.

– Так какая нужда привела тебя в мою мастерскую, княже? – наклонился вперед купец. – Коли судно тебе надобно ходкое да крепкое, то сшить мне такое нетрудно. Вот ток-

мо дорогие они у меня, сразу упреждаю. И места свободного ныне у воды нет. Разве к ледоставу, мыслю, освободится. Но чтобы не занимал я его, задаток спрошу.

– То-то и оно, что дорогие, Евграф, – наклонился на встречу Андрей. – Ведомо мне, ты добрые суда из доброго леса делаешь. Доски токмо пиленые берешь, рубленые не используешь. А удовольствие это, понятное дело, дорогое. Посему и дело хочу предложить прибыльное тебе, а не халтурщикам, что ладьи на один сезон сколачивают. Доски хочу предложить тебе добротные. Ровные, пиленые. Но по цене необрезанных. При таком раскладе корабли ты сможешь шить столь же славные, сколь и сейчас, а вот цену назначать вдвое ниже прежнего. И прибыль твой станет выше изрядно, и соперников своих ленивых ты враз из торговли выживешь, главным корабельщиком станешь.

– Ладно сказываешь, княже... – Купец откинулся, с полминуты о чем-то размышлял, потом опять наклонился вперед: – И какую долю ты себе с этого промысла хочешь?

– Никакой.

– Это как?

– Мой прибыль – не твоя забота, Евграф. Твое дело – доски дешевые в корабли дорогие превращать.

– Вот оно, значит, как... – недоверчиво покачал головой купец. – И много ли ты такого товара продать мне желаешь?

– А сколько хочешь, столько и продам.

– Э-э... Двести волокуш продашь?

– Легко.

– Ну коли так... Ладно, убедил. Показывай товар.

– Не здесь товар, Евграф, – покачал головой Андрей. – Он у меня, в княжестве.

– Так вот он в чем, подвох! – громко хохотнул корабельщик и стукнул кулаком по столу. – За морем телушка полушка, да рубль перевоз.

– Не ори, – сквозь зубы процедил Зверев, – не о копеечном закладе речи ведем. Тут сказ о деле на много лет вперед и на многие пуды золота в доход для нас обоих. Ты ведь не коров пасешь, купец. Ты корабли шьешь. От княжества Сакульского до Новгорода три дня пути. Много новое судно за этот срок в цене потеряет?

– Эка сказанул! То новую мастерскую на новом месте строить надобно, людей искать али отсель за озеро переманивать. Самому с хозяйством обосновываться.

– Полцены за материал, – кратко ответил князь.

– Угу... В строительство вложишься, а опосля окажется, что и цена выросла, и тягло на мне повисло, и людишки в холопы продались.

– Насчет тягла ты хорошо придумал, – кивнул Андрей. – А вот со всем прочим никак условия не изменятся, на том рядную грамоту можем подписать. Приедешь на место – увидишь, почему.

Очень к месту служба притащил угощение. Вино – Звереву, хмельной мед, пряженцы и лоток с заливной зайчатиной

– купцу. Евграф взялся за еду. Князь Сакульский тоже молчал, давая купцу время подумать. Когда глиняное корытце опустело, а в кружке вспенились остатки меда, новгородец наконец рискнул ответить:

– Не поглядевши не решишь, княже. Готов я с тобой на место сплавать. Там рядиться и станем. А може, иного компаньона тебе искать придется, слова давать не стану. Но задумка у тебя интересная, согласен. Ты когда отчаливать намерен?

– Мыслю, еще дня два придется здесь побыть.

– А судно где?

– За рыбацкой слободой, на Вишерской протоке. Ушкуй там только один стоит, не ошибешься.

– Я на паузке своем поплыву. Иначе ведь мне и не вернуться. Тебе-то, княже, из-за одного гостя ушкуй гонять не с руки. Заодно и родичей в Кореле навещу. Послезавтра, стало быть? Ну так я поутру прямо к ушкую и причалю.

Купец поднялся, вынул из складки кушака и кинул подбежавшему службе какую-то монету, развел широко плечи и тяжелым шагом направился к дверям. Андрей остался ждать примерно с половиной кувшина белого рейнского. Еще один кувшин и заливную белорыбицу он заказал к себе в светелку часа через два. Потом еще один. Время тянулось медленно, а Пахом вернулся только ближе к полуночи. Пряча взгляд, ушел за занавеску, и почти сразу там зашелестел набитый сеном тюфяк.

– Ты бы хоть поел, дядька, – предложил Андрей.

– Прости, что разбудил, княже. Я того... В корчме на Ильиной улице перекусил. Сыт.

– Как хочешь.

Про успехи спрашивать Зверев не стал. И так было ясно, что Пахому ничего добыть не удалось.

Поутру холоп выскользнул за дверь опять же на голодный желудок. Зверев, вытянувшись на перине, приготовился к долгому ожиданию – но Пахом примчался еще до полудня, держа под мышкой внушительный сверток:

– Есть, княже! Уломал! Показали мне прачку одну со Старицкого подворья. Родичем я назвался прачки из-под Вереи да имя назвал: Настасья. Мне такую и показали. Страшная... Что жаба раздутая, и вся в прыщах. Ну а как за ворота с ней вышли, пожалился я, что боярин здешний сестру мою спортил. Обещал за ласку и подарки всякие, и избу новую с землей, и дитятю в знатности воспитать. А как понесла – то и не появляется больше. В общем, сказал, приворот хотим на обманщика этого сотворить, дабы любил до гроба и на иных не смотрел совсем. А знахарь, дескать, для того наговора портки ношенные охальника требует. Ох, княже, как она мою сестрицу жалела, как над бедою ее плакала! Ну прямо сердце у нее сжималось. Однако же по три алтына с пары портов истребовала. Я сказал, не ведаю, что за имя у боярина, сам не видел. Баба же токмо обрадовалась. Чем более, тем и лучше.

– Обмануть не могла?

– Дык, я ведь тогда на воротах стражнику их верну, – ухмыльнулся Пахом, – и на обман пожалуюсь. С меня какой спрос? За сестру радею! Да и добро не уношу, а возвращаю. Опять же суда ждать не стану, ноги унесу. А она, Настасья, останется.

Холоп поднял руку и уронил сверток на стол.

– А почему из-под Вереи? – поинтересовался Зверев. – С чего ты взял, что на подворье прачки верейские есть?

– Дык, Андрей Васильевич, откуда князь, оттуда и прислуга быть должна... – удивился дядька.

Естественно, холоп разбирался в родословных и землях здешних князей и бояр куда лучше Андрея. Может, Старицкий князь и вправду был откуда-то из-под Вереи. Странно только, что имение его за половину страны, а живет он здесь, в полном скрытой смуты Новгороде.

– Ладно... Сбегай на кухню, потребуй жаровню с углями ко мне в светелку. Скажи, мерзнет князь. Еще мне вода, естественно, потребуется и... маленький котелок.

Остаток дня выдался для Зверева долгим и жарким во всех смыслах этого слова. Каждые из одиннадцати принесенных прачкой порток следовало нагреть до кипения, чтобы скопившийся жир всплыл к поверхности, потом собрать немногочисленные пятнышки на нить, залить ее воском, разделить на две свечи, после чего выплеснуть старую воду, согреть новую, опять вскипятить, собрать, залить. Со всем этим юный чародей управился только к полуночи. А ведь с

каждой из полученных свечей еще следовало провести обряд, просмотреть, что творится в жизни владельца каждого доставленного штана, стараясь не упустить важного момента – но и не тратить слишком много времени...

Старания вознаградились успехом с седьмой попытки. Да что там успехом – настоящим триумфом! Заглянув в жизнь одного из княжеских бояр, Андрей увидел, что тот читает свиток, исписанный крупным, уверенным почерком.

«...что до зелья кудесника твоего, боярин, то изумительным по чаровыванию своему оно оказалось. Ныне четверо наперсников царских, самых близких к Иоанну, нам с иступлением в верности поклялись и всячески в делах наших способствовать берутся. Оных я беречь мыслю, дабы волю царским именем вещали, как дело до избрания престолонаследника дойдет. Ныне стряпуха дворцовая зелью поддалась и приказ, тебе ведомый, исполнить согласна. Поспешать потребно с тем приказом, ибо государь с царицей Настасьей на молебен в Рождественский монастырь собирается и не иначе, как к Покрову, отъедет...»

– Проклятие... – Андрей опустил ношву с водой, зевнул, отошел к окну. Небо уже начинало светиться, предвещая близкий восход. – Похоже, надобно нам, дядька, в Москву. Очередную дрязгу боярскую разгребать. Четверо самых близких... Кто же это быть может? А ну боярин Кошкин тоже их колдовству поддался? Хотя от любого приворота человека всегда отговорить можно. Только бы добраться до него

вовремя. Сколько у нас дней до Покрова осталось?

– Да почитай, еще полтора месяца, княже. Даже более.

– Тогда, пожалуй, успеем. Обернемся с корабельщиком в княжество, урядимся по нашему с ним делу. Потом я сразу на корабль – и сюда. Возьму почтовых лошадей, через два дня в Москве буду. Пожалуй, должен успеть. Не все еще у заговорщиков сладилось, приказа отравить еще не дали. Скорее всего, Старицкий сперва сам должен в столицу перебраться. Ему в нужный момент важно быть в самой гуще событий. Успею. Должен успеть. Не то, пока мотаюсь, лед схватываться начнет. Пока не окрепнет, пути в княжество не будет. И застрянет наш уговор с Евграфом до самого Рождества. И то коли других бед не случится... В общем, нужно обернуться! – принял наконец решение Зверев. – Заговор заговором, а собственного дома забывать нельзя. Сожги все эти порты, чтобы следа не осталось. Глупо будет на такой мелочи попасться.

– Как же прочие свечи, Андрей Васильевич?

– Оставим, авось пригодится. Ничего более важного, чем то письмо, все равно не узнаем. – Зверев опять зевнул. – Собирайся, поехали на ушкуй. Пока плывем, отоспимся. Вниз по течению, да озеро... Два дня туда, три обратно, день там. Успею.

Зеркало Велеса

Пока тряпье, исходя вонючим дымом, перегорало на жаровне, пока хозяин, сочтя плату, выбирал гостям самых быстрых лошадей, пока их оседлали и навьючили – солнце уже успело подняться. Да еще почти час пути через рыбачью слободу. В общем, к причалу они подъехали уже ближе к полудню. К пустому причалу.

– Это еще что за японская сила? – изумленно повернул голову к Пахому Зверев.

– Да-а-а... Нет чегой-то ушка, Андрей Васильевич, – не менее изумленно ответил холоп.

Князь Сакульский задумчиво погладил рукоять сабли – но в таком деле не мог помочь даже самый лучший булатный клинок.

– Украли, что ли? Хотя как украдешь с командой...

– А может, местом ошиблись? – предположил малец, посланный с гостями, чтобы забрать скакунов.

– Место приметное. Вон вяз раздвоенный и лодка без дна. – Пахом спешился. – Я хозяина пристани поищу, княже. Не мог же он без платы судно отпустить? Вестимо, хоть чего, а ответить должен.

– Хорошо, – кивнул Андрей. – А я вперед-назад вдоль берега прокачусь. Вдруг и вправду мы дорогой ошиблись. Или Лучемир корабль переставил. С деда станется. Встретимся

здесь. Коли меня и не будет, все равно не уходи. А то еще нам потеряться не хватает.

Когда ты верхом, расстояния становятся маленькими. За считанные минуты Андрей проскочил на полторы версты вниз вдоль протоки, почти до самого конца острова, потом на рысях вернулся назад, снова вглядываясь в стоящие у берегов корабли. Хотя, конечно, не заметить среди рыбацких баркасов величественный ушкуй было невозможно даже с первой попытки.

– Они ушли, – сообщил князю Пахом, когда Зверев вернулся к приметному месту. – Сказали хозяину, что ты, Андрей Васильевич, повелел им спуститься к Ладоге и ждать тебя там.

– Бред какой! Как повелел, когда?

– Я не знаю, княже, – пожал плечами холоп. – Как мог повелеть, через кого? Я ведь со двора сегодня не отлучался. И вечером тоже. А они ушли на рассвете, как паузок к борту пристал.

– Может, Евграфий чего перепутал? – Андрей задумчиво потер подбородок. – Чего тут сделаешь? Придется верхом в Ладогу скакать. Малой, до нее от Новгорода далеко?

– Коли верхом, с заводными, то за два дня поспеете. Али ночью доберетесь, коли ни себя, ни коней жалеть не станете... Токмо Михайло Андреевич залога попросит. Знамо дело, почти сто верст – это не три, как здесь. За скакунов бо-язно.

— Ладно, все едино никуда не денешься. Поехали обратно. Перекусим на постоялом дворе, пирогов прихватим, да и в путь. Только как я залог обратно получу, ежели коней в Ладоге оставлю?

— Дык, вестимо... Я с вами поскачу. Я и отдам, и за лошадьми присмотрю, чтобы не загнали. Али еще кого хозяин пошлет, коли забеспокоится.

Однако содержатель постоялого вора купец Заухин Михайло Андреевич не забеспокоился, и уже через час, наскоро перекусив холодным борщом и обжаренной с грибами и сыром ветчиной, путники с набитыми чересседельными сумками выехали из Господина Великого Новгорода на север. Одна беда — выехали без заводных. Свободных трех скакунов на тесном постоялом дворе не нашлось.

Первые версты, что тянулись через слободы, слободки и предместья крупнейшего в Европе города, дорога была широкой и накатанной. Но версты через три оборвалась деревянная мостовая, еще версты через две закончилась отсыпка из мелкой гальки, перемешанной с песком. Правда, грунтовка оставалась столь же ровной и широкой, как Пуповский шлях. Но недолго. Два часа пути — и накатанный тракт отвернул к сверкающему золотыми куполами монастырю, что отгородился на холме от мирских суев могучими рублеными стенами с навесом для лучников и квадратными башнями, угрюмо смотрящими наружу и вдоль стен черными щелями бойниц.

Путники придержали коней, недоуменно глядя на забранные впереди дубовой решеткой ворота, однако их окликнул отставший почти на сотню сажень мальчишка:

– Вы куда, бояре? Вот ведь тракт ладожский!

– Ох, ничего себе – тракт! – скривился Зверев, глядя на узкую просеку, ныряющую в лиственную влажную низину. – Тропинка заброшенная... Ты ничего не напутал, малец?

– Кто же вдоль реки дорогу прокладывать станет, княже? – пожал плечами Пахом. – Кому добро отвезть надобно, тот на струге поплывет. А кто верхом обернуться желает, тому и тропинка сойдет.

Холоп первым свернул с накатанной дороги и перешел на рысь, пригнувшись на всякий случай к шее коня. Андрей вздохнул и двинулся следом. Последним скакал, насвистывая что-то себе под нос, мальчишка с залогом в небольшой поясной сумке.

Если для дороги эта новгородско-ладожская трасса была позорно узка, то для тропинки – очень даже просторна. Деревья по сторонам расступались почти на две сажени, а потому толстые сучья, что могли выбить из седла неосторожного всадника, до середины пути не выпирали, да и тонких хлестких прутьев встречалось совсем немного. Путешественники скоро перестали пригибаться, лишь изредка отводя от лица ветки, поглядывали по сторонам, любясь резко меняющимися пейзажами. Стоило тропе нырнуть вниз – как они оказывались в узком тенистом тоннеле среди тесно расту-

щих осин, ив, березок или в гуще осинника с тесно переплетенными ветвями. Шла дорожка наверх – стелилась среди прозрачных, пахнущих смолой и ладаном сосновых боров, местами поросших понизу темно-зеленым можжевельником. Время от времени леса внезапно обрывались, уступая место бескрайним лугам, ярко-розовым от стоящего выше седла иван-чая.

По правую руку то и дело меж коричневых сосновых стволов или за краем цветочного поля поблескивал мелкими волнами, дышал манящей прохладой широкий Волхов. Искупаться бы в нем – да времени нет. Путь долгий. Чуть задержишься – и даже к полуночи до Ладоги не поспеешь. Вставать же на ночлег, известное дело – полдня пропадет. Это ушкуй, пока путник спит, продолжает версты отсчитывать. А верховому каждый привал в новые часы дальнего пути выходит.

– Глянь, княже, еще кто-то дорогу накатывает, – чуть придержав скакуна, оглянулся на хозяина Пахом. – Не мы одни такие.

Всадники промчались мимо мужиков, что развалились в траве, вытоптав иван-чай сажень на двадцать по левую руку от тропы. Еще саженьях в сорока виднелся табунчик из полутора десятков оседланных лошадей, мирно пасущихся на сочной, не тронутой ни косой, ни плугом, траве. Бездельники проводили проезжих ленивыми взглядами, кто-то залихватски присвистнул вслед.

– Странные ребята, – вслух удивился Зверев. – Пятна-

дцать рыл, все с мечами. Чего им тут делать? Кузнечиков да-
нную обкладывать? Да и рубахи больно толстые, странно си-
дят. Словно их поверх поддоспешников натянули. Но тогда
уж скорее – поверх брони. От кого они тут таятся, кольчуги
прячут? От кукушек и дроздов?

Посвист позади повторился, тут же послышался и начал
быстро нарастать тяжелый топот от десятков копыт.

– Вот, зараза, – сплюнул Андрей и передвинул немного
вперед, под руку, саблю. – Кажется, я знаю, от кого эти гав-
рики прятались. Тати лесные. А мы и без щитов, и без бер-
дышей, и без брони.

– Помилуй Бог, боярин, – не согласился малец. – Отро-
дся на дорогах наших душегубы не ходят. Извели всех кня-
зья да воеводы. Чай, не метчина, земли новгородские.

– Твои бы слова – да Богу в уши. Пахом, дорогу уступи!
Все едино на усталых конях нам от них не уйти. Пусть мимо
проносятся.

Трое всадников свернули с протоптанной дороги в густые
дебри иван-чая, развернулись. Нагоняющие их попутчики
перешли с галопа на рысь, потом на широкий шаг, а затем и
вовсе остановились, заполонив всю дорогу.

– Это ты, что ли, парень, князем Сакульским будешь? –
поднялся на стремянах один из преследователей, наголо бри-
тый, но без тафьи, с черной, любовно расчесанной бород-
кой, выющейся мелкими кудрями. В остальном мужик никак
не отличался от своих товарищей: та же полотняная рубаха,

неестественно поднятая на груди и плечах, серые шаровары, прочные юфтовые сапоги. И ни у кого – никаких украшений. На душегубов они никак не походили: разбойники не отличаются скромностью и не имеют привычки ходить в одинаковой форме.

– Ты как с князем разговариваешь, смерд? – расправил плечи Зверев. – Плетей давно не пробовал? Чей холоп будешь?!

– Намедни ты, князь Сакульский, – невозмутимо продолжил мужик, – при встрече кое-что у князя Старицкого забрал. Князь Владимир Андреевич это назад получить желает.

– Да? – рассмеялся Зверев, вспомнив крохотный, почти неразличимый глазу соскоб, оставшийся у него на ноге. – Вы хоть знаете, чего искать, олухи?

– Знаем, – кивнул верховода, вытягивая из ножен меч. – Все заберем, а там видно будет.

– Не отда-ам!!! – вдруг завопил Пахом, поднял коня на дыбы и послал его с места во весь опор, вспарывая ковыльи заросли.

– Стой!

Старицкие холопы рванули следом, Андрей – тоже, оказавшись где-то в задней трети вытаптывающей луг кавалькады. Мозг же продолжал работать, усваивая услышанное: «Они хотят забрать все мои вещи. Но как потом оправдают столь наглое нападение на честного князя, друга самого го-

сударя? Только одним способом: не оставив свидетелей. Тем паче, что Белург наверняка не откажется от подарка в виде головы своего недруга...».

Зверев рванул саблю, качнулся вперед и рубанул круп близкого коня. Тот от неожиданной боли оступился, кувыркнулся через голову. Всадник полетел дальше, забавно растопырив руки, но упасть на землю не успел – Андрей, нагоняя, рубанул его поперек в основание затылка и тут же рванул левый повод с такой силой, что едва не порвал лошадиных губ. Скакун, возмущенно захрапев, повернул, оказавшись на пути другого несущегося во весь опор холопа. Слуга Старицкого в последний момент смог отстраниться, проскочив вприценку к морде, – но на клинок распластавшегося вдоль лошадиного бока Зверева отреагировать не успел, и острая сталь пропоролла его бедро почти на всю длину от колена вверх.

– Не жалец, – довольно отметил Андрей, пытаясь выпрямиться обратно в седле.

Однако его скакун тоже начал заваливаться. Не дожидаясь, пока теплый лошадиный бок прижмет к земле, Зверев освободил ногу, шлепнулся вниз и моментально перекатился у коня под брюхом. Послышался чей-то недовольный возглас, но оборачиваться было некогда: прямо на князя мчался еще один душегуб с обнаженным клинком. Андрей выпрямился, вскинул саблю, словно собираясь сразиться, но в последний миг перед столкновением резко пригнулся, метнулся с правой стороны коня влево, одновременно рубя но-

ги животного чуть выше копыт, упал, мигом откатился – а то ведь с седла и достать могут. Холоп, впрочем, не достал, с отчаянным воплем пролетел над головой рухнувшего животного, а на Андрея уж наскакивал новый враг.

Князь вскочил на ноги, вскинул руки, грозно закричал, резанул кончиком сабли лошадь по носу, самому чувствительному месту. Та, громко заржав, встала на дыбы, мешая всаднику ударить Андрея с седла. В таком положении не о схватке думаешь, а о том, как самому в траву не кувыркнуться. Зверев, правда, слугу Старицкого тоже не мог достать – но вполне дотягивался до стремени, каковое от души и рубанул, аккуратно по кончику коричневого сапога. Обратным движением резанул несчастного скакуна поперек груди, отбежал, развернулся. Как он и ожидал, потраченных на схватку мгновений хватило вылетевшему из седла холопу, чтобы вскочить на ноги и ринуться на указанную далеким господином жертву.

– Умри, подлый упырь! – из-за головы ударил его душегуб.

Андрей подставил саблю плашмя, давая вражескому клинку соскользнуть в сторону, и тут же полоснул врага поперек лица. Холоп резко откинулся назад, спасая голову, лезвие вспорол рубаху на его груди, обнажая кольчужное плетение. Меч же врага оставался еще внизу, слева – а потому Зверев без опаски ударил его ногой в пах. И вмиг отпрыгнул: всадник, успокоив коня, ринулся в новую атаку, разго-

няя животину так, чтобы ни о каких «дыбах» не было и речи. Встанешь справа – под меч попадешь, встанешь слева – все едино меч достанет, останешься посередине – лошадь грудью собьет.

Князь кинулся влево – и встал за сложившимся от боли холопом. Топтать своего товарища душегуб не стал, проскочил левее. Андрей сделал шаг вправо – в итоге они достали друг друга лишь кончиками клинков. Короткое звяканье – и всадник пролетел дальше, начал, горяча скакуна, разворачиваться по широкой дуге. Секунд десять. Зверев как раз сумел добежать до убитого первым холопа, дернуть из его ножен меч, выпрямиться, вскинуть оба клинка вверх, под падающую с широкого замаха смерть. Раздался оглушительный звон. Саблей князь продолжил уводить чужое лезвие от своей спины, а левой рукой вогнал меч в тело лошади куда-то за седлом. Та, словно не заметив, проскакала еще сажень двадцать и рухнула разом, подогнув все четыре ноги. Зверев бросился следом и успел к тому моменту, как его враг только поднимался с травы. Холоп выставил навстречу меч, но князь принял клинок на угол меж гардой и лезвием, навалился всем весом – теперь он, а не злосчастный душегуб был наверху. К тому же односторонняя заточка сабли позволяла нажимать на обратную сторону и левой рукой. Мужик, глядя, как сталь приближается к лицу, опять откинулся назад, повернул меч плашмя и ухватился за него второй рукой, пытаясь удержать вес Зверева, не дать лезвию коснуться кожи

– но плашмя вражеское оружие уже не представляло опасности. Андрей качнул саблю кончиком вниз, вдавив в макушку, и рванул за рукоять. Клинок заскользил, взрезая живую плоть, холоп вскрикнул – Зверев резко отпрянул, а когда меч, потерявший опору, подпрыгнул вверх, ударил кончиком сабли под подбородок, вгоняя его в голову.

– А-а-а! – Справившись с болью, другой душегуб трусил к нему через вытоптанный луг. Остановился на миг, согнувшись и сведя колени, снова побежал. Андрей, усмехнувшись, двинулся навстречу. – А-а-а, проклятый упырь!

Холоп резко ткнул мечом ему в лицо и тут же попытался ударить сапогом в пах. Поступок понятный и легко предсказуемый. Просто отстранившись от укола, князь резко рубанул саблей вниз, отступил и наклонился, вытирая саблю о траву. Вернул оружие в ножны, огляделся.

Как это обычно и бывает, схватка людей стала мясорубкой для скакунов. Из шести лошадей одна, прихрамывая, уходила к дороге, еще одна билась в траве рядом с последним из старицких холопов, истекающим кровью. Андрей забрал из его слабой руки оружие, добил несчастную кобылку и побежал по широкой просеке вслед за дядькой.

– Если здесь осталось пятеро убийц, значит он рубится с десятью... Черт, держись, Пахом...

Дядька поступил куда мудрее. Он ни с кем не рубился. Доскакав до Волхова, он с ходу влетел в воду, переплыл могучую реку и теперь бессильно распластался в вязком иле

под крутым обрывом на том берегу. Рядом, мокрая и по-
нурая, тяжело дышала, опустив голову, лошадь. Душегубы,
одетые в тяжелую броню, за ним, естественно, не сунулись и
теперь лихорадочно рубили плот: уже свалив и разделав две
сосны, они скатывали одно бревнышко к другому. Расчет их
был прост: дороги на том берегу нет, через чащи и буреломы
жертва далеко не уйдет, выследят. Главное – большой форы
не давать.

– Пятнадцать против двоих... – усмехнулся Зверев. – Так
были в себе уверены, что даже луков не прихватили. Был бы
лук, подстрелили бы дядьку, еще пока плыл. А теперь – шиш.
Теперь вы все трупы.

Лютобор учил его многим ратным заговорам, но все они
обладали одним общим недостатком: на их применение тре-
бовалось время. Схватки же чаще всего случаются в самый
неожиданный момент. Да и при свидетелях творить иные яв-
но не стоит – если не хочешь прослыть злым колдуном и уго-
дить на костер. Русь, конечно, не Европа, однако пару раз в
году на ее просторах тоже запаливали где чародея, а где и
разоблаченную ведьму. Так что напрашиваться «на приклю-
чения» не стоило. Но сегодня...

Князь Сакульский отступил обратно в заросли иван-чая,
скинул пояс, ферязь, стащил через голову рубаху, нагреб из-
под корней сухой земли, растер у себя под мышками, пере-
мешивая с потом, и начал размеренно читать заговор:

– Плоть от плоти земли русской, воля от воли ветра гу-

лячего, слово от слова речи Свароговой, взгляд от взгляда света полуденного. Я, внук Сварогов, ветвь от корня русско-го, на сем свете рожденный, в водах омытый, землей вскорм-ленный, Алатырь-камнем благословленный. На море-окия-не, на острове Буяне, лежит камень Алатырь, дождями умыт, солнцем согрет, землей укутан. Ты, Алатырь-камень, меня не видишь, меня не слышишь, меня не чуешь. Так бы и воро-ги меня не замечали. Ты, Триглава-кормилица, забери мою плоть, отнеси на сто сажень к Новгороду. Ты, Похвист могу-чий, возьми мой шум, унеси его на сто сажень к Новгороду. Ты, Хорс горячий, забери мой свет, отнеси на сто сажень к Новгороду. От сего мига и до конца света. Аминь...

Он рассыпал вокруг себя землю и, глядя только вниз, себе под ноги, оделся, опоясался.

– Плоть от плоти земли русской, воля от воли ветра гуля-чего, слово от слова речи Свароговой, взгляд от взгляда све-та полуденного. Ты, Алатырь-камень, меня не видишь, меня не слышишь, меня не чуешь. Так бы и вороги меня ныне не замечали. Аминь...

Хотя этого по заговору и не требовалось, Андрей широко перекрестился и начал выбираться из пугающе молчаливого иван-чая. Шелест сминаемой травы слышался – но откуда-то справа.

Наконец он добрался до поросшего редким лесом склона, начал спускаться вниз, к реке, петляя между соснами. При-мерно в ста пятидесяти метрах выше по течению точно так

же бежал совсем молодой, еще безбородый боярин с шитой серебром тафьей на гладко выбритой голове, в ферязи без рукавов и единственным перстнем на среднем пальце левой руки.

Мужики, активно стучавшие топорами, замерли, проводя взглядами идущую прямо в руки добычу, аж дыхание затаили. Андрей повернул влево, заходя им за спины – двойник же оборотился к убийцам лицом. Князь рванул саблю – топочущий по склону паренек в точности повторил движение.

– Стой! – не выдержал один из убийц, кинулся к миражу. Через мгновение все остальные ринулись следом. Зверев побежал за холопами Старицкого – двойник же повернулся к ним спиной и кинулся наутек. – Стой! Стой, не то хуже будет!

Им так хотелось одарить смертью совершенно незнакомо-го человека... Между тем собственная погибель, невидимая и неслышная, уже шла за ними по пятам, готовясь обрушить клинок на затылок приотставшего душегуба.

Дело закончилось в несколько минут. В азарте погони убийцы не замечали, как шаг за шагом их становится все меньше и меньше. Никто даже вскрикнуть не успел – стараясь не шуметь зря, Андрей раз за разом сносил старицким холопам головы. В общем топоте падающие тела внимания не привлекали. Только чернобородый, умерший четвертым, успел оглянуться – видать, нутром почуял неладное. Он

остановился, открыл рот – но разрубившей горло сабли все равно не различил.

Закончив свою кровавую, но необходимую работу, князь вытер клинок о рубаху последнего из погибших, спустился к реке, тщательно умылся, по воде вернулся к недоделанному плоту, забрался на него, чтобы плеском не выдать своего местоположения.

– Пахом!!!

Холоп на том берегу поднял голову, вперил взгляд в призрака:

– Ты, княже? Андрей Васильевич?

– Я, кто же еще? Ты, как отдохнешь, обратно плыви. Видать, судьба – придется в лесу ночевать. Переберешься – брони с мертвецовними, не пропадать же добру. На лошадей навьючь. Огонь разведи. Я позже вернусь, в лесу еще одного выследить нужно.

Вернулся он только к полуночи, найдя дядьку по свету одинокого костра, и, облегченно вздохнув, вытянулся на пустом потнике, приготовленном возле огня. Темнота сняла силу заклатья, и теперь Андрей не опасался показаться рядом с верным холопом. Верный-то верный – да чего пугать без нужды?

– Догнал, Андрей Васильевич? – протянул ему Пахом румяный пирог с зайчатиной.

– Нет, – не стал приписывать себе лишнего Андрей. – Но ведь всяко не заявится, после такого-то урока. А что князь

Старицкий про стычку узнает – так ведь все равно догадается, когда его люди не вернутся. Только, думаю, молчать он станет. Признаться, что мы его холопов на дороге перебили, – это все едино, что в разбое самолично покаяться. Чего они тут такой толпой делали – при оружии, в броне? Ох, Пахом, не стоит нам ныне из дома отлучаться без бердышей, луков и доспеха. Рискованно. Коли противник наш на стезю этакую ступил, то уже не успокоится. Наверняка новых убийц подослать попробует. Ты добычу собрал?

– Кольчуги да мечи, княже. Поддоспешники в крови оказались, загниют. Бросил. А сапоги прихватил. А то половина поселенцев в поршнях ходят. Им пригодится. Лошадей всего десять собрал на меч взятых да одна со двора постоялого. А мальчишку я так и не нашел.

– Он уже дома, Пахом, про смертоубийство рассказывает. Не видать нам больше нашего залога. Удрал... Тяжело всухомятку жевать. Попить ничего нет?

– Мед в одной сумке нашел. Стоячий, сладкий. Будешь?

– Еще бы, – усмехнулся Зверев. – Кто же от меда перед сном откажется? С ним и сон крепче, и на душе теплее. Давай...

* * *

Хоть и поднявшись в седло еще до рассвета, в Ладогу Андрей с Пахомом прибыли лишь далеко за полдень нового

дня. Сразу свернули к причалам и вскоре один за другим облегченно перекрестились:

– Здесь!

Ставший за минувшее лето совсем родным ушкой дожидлся князя возле одного из причалов. Следующий взгляд Андрей устремил к нависающей над портом крепостной стене – и чуть не подавился от изумления. Слегка скошенная внизу и вертикальная лишь у самого верха, она была высотой с пятнадцатитрёхэтажный дом! А башни вздымались и того выше. Могло показаться, что это обитель великанов, которым обычные стены и города показались слишком мелкими, а потому они решили построить собственную обитель.

– Ни хрена себе! Это как же они?.. Ни хрена!! Где они столько камня-то взяли?

– Озеро недалеко, все берега валунами усыпаны, – невозможно пожал плечами холоп. – В город заворачивать станем?

– Ни к чему, – справился с первым изумлением Зверев. – У нас и так каждый час на счету. Однако же... Ни фига себе, стену отгрохали⁴...

На палубе корабля путников тоже заметили, замахали руками. Над поручнями носовой надстройки показалась огнен-

---

⁴ На самом деле крепостные стены Ладоги имели вполне обычную высоту. Однако кто-то из жителей города придумал вымостить камнем склоны городского холма от основания до подножия стен. На незнакомых с городом путников и захватчиков эта уловка, по слухам, производила совершенно убийственное впечатление.

ная шевелюра Риуса. На него-то и обратил Зверев свой первый гнев:

– Ты почему из Новгорода уплыл, бездельник? Какого лучшего нас там бросил?!

– Дык, Андрей Васильевич, – изумился мальчишка. – Ты же сам повелел. Вон через дядю Пахома приказ передал.

– Да? – вскинул брови князь, перевел взгляд на холопа.

– Помилуй Бог, княже, – торопливо перекрестился дядька. – Вот те крест!

– А когда передал?

– Вчерась, поутру. Токмо светать начало.

– Да как же, княже?! Вместе аккурат в это время собирались!

– Да знаю, Пахом, знаю, – отмахнулся Зверев, спешил. – Думаю, ты и сам догадываешься, кто рыжему голову заморочил.

– Ну да, княже, а как же! – моментально сообразил дядька. – Коли на дороге нас дожидались, ироды, стало быть, знали, что не на ушкуе поплывем. Они усе и подстроили!

– Риус, – спешил Андрей. – Корабельщик-то появиться успел? Купец Евграфий, Гвоздев сын. Где он?

– У него паузок маленький, княже. Вчерась и чалиться не стал, вперед ушел. Сказывал, отстать на озере боится. А мы его за день все едино нагоним.

– Изя, Левший, Илья, коней расседлать, разгрузить, – зевнул Зверев. – Лошадей продайте тут в городе кому-нибудь.

Как управятся, Риус, сразу и отчаливай. Меня до Запорожского не будить! И Пахома – тоже.

* * *

Паузок корабельщика размеры имел примерно те же, что и «яхта» воеводы Корелы, но мачта тянулась раза в полтора выше. Быстрый или не очень – но к тому моменту, что ушкуй подошел к устью Вьюна, кораблик Евграфа уже покачивался на якоре возле берега, а сам купец скучал на корме с удочкой. Рядом забавлялись ловлей двое хлопцев лет этак по двадцать, может чуть больше.

– Клюет? – свесился с борта Андрей.

– Дуракам везет, – недовольно буркнул корабельщик и принялся сматывать снасть.

На палубе возле мачты трепыхались в корзине две полупудовые лососины, под ними блестели серебром несколько рыбешек поменьше. Однако, судя по всему, повезло не хозяину.

– Чего вылупились, бездельники? Парус поднимайте, якорь тоже. Видите, уходит князь?

Ушкуй парусов не спускал – влетел в протоку на всей скорости, рассчитывая с ходу проскочить участок реки, не продуваемый ветрами из-за густого леса по берегам. Как обычно, Лучемиру это фокус удался – хотя ни Риусу, ни Левшию повторить его не получалось ни разу. За поворотом паруса

опять выгнулись, повлекли судно вперед, и пять минут спустя оно причалило к привычному месту. Паузок нагнал их только через полчаса, когда холопы уже начали разгружать трюм. Приткнулся носом к берегу ниже причала, и вскоре корабельщик поднялся на ровные, плотно сбитые бревна пристани.

– Ох, ну и махина! – покачал он головой, указывая в сторону ручья. – После ладожской стены ты, Андрей Васильевич, второй, кто смог меня поразить. Ужели ты сие чудо сотворил?

– Я придумал, да серебро для его постройки отсыпал. А строили мастера настоящие, умелые. И воду к нему они же отводили. Сделано прочно, на века, можешь не беспокоиться.

– А мне-то оно чего, княже? – пожал плечами купец. – На ногу не упадет, крыши не продавит.

– Ты просто не понимаешь, Евграф, – улыбнулся Зверев. – Как думаешь, что оно делает?

– Знамо что. Мельницу крутит.

– Мимо, – погладил подбородок Андрей. – Что еще предложишь?

– Порох трет? – с легким придыханием предположил корабельщик.

– Мимо. Еще идеи есть?

Купец надолго задумался.

– Ладно, не мучайся, – пожалел новгородца Зверев. – Ко-

лесико это через кривошип пакет из пятнадцати пил вперед-назад двигает. А сверху на пилы под своим весом бревна опускаются. Штук пятьдесят в день. Получившиеся доски мужики сортируют по размеру и запускают в другие лотки, где их обрезают по краям спаренные пилы. И все это – идеально ровно. Потому как не люди работают, механизмы. У них руки не трясутся, и от глазомера у них ничего не зависит. Все просто: с одной стороны люди запускают лес, с другой получают обрезанные со всех сторон доски. Теперь понятно, почему они обходятся мне куда дешевле, нежели у ваших пыльщиков?

– Да, серьезное дело, – кашлянул в кулак Евграф. – Покажешь, Андрей Васильевич?

– Конечно... – Андрей уже в который раз глянул на тропинку. Однако никто не торопился его встречать, никто не бежал на пристань обнять вернувшихся путников. И за лошадьми послать, получалось, тоже было некого. – Ладно, тут рядом. Пошли.

На самом деле смотреть на лесопилке было особо нечего: ходят туда-сюда пилы, крутятся валы, ссыпаются в огромные валы опилки, оседают медленно едко пахнущие сосновые хлысты.

– Изрядно уже опилок накопилось, – цыкнул зубом купец. – Стало быть, давно мельница крутится?

– Давно, – согласился Андрей. – Домов изрядно отстроить успели, дворец мне ныне начали делать, потом я собираюсь

усадыбу возле западной границы строить. На всякий случай, от незваных гостей. В общем, есть куда использовать доски, коли с твоей мастерской дело не выгорит. Чуть позже, чуть раньше, а дело я запущу. А до тех пор либо строиться активно, либо материал запастись стану. Зимой, опасаясь, не так просто будет с этой техникой. Ну да зимой и разберусь.

– Не боишься, княже?

– Чего?

– А что я задумку твою использую да сам такую мельницу сооружу?

– Где? – откровенно рассмеялся Андрей. – Где ты еще такое место найдешь? Для пилорамы обычным водяным колесом не обойдешься, тут изрядная силища нужна. Думаю, ближе Кавказа ты, Евграф, второго такого удачного места не сыщешь. Посему выбор у тебя прост. Либо согласен ты на мои условия, либо мне надобно искать другого корабельщика.

– Круто дело ведешь, Андрей Васильевич, круто, – поджал губы купец, оглядывая с высоты вала заливчик. – Однако же и у тебя немало узких мест имеется. Вьюн, как все округ знают, через год пересыхает летом. Стало быть, в самое страдное время ни до тебя сюда купцу будет не добраться, ни корабль готовый из залива не вывести. Берега тут неудачные, низкие. По весне затапливать будет – работу, материал, саму мастерскую портить. А отодвинуть ее нельзя. Весь остальной год до воды далеко будет, готовое судно не

спустить. Посему мыслю я, надобно иное место искать, с высоким, но пологим берегом. Не на реке, на Ладожском озере. Дабы большая вода всегда рядом плескалась. Чтобы с любой осадкой и подойти легко было, и уйти, и чтобы размерами мастерскую в любую сторону раздвинуть можно, как здесь не тесниться.

– Штормит часто на озере. Не разнесет постройки?

– Уж как отстроимся. Супротив ветра добротный барак завсегда устоит, а от волн залив тихий нужно выбрать или мол отстроить... Хлопотно это, но коли дело пойдет, можно и постараться.

– Это так понимать надлежит, купец Евграф, сын Гвоздев, что согласен ты на мое предложение? – склонив набок голову, поинтересовался Зверев.

– Коли ты не против, княже, – уклончиво ответил новгородец, – я бы задержался тут ден на пять, по берегам побродил, к заливам и бухтам присмотрелся.

– На что смотреть, коли дела затевать не намерен? – Андрей показал купцу открытую ладонь: – Так что, купец, по рукам?

– Приглядеться надобно, расходы и прибыток возможный посчитать, место удобное выбрать...

– Это мелочи, Евграф, мелочи. А главное в том, что я тебе доски, в размер пиленные, за половину цены новгородской отдавать стану. Ты же здесь мастерскую снарядишь, дабы из леса моего корабли добротные шить. И свою половину ра-

боты я, как видишь, исполнил. Пилятся доски, пилятся. Рук умелых ждут... Так согласен ты – либо другого корабельщика мне искать нужно? До первого льда всего месяца два осталось. Я до того времени напарника желаю найти.

– Считай, нашел, Андрей Васильевич, не беспокойся. Э-э-э... – И купец ударил по подставленной ладони: – Уговорено. По рукам!

– Вот и славно! Айда теперича к моему дому. В баньке с дороги попаримся, вина испанского выпьем, попируем честь по чести, а уж с утра делом и займемся.

– Как скажешь, Андрей Васильевич, – кивнул купец. – Можно и в баньку.

Зверев бросил взгляд на причал, в очередной раз удивляясь царящему на нем спокойствию – ровно не заметил никто, что князь вернулся, что встретить его надобно, хозяйку упредить, угощение навстречу вынести. Так ведь нет ничего, даже холопов, успевших обзавестись друзьями и подругами, – и тех почему-то на берегу не ждут. Князь качнул головой и пошел по тропе, указывая новому сотоварищу короткую дорогу в селение.

Запорожское тоже пугало тишиной и покоем. Нет, оно не выглядело мертвым или брошенным: вдалеке на поле паслось стадо коров, над многими трубами курились дымки – бабы стряпали обеды семьям, запаривали объедки и брюкву с репой скотине. Тявкали псы, кудахтали куры – но вот людей ни на дороге, ни на улице отчего-то навстречу не попа-

далось. Если и показывалась где человеческая фигура – так на изрядном удалении, в поле или на огороде у выселок. У колодца возле дома старосты скучало еще влажное, но пока никому не нужное ведро, во дворе у Фрола валялись поленья у размочаленного чурбака, мокло в тазу с золой белье – однако и староста, и Лукерья пребывали в таинственном отсутствии. Князь рассеянно перекрестился – происходящее нравилось ему все меньше и меньше. Простой вещи сделать невозможно – повелеть стол пиршественный не в доме, а на ушкуе накрыть. В доме ведь ребенок, а дитятю до года, как утверждал Лютобор, сглазить кто угодно и без всякого умысла способен, настолько он слаб. А потому в первый год жизни младенца вообще никому, кроме отца с матерью, видеть нельзя. Разве деду с бабкой показать допустимо – но и то, если в общем доме семья обитает. А тут – совершенно посторонний гость. В баню такого пустить еще можно, но в дом – ни за что.

Отведенная княжеской семье изба находилась на третьем от старосты дворе. Андрей увидел Захара – старого конюха, по уши погрязшего в недоимках, и Анфиску с коромыслом на плече. Девка тоже заметила господина, испуганно пискнула, буквально скинула ношу на землю и бросилась в дом. И ладно, кабы ведра пустыми были – так ведь с водой! Конюх тоже исчез – как сквозь землю провалился.

Андрей зашипел сквозь зубы, толкнул калитку, поднялся на пустое крыльцо, чуть притормозил, скосив глаз на трубу

близкой баньки: нет, не дымит. Сами, стало быть, не догадались. Евграф скинул перед порогом шапку, перекрестился с поклоном. Прошел вслед за хозяином в сени.

– Подожди секунду, друг, – остановил его перед светелкой Зверев, открыл дверь – и увидел Полину, заплаканную, с красными глазами и распущенными волосами.

– Что? – только и смог выдохнуть молодой человек.

– Нет... Нет больше дитятки нашего...

– Что-о? – Андрея словно схватил кто-то за сердце, крепко сжал и рванул вниз, к солнечному сплетению. – Как?! Почему? Где он? Что случилось?!

– Мы его... Мы... Вчера еще отпели...

– О Господи, – охнул позади купец. – Ты это, княже... Соболезную... Я того... На паузок, пожалуй, пойду.

– Почему?! Да что случилось, что?! – Зверев Евграфа просто не услышал. – Все же хорошо с ним было, здоровый был! Что же, как?

– Маленький ведь был совсем... Слабый... – Юная женщина вдруг разразилась плачем и кинулась в светелку, упала на постель, накрыв голову подушкой.

– Да как же... – Андрей пошел следом, присел рядом с ней, однако понять что-либо в рыданиях Полины было совершенно невозможно. Князь выглянул в сени в поисках девок, потом вышел на крыльцо – но и в доме, и на дворе все словно вымерли. – Проклятие! Всех выпорю!

Однако гнев хозяина все равно не побудил дворню пока-

заться ему на глаза. Князь вернулся в светелку, снова присел рядом с женой:

– Да что же случилось-то? Тут был кто-то из чужих? Его пытались украсть? Отравили? Кто? Когда? Да отвечай же ты! Я найду его, клянусь! Найду и истреблю! Кто? Скажи, кто?

Полина только заходилась в рыданиях и тянула на себя толстое перьевое одеяло.

– Вот проклятие!

С силой рванув на себя подушку, Андрей вытянул руку, легонько чиркнул ногтем жене по щеке, отпрянул. Держа руку чуть в стороне, открыл сундук, берестяной туесок, провел по краю восковой свечи и тут же вынул ее из коробки, пока не смазалась. Главное – немного жира получить. А в правильную колдовскую свечу он его всегда превратит, опыта уже хватает. Князь вернулся к постели, погладил супругу по голове:

– Отдохни, милая, успокойся. Я сам разберусь. Найду гада и уничтожу, даю слово.

Полина болезненно застонала и отвернулась, пряча лицо во влажном белье. Андрей вздохнул, еще пару раз провел рукой по ее волосам и направился в соседнюю комнату, к печи, на которой баба Велича стряпала еду для хозяев и остальной дворни. То, что кухарка куда-то пропала, Андрея уже не удивило. Он сдвинул крышку топки, сгреб кочергой в кучу немногочисленные угли и придвинул к ним оловянную плошку, в которую кинул переломанную свечу – для закли-

нения воск следовало равномерно смешать с жиром человеческим и животным. Лютобор советовал для такого случая барсучий или свиной.

На возню с формами и воском ушло больше часа. Прихватив с собой глубокую деревянную миску, он перешел через сени на крытый двор, затворил изнутри ворота, подпер дверь черенком лопаты – чтобы кто случайно не забрел во время чародейства, – зачерпнул из кадки воды, прочитал заговор Сречи, повелительницы ночи, поставил миску боком на перевернутую бочку с прохудившимся днищем, запалил перед ней свечи, спокойно и уверенно отчеканил заклинание зеркала Велеса – и прищурился, глядя на плачущую Полину. Нет, это она сейчас такая. А увидеть, что с ребенком произошло – нужно назад время отодвинуть. Через нижнюю часть зеркала он перешел в те дни, когда жена еще склонялась над колыбелью, остановился.

Судя по черным окнам, дело происходило ночью. Сынишка, наверное, плакал – Полина, покачав колыбельку, взяла его на руки, обнажила грудь, покормила. Уложила в постельку, но уже через минуту наклонилась над младенцем снова. Зашевелились губы – видать, уговаривала. Сбоку появилась Анфиска, подняла ребенка, стала ходить от печки к окну, покачивая и уговаривая. А может – напевая колыбельную. Несколько минут – и прилегшая было Полина встала, забрала ребенка, опять дала грудь. Девка крутилась рядом, но княгиня недовольно махнула рукой, и та ушла. Малыш же, судя

по всему, затих. Полина попыталась вернуть его в колыбель, но почти тут же забрала.

– Капризничает, – улыбнулся Андрей. – Сын растет, с характером. Раз в колыбель не хочет – значит, не ляжет.

Полина походила с малышом, присела на край постели. Сынок, похоже, затих – но класть его обратно в постельку мама больше не рисковала. Откинув одеяло, она легла, уложила малютку рядышком, прижала к себе поближе. Княжич пошевелил губами, но почти сразу затих – рядом с теплой родительницей ему явно понравилось. Женщина погладила его по головке, что-то нашептала. А вскоре глаза закрылись и у нее.

– Притомилась, родная, – качнул головой Зверев. – Да, с сыном не забалуешь. Мужчина, своего добиваться умеет.

Полина вздохнула, повернулась во сне, и ее большая рыхлая грудь легла крохотному человечку на лицо. Дернулась вверх почти игрушечная рука с растопыренными пальчиками, зашевелились ноги.

– Нет! – резко наклонился вперед Андрей. – Нет! Проснись... Проснись... Проснись, дура!!!

Он кричал, он скрежетал от бессилия зубами – но там, в зеркале, мама безмятежно спала, лежа на боку и подтянув до пояса одеяло, а ребенок ее стремительно наливался синевой.

– Не-ет!

Но ручонка упала, а маленькое сердце человечка, так и не успев испытать ни страха, ни радости, ни любви, ни горя,

остановилось, отсчитав последнюю секунду так толком и не начавшейся жизни.

– Нет!!!

Князь с размаху ударил кулаком в колдовское зеркало – плеснула в стороны разбуженная вода, раскололась надвое и слетела на пол миска. Андрей взметнулся по лесенке к избе, отшвырнул вниз лопату, промчался через сени, выбил дверь светелки, рванул к себе за ворот жену:

– Ты! Ты!

Затрещала, расползаясь, ткань, широко распахнулись испуганные глаза. Скрипнув зубами, Зверев бросил ее обратно на перину, выскочил на улицу, сбежал вниз к причалу, толкнул на палубу ушкуя подвернувшегося под руку Илью.

– Ты чего, княже? – обиженно забубнил холоп.

– Риус! – рывкнул Андрей. – Где ты, рыжий лентяй?! Сюда!

– А-а? – выглянул из двери задней надстройки мальчонка.

– Отчаливай, уходим.

– Дык никого ведь нету. Дед греться в баню пошел, Левший у бабы своей, Пахом...

– Отчаливай, я сказал!

– Но...

– Плевать! – Андрей перемахнул на причал, двумя взмахами сабли срубил причальные веревки, прыгнул обратно на борт. – Поднимай паруса!

– Какие паруса, ветер встречный! – побежал к рулю маль-

чишка. – Весла, весла на воду. Кто там есть?! Немец, вылазь!

– Илья, на ту сторону, – пихнул холопа к левому борту князь, сам толкнул в прорезь уключины правое весло, сел на приступку, погрузил лопасть в воду. – И-и раз! Еще раз, еще!

Вода зло зашипела под ударами, корабль начал плавно разворачиваться вниз по течению.

– Сам ты немец! – показалась из трюмного зева белобрысая голова.

Риус не ответил. Илья гремел веслом, никак не попадая им в уключину, а Зверев все греб и греб, стиснув зубы и не глядя по сторонам, выкладываясь всей силою, до последней капельки – и на душе его стало немного легче, словно часть боли и горя ушли вниз, растворяясь в холодной воде.

Изольд мудро не стал подходить к господину, и Андрей сидел на приступке, взмахивая длинной лопастью, еще почти час, пока Риус хриплым голосом не приказал поднять сперва носовые, а потом и главный парус.

– Куда идем, Андрей Васильевич? – поинтересовался мальчишка, убедившись, что ветер пойман, а туго натянутые веревочные концы надежно закреплены.

– Разве я не сказал? – удивился Зверев, рывком выдергивая весло. – В Великие Луки идем. Домой.

– Тяжко получится, княже. Втроем, да весь путь супротив течения. Ветер на Ловати не поймать, на весла посадить некого. Да и по Волхову подняться токмо с попутным ветром сможем. Разве бурлаков нанимать. Поперва от Ладogi

до Ильменя, опосля по Ловати...

— Это же сколько они нас волоочь будут? А помнишь, Лучемир до Лук под парусом всю дорогу плыл, и довольно быстро добирался.

— Так то в половодье, княже! Течения нет, воды много, лавировать можно без опаски. А ныне...

— Понял, — оборвал его Андрей. — Но пешком — это долго. Пять дней... За пять дней мне до усадьбы добраться надо. Как это сделать, каким путем?

— За пять ден никак не доберешься, княже, — покачал головой Риус. — Коли до Новагорода добираться — так день по озеру Ладожскому, да еще по Волхову при попутном ветре два дня. А без ветра и все пять будет. Коли к Ивангороду повернуть — то по Неве вниз по течению получится, да по заливу еще... Ну два дня выйдет до Ивангорода. Однако же по Нарве без бурлаков не подняться. Да и по Великой на двух веслах мы не выгребем.

— А от Нарвы дорога до Великих Лук имеется?

— До Пскова есть, через Гдов, то я слышал. А до Лук...

— Правь к Ивангороду, — решительно приказал князь. — Уж от Пскова — и дороге не быть? От него, помнится, на Русь никаких рек не течет. Значит, токмо на лошади или телеге и доберешься. Должны быть дороги, должны.

По примеру деда, Риус отважно вел ушкуй через ладожские просторы и в скоро наступившей темноте. Андрей же долго смотрел на повисшую низко над волнами почти пол-

ную луну и ушел в носовую каюту только, когда небо уже начало светлеть. Как ушкуй скатывался вниз по стремительной Неве, как пересекал Финский залив – он не видел. Он вышел на палубу, когда судно миновало устье Луги.

– Подходим, княже, – гордо сообщил Риус, удерживающий под мышкой глянцевую рукоять руля. Под глазами у него темнели от недосыпа синяки.

– Хорошо, – кивнул Зверев, вернулся к себе, надел короткий цельнокатаный войлочный кафтан, прозванный холопами «татаркой» и отличавшийся от обычного поддоспешника богатым шитьем золотой нитью и катушлином да застежками на груди, опоясался саблей, уронил в рукав любимый кистень, перекидал все серебро из сундуков в поясную сумку, вышел обратно.

– Вон оно, княже, – указал вперед рыжий. – Глянь, аккуратно две ладьи из Нарвы выкатываются. В нее править?

– К берегу...

Мальчишка кивнул, навалился на весло:

– Ребята, концы главного паруса отвязывайте... А опосля сразу стягивайте его, зарифляйте!

Осадка у груженого ушкуя не превышала двух метров – оттого-то он без опаски и через Финский залив проходил, и в устье не самых глубоких рек, вроде того же Выюна. С пустыми трюмами, да еще и без команды он не мог сидеть в волнах глубже метра.

– Насколько к берегу приближаться, Андрей Василье-

вич? – когда до пляжа оставалось с сотню сажен, поинтересовался молоденький кормчий.

– Иди, иди, – кивнул Зверев.

– Я носовой один подберу все же... Да, княже?

Андрей безразлично пожал плечами.

– Илья, Изя, давайте! Первый и второй концы на носу отпускайте, да увязывайте... Може, пока якорь бросить, княже? Выскочить ведь на берег... Андрей Васильевич, близко уж больно!

– Правь, дно мягкое. Днище не распорем.

– Дык, на мель сядем, Андрей Васильевич... О Господи, сели!

Под брюхом корабля зашипел песок, ушкуй плавно затормозился – никто даже равновесия не потерял, – и устало прилег на правый бок, наклонив мачту градусов на тридцать. Князь тут же перебросил ноги через борт, спрыгнул, охнул от неожиданно холодной воды и пошел вперед. Как он и ожидал, глубина здесь оказалась всего по пояс.

– Княже! – растерянно окликнул его с кормы Риус. – А как же мы?

– Возвращайтесь, – бросил через плечо Зверев. – Свободны.

– Как же? Мы ведь на мели!

– Раскачивайтесь, – обернулся Андрей, – подрывайтесь. Волна поднимется – веслами отталкивайтесь. Припасы на борту есть, с голоду не помрете.

Он ускорил шаг и вскоре был на берегу. Разумеется, здесь, за кустарником – подальше от ветра – тянулась тропинка. И дозоры порубежные тут проезжали, и зазывалы бурлаков-артельщиков, и рыбаки причаливали. Ивангород – селение не маленькое. Не то место, где в двух верстах от посадских стен непролазные дебри начинаются.

Быстрым шагом князь направился вдоль берега и уже через час вышел к стремительной порубежной реке. Где-то в версте выше по течению виднелись скошенные стены старой датской крепости в Ругодиве⁵, напротив которой мрачно серели отвесные укрепления Ивангорода. Но ни один из городов Зверева сейчас не интересовал.

– Постоялый двор ближайший где? – остановил он бредущих с вилами на плечах смердов.

– Коли по тропе этой, то еще четверть часа хода, – охотно ответили крестьяне, сдернув похожие на пилотки, серые суконные шапочки. – Как первый частокол будет, так это он и есть.

Примета оказалась удобной. С половину версты огорода по сторонам ограничивались только жердяными изгородями, и лишь за яблоневым садом взору путника открылся плотный тын, за которым возвышались две черные от времени избы в три жилья.

Задерживаться Андрей не стал: купил двух коней с упряжью, а пока их седлали, сунул в рот пряженец с вязигой, еще

---

⁵ Ныне – город Нарва.

два спрятал за пазуху. Посему Ивангород он прорезал на рысях и помчался по уводящей точно на юг дороге. Примерно треть часа галопом, треть часа шагом, еще столько же на рысях – потом смена лошадей, и опять в галоп. Через три часа он миновал сторожащий устье узкой речушки Гдов, еще через шесть – въехал в скобяную слободу Пскова. Здесь, в крайнем постоялом дворе князь Сакульский остановился на ночлег, пожалев больше не себя, а выдохшихся коней. Поутру, прикупив у хозяина еще одного скакуна и поменяв усталых лошадей на свежих, Зверев помчался дальше: узкой тропой на Остров, а оттуда знакомой дорогой к Опочке. Этим путем кованые рати шли выбивать поляков с русской земли, этим же путем возвращались после победы над ляхами. Многотысячное войско вытоптало узкую поначалу дорожку так, что и сейчас, спустя два года, она так и не заросла. Скачи и ничего не опасайся – не заблудишься.

При двух заводных князь почти всю дорогу шел на рысях, каждые полчаса перескакивая с седла на седло, и только ночью позволил измученным лошадям перейти на шаг. Но с первыми лучами солнца – снова рысь, снова скачка, выжимающая последние силы и из всадника, и из скакунов. Зато уже утром он миновал Идрицу, а перед сумерками повернул с Пуповского тракта на проселок, что тянулся по левому берегу изрядно пересохшего за жаркое лето Удрая.

Через три версты проселок повернул к усадьбе, а всадник помчался дальше, по еле заметной, почти нехоженой тро-

пинке. Перед Козютиным мхом и эта стежка оборвалась – но Зверев решительно направился к воде, пересек на взмыленных, тяжело дышащих скакунах реку, двинулся через топь, в приметном месте нырнул в кусты и спустя пять минут наконец-то спешился у подножия пологого холма.

Отпустив подпруги, князь взбежал до середины склона, нырнул в закрытую пологом пещеру и, едва ступив на ступени, спросил:

– Я успел, Лютобор? Мы сможем провести обряд сегодня?

– И тебе долгих лет, чадо мое, – прихлебнул из кружки какого-то варева старый колдун. – Доброго тебе здоровья.

– Здравствуй, мудрый волхв, – кивнул Андрей. – Так я успел?

– Успел, отрок, успел. Токмо сегодня мы обряда творить не станем, чадо. Потому как полнолуние лишь завтра.

– Вот проклятие! – Зверев покачал головой, развернулся. – Пойду, коней выхожу да напою. Чуть не до смерти загнал бедолаг. Получается, зря.

У лошадей и вправду тяжело вздымались бока, падала из-под упряжи розовая пена. Они так устали, что не могли даже есть, несмотря на обилие вокруг сочной болотной травы. Андрей снял с них седла, скинул влажные потники, взял за уздечки, медленно повел вокруг корявой березки, помогая шагом установить дыхание.

Спустя несколько минут вышел колдун, протянул ему ковш прямо пахнущего настоя:

– Испей, отрок, бо сам заботы требуешь. Что к тварям живым добр, то в тебе ладно. А что урокам моим не внемлешь, за то ругать стану нещадно. Почто не навещаешь совсем старика? Отчего про уроки обещанные запамятовал.

– Далеко я ныне, волхв, – вздохнул Андрей, принимая угощение. – Далеко, да хлопот много. Вот и не навещаю. Прости.

– Прощу, – кивнул колдун. – Чего еще с тобой поделать, чадо мое взбалмошное. Пойдем, место удобное покажу.

Они немного прошли в сторону реки, остановились среди клюквенной россыпи. Волхв ступил ногой в мох – и вокруг сапога проступила прозрачная вода.

– Не бойсь, теплая. С землю грелась.

Андрей одного коня отпустил к старику, для двух других выдавил воду сам. Напившись, окончательно успокоившиеся скакуны принялись щипать траву.

– Вечеру еще овса им задать, – предложил Лютобор, – и совсем зла на тебя держать не станут.

– Не будет овса, – покачал головой Андрей. – В усадьбу ехать не хочу. Не прогонишь?

– Как можно! Для нас, ведунов, под покровительством Сречи самая пора учением своим заниматься. Весь мир спит, никто слов наших не перебьет, никто ветров наших не поймает, никто завета не остановит. Тихо округ, далеко в ночи воля наша разносится... А отчего же ты отца с матерью навестить не желаешь?

– Не хочу, Лютобор! Ничего не хочу! – рубанул опустевшим ковшом воздух князь Сакульский. – Навязали на мою шею... Родители.

– О ком это ты так зло обмолвился, чадо? – поинтересовался древний колдун.

– Да... – сквозь зубы выдавил Зверев. – Есть о ком. Навязали. Во имя рода, ради успокоения дрызг старых, благополучия дел семейных, ради родства с людьми знатными, ради имени потомков будущих... Мало того что дура безмозглая, мало того что увидел я ее первый раз только на свадьбе. Мало того что говорить с нею не о чем, а видом она на слона после рождественского пира похожа, мало того что на ней проклятие висит – так эта тварь подлая еще и ребенка моего убила!

– Как убила? – замер Лютобор. – Почему?

– Ночью рядом с собой положила...

– А-а, заспала, – не дослушав князя, махнул рукой колдун. – Ну это среди молодых мамочек дело частое. Устают сильно, вот в тишине и спят беспросыпно. Чуть повернутся – да ребятенка рядом с собой и давят. Уж сколько их через меня прошло. И тех, что руки на себя наложить пытались, и тех, что мужьями биты были до полусмерти, и те, что страдали, и те, что покаяться за грех невольный пытались...

– Ты-то тут при чем? – недовольно перебил его Андрей. – В церкви ведь грехи замаливают, не у колдуна на болоте.

– Забыл ты, видно, чадо, – скривился старый волхв, – что

не вечно я в норе здешней сижу. Бывало время, когда ко мне в храм на Сешковскую гору люди с подарками шли. Там они и богам исконным молились, и в грехах каялись, и прощения божьим словом просили. Ох, сколько девок этих глупых чрез меня прошло – и не счесть вовсе! Младенца заспать – то чуть не самая частая смерть для малюток.

– Но это были не мои дети, Лютобор, – холодно ответил Зверев. – Не мои.

– И не мои тоже, – кивнул старик. – Ладно, пойдем. Полть куриную ныне девка за приворот принесла. Да рыбка копченая еще осталась, да мясо сушеное. Мне ныне много не надобно. Поделюсь, с меня не убудет. А коли не заснешь, научу ночью сквозь стены смотреть. Умение сие большой пользы не приносит, но многим ако баловство простое нравится.

– Засну, – признался Андрей. – Полтора суток в седле. Меня ныне в теплом месте стоймя к стене прислони – и то засну.

– А и спи, – не обиделся старик. – Спать тоже уметь надобно. Коли один останешься, урок мой малый и пригодиться может. Пойдем. Уложу так, как сам уж не первый век только и отдыхаю.

Как коротает ночи старик, Зверев знал отлично – грудку осенних листьев в углу пещеры видел при каждом визите. Но этим вечером он устал настолько, что готов был залечь до утра и в картонной коробке из-под холодильника.

Волхв же, радуясь послушанию ученика, завел Андрея за

очаг, поставил спиной к яме с листвой, поднес еще ковшик с напитком, изрядно припахивающим пустырником, дал отпить несколько глотков, потом начертал в воздухе непонятный знак, положил руку ему на лоб и мягко толкнул. Зверев, естественно, немного испугался – но тело на несколько мгновений вышло из его повиновения, отказавшись наклоняться, взмахивать руками или сгибать ноги, и он упал на спину, плашмя, внутренне ожидая болезненного удара. Однако кленовая, липовая, березовая, дубовая листва приняла тело мягко, словно хмельная пена, обтекла со всех сторон, накрыла сверху толстым, толстым одеялом. Он словно парил, не ощущая под собой опоры, не чувствуя прикосновения листьев сверху. Над ним лежал толстый слой натурального, естественного, жаркого покрывала – но не давил, не душил. Среди листвы было тепло, но не душно, а воздух имел аромат чистого и влажного весеннего леса.

Колдовской постелью князь наслаждался недолго. Уже через несколько минут его веки сомкнул крепчайший сон, и он сам превратился в легкий лист, сорвавшийся с ветви ясеня и подхваченный веселым, шаловливым ветерком, что принялся швырять свою нечаянную жертву над аллеями неведомого парка, над ухоженными озерцами, по которым катались на лодках юноши и девушки в белых однообразных костюмах, над кустами рябины, алой от ягодных кистей, над шахматистами у скамеек и синими тележками с надписью «Мороженое» впереди. Это было забавно и головокружительно, но не

могло длиться бесконечно. И когда земное притяжение прижало-таки летучий лист к твердой земле, Андрей вздрогнул от неожиданности и открыл глаза.

Он не сразу сообразил, почему перед глазами светятся разноцветные полупрозрачные листики, словно он все еще валяется на газоне в своем летучем сне, а когда вспомнил – понял и то, что спать больше ему совершенно не хочется.

– Хорошее у тебя ложе, мудрый волхв, – признал князь, выбираясь из ямы на плотно утоптаный пол. – Спал, наверное, всего несколько минут, а отдохнул на неделю вперед.

– Минут не минут, – пригладил подбородок старик, – а лошадей я твоих уже напоил и к березкам внизу привязал. Отдохнули за ночь, как бы не убежали. Молодые еще кобылки, рады повеселиться.

– Что, уже утро? – не поверил Андрей.

– Полдень, чадо мое, полдень миновал. Посему пей воду скорее да репой пареной закуси. Пойдем, покажу тебе травы, что по осени собирать надобно. А то, поди, забыл половину?

– Может, чего и забыл, – признался Зверев. – Но немного. Понадобились летом твои уроки, кое-что использовал.

– Не перепутал чего? – строго уточнил колдун.

– Нет. Одного мужика от пьянства отучил. Жалко, убили его вскоре. А еще с колдуном древним управился. С Белургом. Не слыхал про такого?

– Слыхал, – неожиданно кивнул чародей. – Ариец, сказывали, он родом. К знаниям могучим был допущен и той си-

лой пожелал мир себе подчинить. А я словом Свароговым меч сковал, способный жизнь из него выпить. Сеча была на севере где-то – уж и не помню, где. Давно было. Одолели и колдуна, и слуг его верных. Всех побили, никто обратно не ушел. Неужели уцелел?

– Холоп мой меч из него выдернул. Он и ожил.

– А меч, меч-то где?

– У меня, дома. Я его сберег.

– Обратно в колдуна воткни – он и успокоится, – посоветовал Лютобор.

Андрей только улыбнулся: мудрейший ведь человек, а советы зачастую дает такие, что хоть плачь! Так Белург и стоит, дожидается, пока его снова на острие наколют!

– Корзину прихвати, большую, – указал под лестницу колдун. – День ныне славный, светлый. До сумерек полную успею набрать. Ныне аккурат боголюбник отцветает. Из его корзинок сок собирают и в настой кладут. Везение он во много раз для человека усиливает. В кости он выигрывать начинает, али в спорах. Можешь недруга таким снадобьем в друга превратить. На неделю счастливым сделать.

– Может, лучше самому выпить? – Андрей выбрал под лестницей самую большую корзину.

– Самому не надо. Он все везение в одну седмицу собирает. Семь дней везет, а опосля всю жизнь – ни одной удачи. Себе полезно чистотелом натереться али кошачьего глаза перед сном пожевать. Сказывают, духов невидимых после

сего углядеть можно. Но я не пробовал. Хватает мне и различных. Прости, отрок, не удержался я, глянул ночью на супружницу твою. Юна она больно, глупа. Не по своей вине она дитятю заспала. По неопытности токмо. Не было в ней зла.

– Ты думаешь, Лютобор, это известие способно оживить моего сына? – моментально напрягся князь. – Она отняла у него жизнь. Ты считаешь, это можно чем-то оправдать? И не тяни из меня жилы, без тебя тошно. Поговорим лучше о травках, ладно? А вечером отправишь меня домой – и мы решим эту проблему раз и навсегда. Буду считать ее обычным дурным сном. Помучаюсь с месяцок воспоминанием о кошмаре – и забуду. Все едино в такое поверить невозможно. Пойдем, мудрый волхв, пошли. Боголюбник отцветет, пока собираешься. Как люди потом удачу свою найдут?

Талисман

– Пасмурно сегодня, – недовольно заметил Лютобор, поднимаясь по пологому склону проклятой Сешковской горы. – Ни зги не видать. Вестимо, к дождю. Может, прольет наконец-то жаждущую землю. Бо лето зело сухим выдалось.

– Разве ты не можешь управлять погодой, волхв? Сам же учил, как дождь вызвать, как тучи разогнать.

– Так то стараться надобно, чадо. А я последние лет двести уставать стал сильно. Лишними хлопотами ради любопытства пустого заниматься ленюсь.

– На Полину-то ночью посмотрел... – буркнул себе под нос Андрей.

– Не на нее, на боль твою глянул. О тебе подумал, ученик мой непутевый... Куда ты так стремишься, зачем? Оставайся! Чем плох тебе этот мир?

– Раньше я хотел домой, Лютобор. Теперь же просто хочу убраться прочь. Где тут твой алтарь? Вроде на самый верх уже поднялись...

– Здесь, да растворится в воде подземной сила Змиулана, да придет сила Перуна огненного...

Что сотворил в темноте старый кудесник, Андрей не разглядел, но в нескольких шагах левее вспыхнул скромный, на два полешка, огонек.

– Как ты это делаешь, волхв? – удивился князь. – Меня

ты этому заклинанию не учил!

– Ты так торопишься уйти, чадо, что все равно не успеешь познать всей моей мудрости, – горько посетовал колдун. – Раздевайся, ложись на камень. Ну да не первый раз пытаемся, сам знаешь.

– Опять душу хочешь отнять? Ведь ни разу это добром не кончалось. Только смертью. Сотвори заклятие на возвращение всего тела!

– Последний раз попробуем, отрок. Все же душу я из мира твоего забирал, без плоти. Да и не готов я к иному заклятию. Может, обождешь до нового полнолуния?

– Ну уж нет! – принялся разоблачаться Андрей. – Загостился я тут у вас, хватит.

Взгляд молодого человека упал на розовые прямоугольники окон, что светились за камнем, по ту сторону протоки крестообразного озера. На миг он запнулся, вспоминая суровую заботу боярина Лисына, голос здешней матушки, неизменно готового прийти на помощь Пахома... Мотнул головой и решительно вытянулся на холодном шершавом камне.

– Давай, мудрый волхв, призывай богов древних и неведомых, пусть крутят свою машину времени.

– Замкни уста, несчастный, – грозно оборвал его колдун, – ибо отдаешь душу свою на милость богов. Бойся их гнева, а пуще того бойся их милости. Пусть они всего лишь снизойдут к мольбам твоим и исполнят испрошенное...

В этот раз Зверев даже не успел услышать слова древних

заклятий, как ощутил падение в огненную бездну. Его закружило, несколько раз перекувырнуло, ударило головой, и от страшной боли он громко застонал.

– Ой, мамочка, роди меня обратно... – Он перекувырнулся еще раз, согнулся, лежа на боку, и схватился руками за затылок. – О Господи, за что, почему?

Над самым ухом послышалось тревожное ржание. Зверев осторожно приоткрыл глаза – и увидел у самого носа конскую морду с шевелящимися влажными ноздрями. Черные глаза, прядяющие уши, рыже-бурая шерсть. Князь с огромным облегчением вздохнул: похоже, в этот раз обошлось без дурных фокусов. Домой не попал – так хоть в своем времени остался.

– Ну что, муругая моя... – Скривившись от боли, он сел, оперся руками о землю и ощутил под руками снег. Зачерпнул, прижал горсть к затылку. Стало немного легче.

– Ну как, Васька, жив? Ранен? – спешил рядом гладко бритый морщинистый мужик в потертом овчинном тулупчике и шапке-ушанке с красной эмалевой звездочкой на лбу. – Куда тебя? Кровь, кровь есть?

– Ерунда, царапина, – глянул на окровавленную ладонь Зверев. – Сочит, но за шиворот не струится. А ты кто таков, чей холоп будешь? Али лях? Иноземец?

– Эк тебяшибануло, Васька, – низенько и ехидно захихикал мужик. – Какой холоп? Какой лях? Ты чего, меня не узнаешь?

– Ты как с князем разговариваешь, смерд?! – Андрей попытался вскочить, но его повело в сторону, и если бы не вовремя подставленное плечо мужика, он бы рухнул обратно в снег.

– Э-э, милый, да тебе, похоже, в медсанбат надобно.

– Куда? – Андрей открыл и закрыл глаза, схватил мужика за шею, с силой привлек к себе, вперился глазами в красную эмалевую звезду. Алую, с серебряными серпом и молотом в середине. – погоди, так ты красный?

– Красный, Васька, красный. Ты это, за стремя возьмишь... Господи, да у тебя ноги совсем заплетаются! Спина не болит? Не дай бог, позвоночник зацепило.

– А я кто? Ты где, смерд? А я – красный?

– Да красный ты Васька, красный. Все мы тут красные... Не, спина целая, ни одной дырочки. Неужто обошлось? А лошадь твоя как?

– Ну-ка, стой! – Андрей поймал мужика за ворот и вновь притянул к себе: – Ты кто, смерд?!

– А в глаз за слова такие не хочешь, дерьмо ослиное?

– Ладно, пусть будет Ослиное Дерьмо, – разжал хватку Зверев. – А я тогда кто?

– Ты чего, и вправду не рубишь? – без видимой обиды переспросил мужик. – Вправду мозги отшибло? Васька, Василий Медведев, помнишь? Станица Берложья, Краснодарский край. А я – старший сержант Павел Шеремет. Твой непосредственный командир, кстати, олух царя небесного.

Служим мы с тобой в первом эскадроне второго полка восемьдесят первой дивизии четвертого кавалеристского корпуса. Посланы на кухню за обедом и назад теперь возвращаемся. Все, вспомнил?

– А какое сегодня число?

– Семнадцатое ноября сорок второго года. Ты и вправду не помнишь али прикидываешься?

– Прикидываюсь. А как меня долбануло? Чем?

– А-а, это фортуна тебя поцеловала с нежностью. «Месеры» нас засекли. Уж не знаю, откуда взялись, но своего не упустили. Я как рев мотора услышал, сразу в сторону с дороги отвернул и рысью пошел. А ты, тетеря, головой крутить начал. Вот фрицы по тебе две очереди и выпустили. Одна аккуратно по седлу прошла, сам видел. Думал, конец пацаненку, отбегался. А ты хоть с лошади своей муругой и слетел, но закувыркался, себя начал ощупывать. Живой, стало быть, остался. Да и кобылка стоит, не дергается. Не поняла небось вовсе, чего случилось. Пусти, хоть гляну, как она? Может, в шоке просто...

Сержант Шеремет обошел помахивающую хвостом кобылу вокруг, ощупал зеленую овальную флягу емкостью на добрый пуд воды, узлы, тюк на холке, опять хмыкнул:

– Ты глянь, казак! Одна пуля кашу гречневую продырявила, вторая – ящик с тушенкой, с другого бока. А на лошади – ни царапины! И это, смотри, твое... – Сержант протянул ушанку, задний борт которой был размочален в лохмотья. –

В рубашке ты, видать, родился, боец Василий. Ну что? На ногах стоишь? А в седло подняться сможешь?

– В седле не пешком, – осторожно нахлобучил на макушку порченную фашистами шапку князь Сакульский. – Много труда не нужно. А где мы сейчас, Павел? Вроде степь вокруг, ровно все.

– На Волге, казак, на Волге, – вздохнул сержант. – Слева гул слышишь? Это Сталинград. Мясорубка там сейчас, говорят, страшная. А мы тут бока уж четвертый день отлеживаем. То есть выгрузились четвертый день тому, за Приморском. Два дня марша, да вот застопорились. Не пускают нас дальше. Видать, и на смерть стоит своя очередь. Занято в Сталинграде сейчас, есть кому погибнуть.

– Какая, говоришь, дата сегодня? Конец сорок второго? – Зверев попытался вспомнить, когда на Волге окружили Паюлоса. Кажется, в сорок третьем. Значит, еще год все это длиться будет. Целый год. Андрей перекрестился: – Не бойсь, сержант. И нас перемелют. Никого не забудет костлявая.

– Поднимайся в седло, философ. Твоя пуля уже мимо прошла. Теперь выживешь.

Оба кавалериста окинули небо тревожным взглядом, поднялись в седла и широким походным шагом двинулись по полосе истоптанного снега, разрезающей бескрайний ровный наст. Казалось, никого и ничего вокруг нет до самого горизонта – но очень скоро Андрей убедился, что впечатление это весьма обманчиво. Они проскакали километра полтора –

и Зверев смог различить натянутые на толстых жердях многочисленные полотняные навесы. Под одними переминались с ноги на ногу лошади, перед которыми вместо яслей стояли поднятые на бочки жестяные лохани, под другими сидели на седлах татары: бездоспешные, безбородые, в овчинных тулупах и валенках, с шашками на широких ремнях. Разум никак не переключался на новую обстановку, и чтобы признать легких кавалеристов красными конниками, ему требовалось некоторое усилие. Или это последствие контузии? Все же пуля по затылку двинула, не подушка в пионерском лагере.

– Обед прибыл, мужики! – бодро провозгласил Шеремет. – Тащите котелки да ложки, разбирайте «эн-зэ». Кому пуля в тарелке попадет – Васке Косолапу отдайте. Будет ему после войны сувенир.

– Чего, суп, что ли, вытек? – встрепнулся щекастый и упитанный, как Полина, кавалерист.

– Ты только о брюхе думаешь, Октябрьн, – осадил его другой. – Узнал бы лучше, чего с мальчишкой случилось. Он, может, из-за твоей жратвы шкурой рисковал.

– Суп у меня, – принялся развучивать скакуна сержант. – Так что его я уберег. А вот каша пулю словила. И тушенки половину съесть придется... На всякий случай – вдруг протухнет. Навылет через ящик прошло.

– Это как же?

– Да «мессер», язви его в душу, подловил. А в степи, сам понимаешь, оно как на блюдечке. Ни куста, ни щелочки... –

продолжал словоохотливо рассказывать Шерemet.

Андрей же, вспомнив, что теперь он не князь, а рядовой боец, начал распутывать узлы на своих сумках. Кавалеристы подходили с котелками, сержант, старательно перемешав поварешкой вкусно пахнущие кислые щи, ловко наполнял емкости, не переставая молотить языком:

– Представляете, очередь аккурат поперек коня прорезала, через Ваську прошла. Ну, думаю, хана казаку, отвоевался. А он на снегу поерзал, поерзал, да и встает. Хоть бы хны ему! И лошадь цела. Одна пуля флягу продырявила, вторая, с другой стороны – ящик с консервами. На самой кобыле – ни царапины. А Ваську по самому затылку гостинец от фрица чиркнул. Шапка – в хлам! Вась, покажи людям шапку, а то ведь не поверят.

Андрей отмахнулся, но головы не спрячешь – среди кавалеристов прокатился восхищенный гул:

– В рубашке малец родился...

– ...Васька, стало быть, встает, глаза шальные, все руки в крови. «Ты кто, – спрашивает, – холоп? Как стоишь перед князем!». Я ему, мол: ранен куда? А он: «Я князь родовитый! Кланяйся давай! И вообще, где тут красные, где тут белые и за кого мы воюем?»...

– В чем он признался? – неожиданно растолкал кавалеристов двадцатилетний мальчишка в портупее, вытянул вперед и открыл планшет. – Кто князем был? Белых спрашивал?

– Да ты чего, Талисман? – дружно загудели конники, стес-

нившись вокруг. – Какой он князь? У всех на глазах вырос, в станице голозадым бегал. Оставь, замполит! Мало ли чего человек в контузии ляпнет? Ему годов-то сколько? Его в Гражданскую и в проекте не было. Он родился-то, когда уже и американцам с япошками⁶ пинка под зад дали. Что он о белых знать может? Только в кино и видел да в книжках читал...

Под дружным напором бойцов эскадрона офицер отступил, закрыл свою планшетку. Но тут какой-то бес дернул Зверева за язык, и Андрей спросил:

– А Талисман – это имя или фамилия?

От взрыва дружного хохота едва не сорвало маскировочный навес. Кавалеристы толкали друг друга локтями, сгибались от смеха, утирали слезы. Замполит густо покраснел, процедил сквозь зубы:

– Я ведь и под трибунал за оскорбление офицера отдать могу...

– Да ты чего, он же контуженый! – опять взяли мальчишку под защиту бойцы. – Мало ли чего с пулей в затылке померещится? Он еще и князем назывался, замполит. Да брось ты, на контуженых не обижаются...

– Если контуженый, пусть в санбат топает, а не в полку байки травит, – недовольно буркнул замполит. – Боец Саве-

---

⁶ Американские и японские оккупанты, что зверствовали на Дальнем Востоке, были выбиты оттуда только в 1922 году. Эта дата считается окончанием Гражданской войны.

льев, вы санитар или нет? Почему помощь раненому не оказываете?

– Виноват, товарищ младший лейтенант, – отозвался один из веселящихся кавалеристов, отошел в сторону, подобрал между седлами большущую сумку с красным крестом: – Иди сюда, князь.

Он осмотрел рану, покачал головой:

– Повезло тебе, казак. Еще чуток, и пришлось бы мозги со снега собирать.

Савельев полез в сумку, начал промывать рану чем-то обжигающе-холодным. Зверев втянул сквозь зубы воздух, спросил:

– А чего такого смешного в этом... политруке?

– Да везучий он больно. Почище тебя везучий. Полгода с небольшим как призвали. Аккурат приказ «Ни шагу назад» вышел. Про заградотряды и прочее. Сам знаешь, в отряды эти простых людей не берут. Только коммунистов, орденосцев, солдат самых отважных и опытных. Ну а нашего хлопца туда как комсомольского активиста направили, чуть не с призывного пункта. Первый раз заняли они позиции возле Данкова. Там его змея укусила. В итоге парня в санчасть с распухшей ногой отправили, а к позициям заградотряда вечером немцы прорвались. В общем, двое суток они держались, пока к ним подкрепление подбросили. Сам понимаешь, от батальона рожки да ножки остались, чуть не поголовно в землю лег. Талисмана нашего после нескольких уко-

лов выписали, и он снова, с другой ротой заградительной к Дону пошел. Споткнулся однажды, ключицу сломал. Его – опять в госпиталь. А рота – из станицы Мелеховской со штабом сорок седьмой армии немцев выбивала, а опосля держала селение до подхода Черноморской бригады. В общем, сам догадываешься, в тыл отводить оказалось некого. Талисмана в сентябре выписали, и опять – в батальон заградительный. Двенадцатого октября его в тыл отозвали и на курсы политруков отправили, а тринадцатого сто двенадцатая дивизия со своих позиций драпанула. И заградотряд возле Сталинградского вокзала четверо суток ее участок держал. Про лейтенанта Хлыстова слышал? Так это как раз отряд нашего замполита бывший. Можешь представить, сколько их уцелело, когда десятая дивизия подтянулась. А Талисмана в новенькой форме к нам в эскадрон определили. Дескать, опытный боец станет станичникам моральную поддержку оказывать. А в дивизии только половина казачьего пополнения, остальные из госпиталей да из частей расформированных. Сами кому хочешь нос утрем. Короче, как про биографию замполита казаки проводали, так зараз и стали следить, чтобы неприятности с ним не случалось. Пока с нами он – бояться нечего. А не дай бог ногу подвернет или с поносом в тыл побежит – хана части, покрошат в капусту. Одно слово: талисман. А он, дурак, бесится, что у каждой кочки для него соломку норовят постелить. Клычев Шурка поутру ему руку подал, чтобы о растяжку лейтенант не зацепился. Так зам-

полит на него чуть рапорт за рукоприкладство не написал, насилиу угомонили.

Савельев закрыл сумку, громко позвал:

– Товарищ лейтенант! У бойца Медведева возможна легкая контузия. Прошу снять его сегодня с наряда.

– Снимаю, Медведев, – ответил с одного из седел совсем взрослый мужик, тоже в портупее. – Разрешаю спать, красный казак. Авось до утра мозги на место усядутся.

– Спасибо, товарищ лейтенант.

– Не «спасибо», а «есть», красноармеец! – сурово поправил офицер.

– А-а-а... где мое место? – поинтересовался Зверев, чем опять вызвал смешки.

– Возле противотанкового ружья, боец, – ответил ему лейтенант. – И вы, Медведев, при нем вторым номером. Надеюсь, не забыли, как обращаться со вверенным вам Родиной оружием?

– Не забыл, есть, товарищ лейтенант!

– Иди сюда, князь, – поманил его успевший привалиться к седлу Павел Шеремет. – Вот, гляди, здесь твой потник, автомат и седло твое, и сумки с припасами. Не забудь, что делать, коли тревога случится. Ружье беру я, патроны и гранаты – ты. Помнишь? Лошадей Чижик уже увел, он за тебя наряд достоять взялся. Чего тебе еще объяснить?

– Ничего, разберусь...

Ночевать на снегу Звереву было уже не впервой. Правда,

раньше это случалось в более комфортных условиях, ну да и в тулупе, валенках и ватных сапогах зимой тоже не замерзнешь. Особенно на толстом войлочном потнике и с седлом под головой.

«Обидно, – подумалось ему. – Сколько раз в детстве мечтал, как бы лихо в Отечественную воевал. На истребителе бы бился, на „Т-34“ немецкие бы пушки утюжил, в разведку бы ходил. А попал в дебильную кавалерию. Кому она тут нужна? Только супы на позиции возить да тыловые дороги патрулировать. Конница – она в шестнадцатом веке силою была. А в двадцатом... Только мух на стерне смешить. С шашками на танки не попрешь...»

– Чего ты там бормочешь, князь? – зевнул рядом старший сержант. – Уж не в горячке ли бредишь?

– Говорю, какого черта мы тут нужны? Я понимаю – танки там, бронетранспортеры. А от нас какая польза? Современная война – это война моторов. Конной лавой на танки не попрешь.

– Чего-о? – вскинулся Шеремет. – Ты, малец, видать, точно контуженый! Откуда тебе такая дурь в башку-то простреленную залетела! Да сильнее и грознее казачьей лавы ничего в мире нет и никогда не появится! Нашел чего хвалить – танки-моторы. Хлам все это, хлам и баловство. Я тебе так скажу: десять лет назад их придумали, через десять лет про них все забудут. А конница – она останется. Татар били, поляков били, шведов били, французов били, турок били, и немца

побьем.

– Это ты погорячился, Павлуша, – вступил в разговор неспешно доедающий кашу кавалерист. – Танк – это все-таки сила. И пушка у него, и пулеметы, и лоб железный. Когда такая штука на тебя катит, жопе потно становится.

– Жопе, может, и потно, а гранаты простой он боится. Бу-тылки с бензином – и той боится.

– А ты, Шеремет, хоть один танк спалил, чтобы так распинаться? Ну признай перед мужиками – спалил?

– Я?! – поднялся сержант. – Эй, Слава, скажи, как мы с тобой намерены на Ржев ходили! Ну скажи! Во втором гвардии кавалерийском корпусе мы тогда служили, у генерала Крюкова Владимира Викторовича. С шестым танковым корпусом мы в ноябре Ржев пошли освобождать. Сто двадцать танков как один, и мы на рысях. В общем, поначалу вдарили так, что немцы драпали, как зайцы, мы за ними и не поспевали даже. Потом оклемались фрицы да позади наступление устроили. Отрезали нас от своих. Ну приказа отступать не было, мы и пошли дальше, благо дорога пустая. Два дня так шли, а потом танки и встали. Не подбили их немцы, не думайте. Сами встали. Бензин у них кончился. Окопались танкисты, да и стали ждать, чего дальше будет. А нас, гвардейцев, полковник Курсанов собрал. Сказал просто: «Приказа останавливаться не было!» Мы и пошли. Шашки наголо – и на рысях. Полтора месяца у фрицев в тылу баловали. Порубили их, складов пожгли – и не сосчитать. Я лично еще и че-

тыре самолета спалил. А всего самолетов восемь штук истребили, грузовиков, бронемашин – вообще не считали. Колонны с припасами громили, подкрепление, что вперед шло... Лошади исхудали, как псы бездомные, половину мы просто сожрали. Есть-то надо чего-то! Как захромала, ранена – стало быть, под нож. Взамен у немцев коней брали. У них этих «моторов» тоже изрядно. В общем, как приказали нам вперед идти, так мы через полтора месяца по другую сторону ржевского выступа к своим через фронт и вышли. А танки твои, князь, по сей день, мыслю, как вкопанные стоят. По ним и стрелять не пришлось. А нас после переформирования сюда определили. После рейда нашего по тылам половина частей сгинули, половина перемешались. Вот восстанавливать и не стали.

– Напутал ты, Шеремет, – ответил загорелый кавалерист с дальней стороны тента. – Я не с Курсановым, я с Беловым подо Ржевом наступал. Наш корпус вместе с тридцать третьей армией зимой в прорыв ушел. В остальном то же самое было. На второй день танки с пехотой встали и назад, к своим повернули. Только им уже прорываться пришлось, немцы и нас отрезать успели. А наш корпус, считай, три месяца по тылам гулял, пока с самолета приказ на выход к своим не сбросили. Мы и вышли. А тридцать третья армия, ефремовская, говорят, погибла. Никакие танки не помогли.

– Вас послушать, – не выдержал Зверев, – так пулемет лучше верхом атаковать, а не на танке на него наехать.

– И пулеметы мы верхом атаковали, и для танков на фронте изрядно специальных пушечек припасено, – тут же парировал сержант. – На войне ни для кого разлюляй-малины нет, за каждым свой стрелок присматривает. Про танки же я тебе так скажу. Повезло им изрядно, что только перед самой войной появились. Потому против них ничего дельного пока придумать не успели. Вот подожди, как кошмар этот кончится, лет через десять посидят ученые профессора да скумекают какую-нибудь магнитную бомбу, что сама с самолета на железо наводится. Будет пролетать такой один раз над фронтом да все танки разом и выжигать. А пуще того – самолет сделают, чтобы летал впятеро дальше нынешних. Как война начнется, так сразу они и полетят в тылы друг к другу, станции и мосты бомбить. Поручат все, поезда ходить перестанут – на третий день, глядишь, бензин у всех вокруг и кончится. И пересядут все, как миленькие, на лихого жеребца, опояшутся острой сабелькой, да и помчат навстречу друг другу лихою конной лавою. Попомни мое слово, так оно и будет.

– Боец Медведев, – прервал разговор суровый голос офицера. – Что у вас там за изба-читальня собралась? Если вы не нуждаетесь в отдыхе, завтра снова в наряд заступите. Вам ясно?

– Простите, товарищ лейтенант, я уже сплю, – опустил голову и закрыл глаза Андрей.

В словах Павла Шеремета ему почудилось некое правди-

вое зерно. За всю свою историю человечество изобрело только два вида транспорта, что не нуждаются в постоянных заправках: лошадей и атомные корабли. Прав он был и в том, что к концу двадцатого века будет изобретено дикое количество средств, способных найти и уничтожить танк самым изощренным образом. Против лошадей подобного кошмара придумать никто не удосужился. Увы – если бы все было так просто... Мир меняется стремительно и необратимо. Буденовскому казаку, что в начале века рубил и австрияков, и французов, и Врангеля, трудно поверить, что уже к середине столетия исход великих битв будут решать танковые клинья, самолетные эскадрильи и плотный пулеметный огонь. Моргнуть не успел – а мир вокруг уже изменился до неузнаваемости. Такая вот настала хитрая штука, неведомая далеким предкам: научно-технический прогресс.

Он надвинул шапку на глаза и решительно отринул посторонние мысли. Ему в самом деле следовало хорошенько поспать. И молиться Богу, чтобы легкое касание пули не аукнулось серьезным сотрясением мозга.

Новый день прошел для Зверева спокойно. Контуженого мальчишку предпочитали не трогать ни командир, ни другие кавалеристы, и он смог спокойно разобраться, что ему досталось за оружие и с чем его едят. Четырнадцатиполовинномиллиметровое противотанковое ружье Дегтярева оказалось по конструкции не сложнее охотничьей винтовки: ствол да затвор – так что долгих уроков не потребовалось.

Еще им с сержантом полагалось по автомату «ППШ» с цинком патронов (как заметил Шеремет: «На случай рукопашной»), два десятка гранат, из которых половина были противопехотными, четыре цинка с патронами к ПТР и, разумеется, сверкающая первозданной новизной, слегка изогнутая шашка, практически не имеющая гарды, но с темляком из шелкового шнура. Никаких доспехов конникам не полагалось, что для Андрея, привыкшего к тяжести байданы и куяка на плечах, было очень непривычно. Но ничего не поделаешь – новые времена, новые законы.

Еще, как заметил Зверев, к нему прочно прилепилась кличка «Князь». Но он, в отличие от Талисмана, на такое обращение реагировал спокойно.

Отдохнуть второй ночью не удалось. Едва стемнело, прозвучала команда: «По коням!». Казаки действовали быстро и отработанно: одни сворачивали маскировочные тенты, другие подводили лошадей, третьи навьючивали общий скarb: жерди, полотно. Андрей помог сержанту укрепить у седла тяжеленное длинноствольное ружье, навесил на муругую кобылу свою долю боеприпасов. Полчаса – и эскадрон втянулся в темную колонну кавалерийской дивизии, уходящей на юго-запад, в сторону непрерывного грозного рокота.

«Сталинград, Сталинград...» – летал среди бойцов тревожный шепот, и люди невольно выискивали глазами Талисмана. Замполит в строю – значит, пока ничего страшного.

Глубокой ночью по потрескивающему льду эскадрон пе-

решил Волгу, поднялся на правый берег, на рысях двинулся вперед. Еще четыре часа хода – и дивизия наконец остановилась, растекаясь, подобно воде, по заснеженной степи. Эскадрон освободил скакунов от поклажи, растянул полотняные навесы и к рассвету совершенно исчез: с высоты в пару сотен метров степь казалась такой же белой и ровной, какой была вчера.

Уставшие люди повалились спать, оторвавшись от этого важного занятия только два раза: ради завтрака и обеда. К вечеру эскадрону подвезли свежего сена, овса, поступил приказ наполнить все торбы.

– Неужели наступать будем? – озвучил общую мысль Шеремет. – Коли зерна коням чуть не на неделю дают – на месте, стало быть, держать не собираются.

Между тем дежурные наряды опять дернули в тыл и вернулись с американской тушенкой – каждому по две банки – и с копченой рыбой, которую казаки приговорили тут же, за ужином. С плотно набитым животом – и мир светлее, и мороз не так силен, и потник мягче, и спится слаще. Хотя выспаться досыта эскадрону опять не удалось: за два часа до рассвета воздух содрогнулся от оглушительного рева, и даже самые опытные бойцы повскакивали с мест, в тревоге хватаясь за оружие и выбегая наружу.

Впереди, в считанных километрах, бушевало пламя: тысячи, десятки тысяч разрывов сливались в непрерывную желто-красную полосу, над которой, кроваво подсвеченный сни-

зу, вздымался черный дым.

– Эскадрон, по коням! По коням, мать вашу, вы не в театре! Чего вытаращились? По коням!

Люди забежали, выполняя привычные, дошедшие до уровня рефлексов, действия: растяжки, тенты, седла. Вскоре кавалеристы выстроились в две линии на недовольно всхрапывающих, тяжело нагруженных скакунах. Они стояли лицом к адскому пламени, что продолжало бушевать впереди: кто – с суровой решимостью сжимая рукоять шашки, кто – успокаивающе поглаживая лошадь.

– Слушай меня, эскадрон! – перекрикивая грохот канонады, поднялся на стременах лейтенант. – Нам поступил приказ совместно с четвертым механизированным корпусом прорвать оборону противника, после чего развивать наступление самостоятельно, вместе с приданной нам восемьдесят пятой танковой бригадой. Мы должны освободить поселок Аганерово, после чего повернуть к городу Котельниково, достигнуть его, завладеть населенным пунктом и занять оборону.

– Котельниково! – удивленно присвистнул Шеремет. – Да это верст триста отсюда, не меньше.

– Короче, мужики, – немного снизил тон командир эскадрона. – Коли не дрогнем – всех немцев, что к Сталинграду сунулись, в котле запрем да сварим, что пельмени сибирские. Четвертый танковый внутреннее кольцо замыкает, а мы – внешнее. И еще... Казаки, перед нами не войска стоят. Пе-

ред нами – румыны. – Лейтенант весело подмигнул и опять повысил голос: – Замполит, ко мне! Скажи людям пару слов перед боем.

Младший лейтенант выехал перед строем, вскинул руку указующим перстом вперед:

– Товарищи! Братья мои! Освободим землю русскую от фашистской сволочи! За сестер и матерей наших, за Родину, за Сталина! Бить гадов нещадно, пока ни единого не останется! Ура!

Народ чуть зашевелился, расслабился: Талисман здесь, так что бояться нечего. Лейтенант же глянул на часы и кивнул:

– Пора. За мной, казаки, с Богом.

Дальше все было неправильно. Совсем не так, как пишут в книжках или показывают в кино. Никаких окопов, никаких криков «Вперед!» и бросков за комиссаром под кинжальный пулеметный огонь, никаких амбразур, что нужно закрывать грудью, никакого горячего снега. Эскадрон развернулся в несколько рядов за «тридцатьчетверками», в шахматном порядке несшимися по степи, и стремительным галопом полетел следом, стараясь только не отстать, – полетел прямо в бушующую впереди стену артиллерийских разрывов. На всем ходу они перемахнули изломанную линию своих окопов, помчались дальше. Позади, стремительно отставая, слышалось нестройное «Ура-а-а-а!!!».

Когда до смерти оставалось всего метров сто – волна раз-

рывов резко отпрыгнула дальше, вперед, еще метров на триста. Танки сбросили скорость и, переваливаясь с боку на бок, как большие утки, полезли по перепаханной румынской передовой, состоящей из сплошных воронок разной глубины и диаметра. Конница тоже перешла на шаг: тут бы только ноги лошадям не переломать, какие уж там скачки! Справа впереди вдруг загрохотал пулемет – но по нему тут же жажнули стволы сразу нескольких танков, и огневая точка замолкла. Точно такая же судьба ждала еще одну ожившую впереди позицию.

Наступающие части догнали вал разрывов – он опять отпрыгнул вперед, еще на три сотни метров. А когда танки добрались до него снова – вдруг опал, исчез, оставив людей в такой тишине, что в ушах звенело. Из выхлопных труб «тридцатьчетверок» ударили сизые снопы, танки стали ускорять разбег – и эскадрон тоже перешел на рысь. Минут десять гонки – впереди опять загрохотало. Над ровной поверхностью только-только начавшей светлеть степи, выдавая позиции врага, полыхнули алые огоньки, перед танками и между ними черными комьями взлетела земля. Танки сбросили ход, с коротких остановок начали отвечать, и подмигнувшее атакующим место сплошь заросло многочисленными разрывами.

Эскадрон нагнал машины, местами даже вырвался вперед – но танкисты быстро разогнались снова, пошли на врага, непрерывно стрекоча пулеметами. Румынские позиции от-

вечали частым винтовочным треском, длинными очередями. Справа от Зверева неожиданно вылетел из седла молодой казак, потом кувыркнулись бок о бок на снег сразу три лошади. «Тридцатьчетверки» опять заговорили главным калибром, «гася» вражеские пулеметы. Некоторые кавалеристы дернули из-за спин древние, как Мафусаил, и надежные, как рогатина, мосинские трехлинейки, начали отвечать.

Андрей тоже было потянулся к автомату, но передумал. Один черт на скаку с седла никуда не попадешь. Да и дальность у «ППШ» двести метров с хвостиком – далековато. А потому он сместился чуть левее, прикрываясь танковой броней, и сунул кисть руки в темляк, потянул из ножен шашку. Пятьсот метров, четыреста, триста... Румынские пулеметы замолкали один за другим, и всадники уже без особой опаски выскакивали между танками, рвались вперед. Двести метров – и оккупанты побежали, выскакивая из окопов, бросая оружие, петляя как зайцы.

Впереди шелкнул одинокий выстрел – Андрей увидел в узкой ячейке одетого в зеленую шинельку бойца с бабьи повязанным на голове платком. Румын торопливо передернул затвор, вскинул винтовку, целясь точно в него. Зверев пригнулся к самой шее кобылы, пнул ее пятками, заставляя скакать еще быстрее. Выстрел – пуля свистнула где-то совсем рядом. Стрелок опять дернул затвор, поднял оружие... Щелчок: пусто.

– Обойму поменяй! – рявкнул Андрей, налетая на ячейку.

Румын взвыл, вскинул винтовку над собой, закрываясь от клинка, но князь чуть помедлил с ударом и хлестко обрушил остро отточенную шашку не на голову врага – а на спину, за его ружье, по основанию шеи, подрубая позвоночник на загривке.

Эскадрон промчался через разбитую артиллерийскую батарею в пять стволов, походя срубив несколько пытающихся убежать пушкарей, снова пристроился за тропящими степь «тридцатьчетверками». Внезапно танки разделились: большая их часть повернула влево, убыстрила ход. Но десятка четыре продолжали двигаться вперед и скорость даже уменьшили. Это было сделано очень вовремя – лошади нуждались в отдыхе. Хотя бы в таком, как переход с галопа на широкий шаг.

– Прорвались, – утер рукавом лоб сержант Шеремет. – Теперь, коли повезет, до вечера километров сто пройдем. Выдержали бы кони – тогда Котельниково нашим через три дня будет... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазило.

Походным шагом кавалерия шла вместе с танками часа два, пока впереди не показалась небольшая деревенька дворов в пятнадцать, почти не тронутая войной: ни одного сгоревшего дома, никаких зенитных или артиллерийских батарей. Два колодца с журавлями, дымок из труб. Идиллия! «Тридцатьчетверки» двумя колоннами обогнули селение с двух сторон, несколько эскадронов двинулись напрямую.

Андрей одним из первых выехал на раскатанную, судя

по следам, саянами центральную улицу. Возле крайней избы, притоптывая, курил в ладонь сигаретку солдатик с винтовкой за спиной. Шинель зеленая, поднятый ворот, погоны, кепка с козырьком. Форма непонятно чья – но точно не советская. Услышав топот, бедолага поднял глаза, но никак не отреагировал, то ли растерявшись, то ли приняв казаков за своих. Все же километров сорок от фронта – чего бояться. Почти от середины дороги Зверев до него не доставал, а потому за оружие не схватился, чем окончательно успокоил уже фактически мертвого оккупанта. И поворачивать ближе не стал – позади ведь широким потоком другие кавалеристы идут, так что никуда не денется, прихлопнут. Зато с высоты седла он увидел построение перед недавно побеленной избой за ровным аккуратным плетнем. Человек тридцать, в три ряда, с винтовками за спиной. Напротив них разгуливал какой-то красавчик с плетью и в нарукавной повязке.

– Эскадрон, за мной! – рявкнул Зверев, выдергивая шашку, и дал шпоры кобыле.

Та фыркнула, несколько раз скакнула, разгоняясь в галоп, легко перемахнула метровое препятствие и оказалась на любовно расчищенном плацу. У красавчика начала отваливаться челюсть, а Андрей на всей скорости врезался в строй, принялся хлестать шашкой влево, вправо, влево, разрубая клинком черепа. Те же жертвы, что оказались впереди, были просто опрокинуты ударом груди разогнавшейся тяжелой лошади. Еще взмах, еще...

Красавчик трясущейся рукой схватился за кобуру, выдернул парабеллум, клацнул затвором, вскинул свою игрушку: бах! Но Зверев, не дожидаясь выстрела, упал вправо, вытягиваясь вдоль конского бока, выпростал вперед руку и вогнал клинок чужаку в левую часть груди. Рванул на себя, выпрямляясь в седле, оглянулся. Эскадрон с шашками наголо кружился среди кровавого месива, выискивая тех, кто еще дышал, и затапывая мертвых. С той стороны улицы послышался одиночный выстрел, потом еще один. Спешившиеся бойцы забегали в дома, выскакивали, бежали дальше. Трое кавалеристов его эскадрона, спрятав шашки, с винтовками забежали в избу возле плаца, и изнутри тоже несколько раз грохнуло.

– Боец Медведев! Медведев, оглох?!

Андрей спохватился, что так здесь называют именно его, вскинул руку:

– Простите, товарищ лейтенант! Отвлёкся.

– Здесь кто эскадроном командует, казак? Ты чего себе позволяешь?! Трое суток ареста за самоуправство!

– Есть трое суток ареста! Где прикажете отбывать?

– Боец Медведев!

– Й-я!

– За проявленную инициативу, отвагу и решительность в бою с фашистскими оккупантами объявляю вам благодарность и снимаю все ранее наложенные взыскания!

– Спасибо, товарищ командир!

– Да не «спасибо», а «Служу Советскому Союзу», деревня!

– Так точно!

– Нет никого больше. – Кавалеристы выбежали из дома, один протянул лейтенанту ворох бумаг: – Вот, сейф открытый был. Больше ничего, во все ящики заглянул.

– Молодцы, по коням. Медведев – замыкающим! – Офицер сунул бумаги за пазуху и показал Звереву одетый в меховую рукавицу кулак.

Кавалеристы нагнали танковые колонны, опять перешли на шаг. Через час они перевалили железнодорожное полотно, выкатились на дорогу, с ходу разметали в пух и прах колонну из пяти грузовиков и двух бронетранспортеров. Посыпавшиеся из кузовов солдаты даже не пытались отстреливаться – только разбегались в разные стороны. Фигурки мышиного цвета на белом снегу. Сберегая патроны, казаки порубили их шашками, затем повернули по тракту и перед самыми сумерками налетели на длинный обоз из полусотни телег. Великовозрастные возничие поначалу попытались уступить им дорогу: видать, опять же приняли за своих. Поняв, в чем дело – покорно подняли руки.

Возле разгромленного обоза ударная группировка и заночевала – чтобы еще до рассвета двинуться дальше. Пленных и раненых отправили на захваченных повозках в тыл под конвоем казаков, раненных легко. Раненых, кстати, оказалось всего два десятка со всего корпуса.

Кавалеристы на отдохнувших конях пошли рысью, то и дело норовя вырваться вперед танковой колонны. Два часа ходу – и взорам открылось довольно крупное селение. За крайними избами возвышались несколько каменных домов, дымили черными жирными клубами три котельных, время от времени слышались паровозные свистки.

– Аганерово, – тут же угадал опытный Шерemet. – Станция. Уж за нее-то немцы драться будут злобно. Без нее им к Сталинграду даже дырявой подметки не довести.

Танки, не снижая скорости, начали разворачиваться в боевой порядок. Эскадроны – тоже. Когда до поселка осталось всего около километра, первый раз жахнули пушки, спрятанные справа и слева у крайних домов. «Тридцатьчетверки» начали бодро отвечать, массированным огнем перемещивая позиции противника с землей. Метров через двести из-за снежных сугробов застрекотали пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы. Но вот пушки к этому времени успели замолчать, и танки повернули свои стволы против новых огневых точек. Кавалеристы же сбились за бронированными машинами, прячась от дурных пуль. Время от времени то тут, то там спотыкалась лошадь, кувыркался по земле человек – это выглядело не столь ужасающе, чтобы поворачивать и бросаться наутек. Зверев опять сунул руку в темляк и потянул шашку на свет: с нею, как ни странно, он чувствовал себя куда увереннее, нежели с кургузым «ППШ».

– Инстинкт далеких предков, однако...

Насколько точно били танкисты, понять было трудно: впереди все белое, ровное. Только красные огоньки. Потом десятки частых разрывов – и все стало черным и перекопанным. Новые огоньки – новые разрывы. Снова огоньки – опять разрывы. Еще двое казаков вылетели из седел, приняла пулю точно в голову идущая рядом с самым танком лошадь. До вражеских позиций осталось триста метров... Двести... Сто... И фашисты побежали! Они выскакивали прямо под пулеметные очереди «тридцатьчетверок», бросали тяжелые винтовки и мчались к совсем близким мазанкам.

– Румыны, – презрительно бросил Шеремет и тоже обнажил клинок.

Танки нагнали бегущих людей и перестали стрелять. Удрать от стремительного врага оккупанты все равно не успевали. Кто не оглядывался – попадал под гусеницы танков. Кто отскакивал от тяжелых боевых машин – тех рубила конница. Андрей успел дотянуться до двоих, легко и точно чиркнув им отточенной сталью сбоку под основание шеи. Легкое прикосновение – и захватчик врезается головой в ту самую землю, которую так хотел отобрать у ее народа.

– Эскадрон! За мной, эскадрон! – Лейтенант не дал своему подразделению войти в Аганерово, повел его вдоль окраин, обогнул поселок и приказал спешиться с южной стороны. – Коноводы, забрать лошадей! Пулеметчикам занять позиции. Цель: дорога на Котельниково. Старший сержант Шеремет, на тебе железная дорога. Остальным обеспечить обо-

рону со стороны поселка!

Трое бойцов увели скакунов почти на километр южнее, подальше от шальных пуль, остальные кавалеристы зарылись в снег до мерзлой земли. Не прошло и четверти часа, как из-за крайних домов показались люди в форме, десятка полтора. Пулеметчики подпустили их поближе – чтобы назад сбегать не смогли – и повалили несколькими экономичными очередями. Еще через минуту сосредоточенный огонь разнес кабину пытавшегося покинуть селение грузовика.

– Васька, патрон!

Зверев достал один из трех зарядов, что по приказу старшего расчета носил на груди, протянул сержанту. Тот загнал его в ствол, вынул из-за пазухи завернутый в тряпицу затвор, поставил на место, приник к прицелу, ловя кончиком ствола паровоз, что деловито утягивал со станции длинную цепочку товарных вагонов:

– Шалишь, сучье племя, тут наша власть ныне...

От неожиданно громкого выстрела заложило уши, а на черном боку тягача появился парящий белым дымом свищ. Шесть сотен метров для противотанкового ружья – не расстояние.

– Патрон!

Сержант выкинул гильзу, дослал заряд. Выстрел – и рядом с первым свищем появился второй.

– Патрон!

– Не увлекайся, сержант! – предупредил офицер. – Его

уже не фрицам, его нашим ремонтировать придется.

– Я под котел... Чтобы вода ушла...

После третьего выстрела Шеремет довольно откинулся набок, подмигнул Андрею:

– Ты патроны-то не забыл, князь?

– Полный цинк.

– Ну ты парочку в тепло-то убери, на всякий случай.

– А затвор?

– Затвор ни к чему. Наверняка скоро или вытащить, или вытолкать состав попытаются. Придется осаживать.

Но на этот раз бывалый вояка ошибся. Состав, прокатившийся еще около километра и вставший среди степи, спастись никто не стал. Заслон из одного эскадрона простоял до полудня, после чего лейтенант направил на юг два дозора, а остальным бойцам приказал войти в поселок и занять для нужд части крайние дома. Сам офицер отправился в штаб с докладом. Вернулся довольный и слегка пахнувший добротной русской водочкой, без сивушной вони:

– Ночуем в тепле, мужики. Мы тут складов взяли – два корпуса снарядить можно. Румын только пленных – три сотни. А потерь в нашей дивизии пока – десять убитых и тринадцать раненых. В шестьдесят первой дивизии семнадцать казаков погибло, двадцать один в санчасти. Так бы до Берлина идти – к маю у рейхстага ночевать будем. Эх, хороший нынче денек! Давно таких не помню...

Хозвзвод отстал от части еще в первый день – но у румын

имелась и кухня, и штабеля консервов, и даже разлитое в большие зеленые бутылки вино. Так что подкрепились кавалеристы на славу – и перед сном, и поутру. Лошадей булкой кормили! Ну а с первыми лучами солнца – в седло и марш, марш вслед за низко урчащими танковыми колоннами.

За сутки четвертый кавалерийский корпус прошел ускоренным маршем почти сотню километров и уже следующим утром увидел Котельниково: город большой, но изрядно разрушенный. Война, катясь на восток, успела превратить немалую часть его домов в остовы и фундаменты, снести пригородные сады и ограды, исковеркать кирпичную водонапорную башню и колокольню старой церкви.

Правда, рассматривать издали, как развлекается на Руси цивилизованная Европа, бойцам ударного корпуса было несподручно. На ходу развернувшись в боевые порядки, кавалеристы под прикрытием танковой брони двинулись к городу вдоль двухколейной железной дороги. На рысях, на рысях – чтобы ворваться на улицы, пока никто и понять ничего не успел, пока часовые дремлют на постах, дожидаясь скорой смены, а комендантские роты сладко посапывают в казармах, наслаждаясь последними предутренними снами. На рысях...

Пулеметы, пушки, винтовки ударили одновременно, когда до кирпичных уступов крайних домов, разбитых по нижние окна, оставалось от силы триста метров. Лошади тут же полетели с копыт – десятками. У левой крайней «тридцать-

четверки» сорвало гусеницу, и она на скорости развернулась почти на сто восемьдесят градусов. Еще у одной вверх подлетела башня, хотя машина продолжила мчаться вперед. Танки немедленно открыли ответный огонь, истребляя выдавшие себя пушки – но всадники, которых выкашивали целыми рядами, ждать не могли и, спасая шкуры, повернули назад. Голой грудью, пусть сначала и конской, на пулемет не погрешь. «Тридцатьчетверки» тоже замерли, продолжая гвоздить замеченные огневые точки. По ним больше никто не стрелял – но соваться в развалины города, на узкие улочки танки не рискнули. Их там могли из любого окна элементарно забросать гранатами. Фыркнули дизели – и грозные машины неторопливо, словно желая скрыть испуг, попятились к умчавшейся почти на километр коннице.

«Немцы», – без посторонней подсказки догадался Зверев. За одну только атаку, причем неудачную, только их полк потерял больше людей, чем вся дивизия при разгроме румынского участка фронта.

Танки и казаки остановились примерно в полутора километрах от города. Немцы не стреляли. Противотанковые расчеты боялись выдать себя раньше времени, а другой артиллерии у них, скорее всего, и не было. Лейтенант умчался в штаб, а вернувшись, зло приказал коноводам отвести лошадей, а остальным бойцам – окапываться.

– Хотели обойти немцев, через Похлебин, – бросил он сквозь зубы. – Но у танкистов, оказывается, топливо кон-

чилось. Лишних двадцати километров не вытянут. Зубатин, Крылов – в дозор. Обойдите, гляньте, что там у фрицев происходит. Только под выстрел не подставляйтесь. Смотрите издалека.

– Вот тебе и танки, князь, – припомнил давешний разговор сержант. – Кончился керосин – и все. Бесполезный хлам. И, язви их в душу, вечно они в самый нужный момент встают. Как специально подгадывают... Ты копай, копай! Чем глубже стрелковая ячейка, тем дольше стрелок живет. И это... За коноводами сходи, наших коней расседлай, а потники сюда принеси. На дно ячейки постелим – уже теплее. А то на голой земле лежать – все яйца отморожишь.

Еще больше казакам испортил настроение вернувшийся дозор. Оказывается, в городе и на железной дороге за ним фашисты разгружали эшелоны с машинами, танками и пушками. Если не разгромить их сейчас, пока половина техники на платформах – завтра эта техника начнет громить уже кавалеристов. Но танки – не лошади. Коня в крайнем случае и голодного прищпорить можно. А «тридцатьчетверки» без солярки стояли на месте, хотя от них сейчас зависела жизнь и смерть многих сотен людей...

Бойцы четвертого кавалерийского корпуса не знали, что в эти самые часы в Котельниково выгружалась и разворачивалась прибывшая из Франции шестая танковая дивизия, командир которой, Эрхард Раус впоследствии приведет без-

действие вставших перед городом советских войск как пример безмерной русской глупости: ему, дескать, безропотно и беспрепятственно дали подготовиться к боевым действиям. Однако никому из красных командиров и в голову не могло прийти бросить в атаку людей, не прикрытых танками, без поддержки гаубиц и пушек. Кстати, сам Раус особой инициативы тоже не проявил, уничтожить безмолвные и неподвижные ударные части врага не попытался. Поэтому боевые действия возобновились только третьего января и возобновились Красной армией – когда ушедший далеко вперед корпус догнала его артиллерия, а в баки «тридцатьчетверок» потекла живительная зимняя солярка. Кавалеристы, теперь уже спешенные, попытались выполнить задуманный несколько дней назад маневр: обойти Котельниково с тыла, через Похлебин и реку Аксай.

Первый эскадрон в наступлении не участвовал. Они остался прикрывать уже не сам корпус, а ведущие огонь куда-то за полтора десятка километров гаубицы и тысяча сто тринадцатый зенитный артполк.

– Наступают... – лежа на спине, прислушивался к далекой канонаде Шеремет. – Только медленно идут. Видать, тяжело. С немцами плохо, они никогда не драпают. То есть бывает, но редко. Немец обычно в окопедохнет, а не по полю улепетывая. Нам как-то пленный признался, что у них за отход без приказа сразу штрафбат положен.

– Так и у нас штрафбат, – заметил Зверев.

– Э-э, ты не сравнивай, – усмехнулся сержант. – У нас из штрафбата с возвращением всех наград, званий и должностей отпускают, коли кровью искупил. А у фрицев он пожизненный, пока не сдохнешь. И заградотряды, говорил, у них не из немцев, а из русских полицаев. Так что те стреляют в отступающих без разбора, беседы не ведут. Им на фрицев наплевать. Представляешь – у нас заградотряды из эсэсовцев? От них не назад, а вперед побежишь... Кстати, Талисмана чего-то давно не видно. Хоть бы беседу какую провел, что ли?

Словно в ответ, земля затряслась – в степи между кавалеристами и гаубицами заплясали многочисленные разрывы. Канонада длилась минут двадцать, после чего из-за домов и развалин далекого Котельниково поползли танки – почему-то без поддержки пехоты.

– Смотри, «ганомаги»⁷, – обрадовался сержант, доставая из-за пазухи затвор. – Это наши мишени, сейчас мы их оприходуем. Патрон!

Позади почти на минуту наступила тишина, после чего земля под немецкими танками вздыбилась, их закрыло сплошной стеной разрывов. А когда мерзлые комья упали, стало видно, что перед городом остались три искореженные машины – прочие отступили.

– Ну что такое! – обиделся Шеремет. – И стрельнуть не

---

⁷ Немецкий бронетранспортер.

дали...

Тут земля затряслась снова – но на этот раз фашисты довольно точно накрыли позиции гаубиц. Минут пять – и град снарядов рухнул уже на зенитчиков. А потом танки выползли на поле снова.

– Ну теперь они мои! – припал к прицелу сержант. Грохнул выстрел – но кому он предназначался, Андрей не знал. – Патрон!

Хлопнул новый выстрел.

– Патрон!

После небольшой задержки ожила гаубичная батарея – только на этот раз она была намного реже. Может, там осталось лишь два ствола из десяти. Затем, тоже редко, начали стрелять зенитчики. Потеряв две машины из-за слетевших гусениц и еще одну, опрокинутую близким гаубичным разрывом, немцы снова отступили, и опять по артиллеристам принялись гвоздить немецкие пушки. Им, со значительным опозданием, ответила гаубица.

– Вот ведь упрямые какие... – перевернулся на спину и прижался спиной к земле сержант. – Уроды. Мы ведь им все машины пожжем, не на чем удирать будет.

– Чего они сюда-то лезут? – тоже пригнул голову Андрей. – Наши ведь там, за Аксаем наступают.

– Окружить хотят. Невдомек баранам, что кавалерия в окружении только лучше дерется. Чужой тыл – это наша передовая. Нас в окружение только пропусти.

– Вы как, казаки? – упал рядом с ними на землю замполит. – Семи танков у фрицев уже нет. Еще три в Похлебине сгорели, наши по рации похвастались. Отвлечем немца на себя, им там легче будет. А стволов пушечных у нас на три дивизии хватит, отгоним фашиста. И вообще, мужики, – неожиданно подмигнул он. – Я здесь, с вами. Не пропадем.

Младший лейтенант поднялся и побежал к следующему окопчику, выдолбленному в промороженной на полметра земле.

– Талисман нары... – начал было сержант, но тут взрывная волна от совсем близко упавшего снаряда выбила Зверева из неглубокой стрелковой ячейки. Он охнул от боли, приподнялся – однако новый взрыв надолго погасил сознание.

Пришел Андрей в себя от страшной боли, ломающей все тело. И от тишины. Он попытался встать – но потерял равновесие, скатился в какую-то яму. Стало страшно, и он торопливо выполз по склону вверх. Вокруг лежали гранаты. Много гранат. Зверев вспомнил, что взял на позицию шесть противотанковых и шесть пехотных. Они так и лежали, вперемишку. А от домиков опять ползли танки, вслед за которыми трусили человеческие фигурки. В шинелях, похожих на крысиные шкурки.

«Шесть противотанковых, шесть пехотных», – продолжало пульсировать в голове. Князь Сакульский подобрал одну ребристую гранату, одну с большой рукоятью, зажал в кулаках, выдернул чеку и из той, и из другой. Теперь можно было

расслабиться. В тишине хорошо расслабляться. Солнце светит, снежок на щеках – и тишина.

Танки подползали все ближе. Пулеметы в них бесшумно светили огоньками – словно на стволах горели крохотные светодиоды. Время от времени выплевывали дымы пушечные стволы. Какие забавные... Сил взмахнуть рукой не было – но танк подполз уже так близко, что достаточно было разжать пальцы, и граната скатилась ему под гусеницу. Полетела в стороны грязь, разбросало железные траки. Танк чуть повернулся, остановился. Мгновением спустя справа открылась крышка люка. Такого шанса Андрей не упустил бы даже мертвый: в последнем порыве он поднялся и опустил руку с пехотной гранатой туда, в люк. Наружу уже лез чумазый, похожий на нормального человека, танкист. Он замер, опустив глаза под себя, потом поднял взгляд, встретился им со Зверевым – и Андрей улыбнулся.

Потом его опять отшвырнуло – но он снова поднялся, сжал и разжал пальцы. Теперь руки были пусты. Из-за черно чадающего танка появились на задних лапах бледнолицые крысы, вскинули винтовки. На кончиках стволов мигнули светодиоды...

– Ты вернулся, чадо?

Андрей помолчал, сел на алтаре, поднес к лицу ладони. Открыл их, стиснул пальцы, снова разжал. В слабом свете костра они оставались чистыми и пустыми. Он повел плечами. Нет, ничего не болело. Ноги и руки слушались, голова

оставалась ясной и спокойной. Он нашарил на траве одежду, начал облачаться.

– Ты чего молчишь, отрок? – забеспокоился колдун. – Здоров ли ты, цел?

– Не делай этого больше, волхв, хорошо?

– Чего «не делай», дитяtko мое?

– Не отрывай души от тела, Лютобор. Мне не нравятся такие путешествия. Они все равно ничем не заканчиваются. То есть заканчиваются. Всегда одинаково заканчиваются. Я не попадаю домой, колдун. Я получаю поцелуй жестокой Мары, повелительницы смерти. Ты знаешь, мне совсем не нравятся ласки этой богини.

– Разве кто заставляет тебя отправляться в эти путешествия? Доколе ты станешь верить, будто никто не разгадает твоей тайны? Мне приятно слушать твои побасенки о великом будущем России, но истину открывает лишь зеркало Велеса. Осталась всего четверть века, и моя отчизна сгинет в крови и безвременье.

– Да, я помню, помню, – отмахнулся Зверев. – Через три десятилетия без малого, когда Османская империя покорит всю Европу, она посадит на трон извечно покорной сатанизму Польши кровавого упыря и вместе с ним нападет на Россию. С востока двинется Казанское ханство, и под ударами с трех сторон вечная Русь падет. От нее уцелеют только несколько мелких княжеств на севере, вокруг Архангельска... Пардон, вокруг Холмогор. Архангельска, по-

жалуй, при таком раскладе возле старого города пристраивать не станут. Но что бы ты ни говорил, мудрый волхв, примерно в половине случаев после твоего колдовства я попадаю во времена, близкие к своим. Пару раз почти точно к себе – но меня выбросило обратно. В позапрошлый раз – лет на десять позднее. В этот – на шестьдесят лет раньше, в Великую Отечественную. Правда, оба раза меня быстро убили. Буду дома – обязательно узнаю, что там с моим полком, моей дивизией случилось⁸.

– Боги излишне милостивы к тебе, отрок. Ты просишь – и они пытаются дать то, чего ты желаешь. Но ты просишь невозможного, ты желаешь проникнуть в мир, которого не существует. Они создают для тебя что-то похожее, но даже боги не в силах овеществлять целый мир или хотя бы часть его вечно. Когда их силы иссякают, ты возвращаешься назад. Зеркало Велеса никогда не ошибается. Оно предсказало гибель Руси через тридцать лет – а значит, корень Сварогов

---

⁸ Потери 81-й кавалерийской дивизии в бою у Похлебина убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 1897 человек и 1860 лошадей. Она была окружена 4 декабря 1942 года, но, по заветам кавалерии, активно дралась в тылу врага, в 90 километрах от ближайшей советской части, и пыталась продолжить наступление. Только 12 декабря немцы смогли снять из-под Котельниково свои ударные части и бросить их на прорыв к Сталинграду. Но к этому времени 2-я гвардейская армия успела развернуться на их пути к Паулюсу, занять оборону и прочно вгрызться в землю. Отважные действия стремительной конницы фактически обеспечили окружение 330-тысячной фашистской группировки, на полмесяца задержав контратаки врага, оттянув его силы к себе. 81-я кавалерийская дивизия продолжала драться, отвлекая к себе немцев и угрожая их коммуникациям, вплоть до 17 декабря.

действительно сгинет, а память его старательно истребят новые, дикие племена.

– Ну положим, турки пока еще далеки от завоевания Европы и топчутся вокруг Вены и перед Венецией. А царь Иван, гибель которого от руки убийцы ты предсказал еще три года назад, жив до сих пор.

– Судьбу невозможно обмануть, чадо мое. Дважды ты спасал его от неминуемой кончины. Но послезавтра поутру он съест смертельную отраву, подложенную предателем, и покинет наш мир, не оставив наследника. Трон перейдет к брату его, Владимиру Старицкому, а вместе с этим на растерзание ляхам и волхвам стран заката будут отданы Новгород и Псков, что зело ослабит землю нашу и сделает братьев по крови врагами нашими в войне будущей против Руси. Вольности немалые он боярам и князьям пожалует – и вольные слуги его в час будущей опасности откажутся под знамена московские вставать, за Отчизну общую животы класть. Свободой полученной зело дорожить станут. И биты будут они все, истреблены поодиночке.

– Да, я помню... – пробормотал Андрей. – Вольности шляхты, польский вариант. Для любой страны – путь в могилу. Но царя... Проклятие, я и забыл, что узнал в Новгороде про новый заговор! Они же сговорились с Белургом, некромантом из моего могильника. Ведь у них еще ничего не готово! Я был, я видел, я знаю... Проклятие, не начнут же они переворот без князя Старицкого! А он еще в Новгороде.

– Уже нет. Видать, спугнул ты колдуна и присных его, спугнул. Вот и заторопилась нежить, дела прочие отложила.

– О Господи, – схватился за голову Зверев. – Точно! Белург догадался, что я слежу за князем. Я у мальчишки при встрече жира чуток с носа соскоблил, вот он и догадался. Тоже ведь в магии сечет неплохо. Они даже убийц ко мне подослали, но мы с Пахомом отбились.

– Больше не подошлют... – Лютобор провел рукой над костерком, и тот погас, словно символизируя падающий на русскую землю мрак безвременья. – Кому ты откроешь секрет Владимира Старицкого, коли он днями сядет на стол московский? За сию тайну покарают уж тебя, а не его. Беги, дитя. Беги на север, строй твердыни могучие на своих рубежах, учи холопов и смердов делу ратному, сманивай людей русских, кто в весях своих чем-то недоволен. Может статься, тогда и уцелеет род твой в годину страшную, не станут османы класть животы тысячами ради клочка земли малого. Сам спасешься и слуг своих спасешь. Времени у тебя осталось мало. Совсем мало. Четверть века всего. Для рода Сварогова – последний миг.

Царский друг

Думы князя слишком долго были обращены лишь к сыну, чтобы он вспомнил о заговоре, попытался его предотвратить. Да и смог бы? Похоже, пока он плыл на север, дабы похвастаться перед новгородским ремесленником своей пилюлой, на подворье Старицких уже седлали лошадей, чтобы спешить в столицу. А приказ о злодействе, вестимо, мчался в Москву с ямской почтой, на перекладных, за государев счет.

– Впереди еще целый день... Может, успеем, Лютобор? Если не заговорщиков остановить, то хотя бы царя предупредить, от смерти спасти.

– Я согласен, чадо. Делай. Делай все, что можешь, что считаешь нужным...

Даже в темноте на губах колдуна ощутилась снисходительная улыбка. Вот, мол, она, юношеская горячность, стремление перевернуть мир. Много лет пройдет, прежде чем желающий получить все и сразу мальчишка обретет мудрость мириться с неизбежностью. Что, что мог поделать Андрей со своим обжигающим душу знанием? Отбить телеграмму, позвонить по телефону, послать письмо через Интернет? До Москвы пятьсот километров. На перекладных ямской почты – не меньше трех дней стремительной скачки. С заводными – втрое дольше. Просто верхом – еще вдвое. За сутки весть могла бы долететь до Кремля с голубиной поч-

той. Но для этого голубя нужно сперва вырастить, а потом взять из родного гнезда с собой.

Сутки... В его распоряжении были всего сутки с сегодняшней полуночи и до послезавтрашнего рассвета. Увы, в этом мире не существовало силы, способной так быстро перебросить невесомую кроху информации от предместья Великих Лук к царскому дворцу.

– Ты можешь перенести меня в Москву, Лютобор? – с надеждой спросил Андрей.

– Конечно, – признал колдун. – Для этого потребны ведьмина мазь, ивовый пук и полнолуние. Сделать мазь и связать прутья можно довольно быстро. А вот полнолуния придется подождать.

– Проклятие! – отвернулся от него Андрей и опять заметил в ночной мгле желтые прямоугольники затянутых пузырем окон. Князь вздохнул: – Я не хочу идти в усадьбу, волхв. Ты приютишь меня на ближайший месяц?

– Я готов принять тебя навечно, коли уж тебя не тянет к родному порогу, чадо мое. За оставшиеся годы ты переймешь все мои знания, постигнешь тайну вечной жизни, а когда погибнет Русь и я уйду в царство жестокосердной Мары, ты займешь мое место, чтобы творить привороты девицам, заговаривать зубы малышам, снимать проклятия с мужей и рассказывать детям о том, как красиво и богато когда-то жил на этой земле русский народ. Пойдем, чадо. Произноси заговор на кошачий глаз и пойдем.

В пещере Лютобор вновь уступил свое место в ароматной лиственной постели юному ученику. Сам же он остался толочь корень ревеня, который, замешанный в медовые шарики, прекрасно помогает при малокровии и чахотке.

Испытанные накануне переживания не лишили молодого человека сна. Он пробудился, когда солнце поднялось уже довольно высоко, напоил лошадей, тщательно вычистил их скребком, расчесал гривы. Простая работа успокаивала, отвлекала от грустных мыслей про умирающих детей и государей, про нависшую над святой землею черную тучу. Как там гласит древняя китайская молитва? «Боги, одарите меня силой, чтобы изменить то, что я хочу изменить, одарите меня терпением, чтобы снести то, чего я изменить не в силах, и одарите меня мудростью, чтобы отличить одно от другого». Зверев смирился. Похоже, общение с ученым старцем все же привило ему чуточку разумности.

Отправив скакунов пастись, он вернулся к чародею, и они вместе пообедали томленными в сметане, почти бескостными золотыми карасиками, запив их ржаным пенистым квасом. Однако не успел еще опустеть скромный стол пещерного отшельника, как черный ворон, сонно нахохлившийся наверху, на краю похожей на ласточкино гнездо норы, вдруг раздраженно каркнул, свалился вниз, но напротив входа расправил крылья – и скользнул в щель над закрывающими вход пологам. Лютобор, не переставая прихлебывать из кружки темно-коричневый напиток, закрыл глаза, фыркнул:

– Опять гость незванный, незнакомый появился. В бронекованой, с оружием странным, неведомым. На берегу Удрая стоит, сюда смотрит. Одвуконь. Сейчас реку переходить станет.

– С оружием? – Андрей поднялся, нашел взглядом ремень с саблей и ножами, быстро опоясался, проверил, на месте ли кистень. – Коли с оружием – значит, моя очередь пришла умением хвастаться. Давно я что-то голов глупых не рубил. Скоро вернусь.

Коли умеючи, то скакуна оседлать всего минут пять нужно: узду в зубы, потник ровно расстелить, седло накинуть да подпруги затянуть. Застоявшаяся кобылка сама перешла на рысь и вскоре вынесла всадника на тропинку за шиповником.

Князь натянул поводья:

– Пахом? Ты-то тут откуда?

– Ты сказывал, княже, без брони и бердыша нам из дома более выходить нельзя. Так я привез, – кивнул на заводную лошадку холоп. Там, прицепленный за ремень к луке седла, покачивался полутораметровый стальной полумесяц. Прочее добро, видимо, покоилось в сумках.

– Откуда узнал, что я здесь?

– Догадался, Андрей Васильевич. Мне ли не знать? С колыбельки ты на руках моих. Каждое слово твое, каждый шаг твой до сего дня я видел, слышал, помню. Куда еще ты ринуться после горя такого мог? Кто в монастырь от мирских

сует запирается, кто вином боль до темноты в глазах заливает, кто в сечах смерти ищет. Сечи для тебя ныне нет, вину душу продать ты не можешь, не так глуп. Молитвы Божьи тебя последние годы не греют. А вот чары колдовские излишне любы, про то лучше всех ведаю. Так где же мне тебя еще искать, сынок? Сгинул, как ветром буйным сдуло, ни словом никому не обмолвился. Эх, княже! Разве так можно?

– Какие вы все умные-разумные, – отвернул от него лицо Андрей. – Скажи, у тебя дети есть, Пахом? Что бы ты сделал, кабы твой ребенок по чужой дурости погиб?

– Ты для меня заместо сына, Андрей Васильевич. Кабы ты лег, встал бы я над телом твоим и бился, пока самого бы не зарубили. Ушел бы ты в келью – и я бы от мира отрешился. Но ты, вижу, чародейством погубить себя замыслил. Так я пришел, княже. Пусть моя душа рядом с твоей в гиену огненную уйдет бесам на потеху. Руки на себя наложишь – значит, и я рядом висеть стану.

– Мое мнение тебя, видимо, не интересует?

– Обидеть желаешь, князь? За свою боль весь мир наказать? Меня, смердов безвинных, отца с матерью? В родной край приехал, а к ним даже не завернул, княже. Ладно, баба неопытная дурой оказалась – но их-то в чем вина? Ты тоже сын, княже, и любят тебя не менее, нежели ты свое чадо боготворил. Почему же не поклонился им, не показался, слова доброго не сказал? Они ведь тебя не заспали. А про внука и узнать не успели вовсе.

– Как же, не знают. Неужто Полина отписать дядюшке своему не успела? Наверняка отписала. А он, конечно, и деда с бабушкой порадовал.

– Понятно, – кивнул Пахом. – Стало быть, ты их разом и внука, и сына задумал лишить? Так, княже? Рядом ведь имение, час ходу. Отчего же тебе матушку в тяжкий час не обнять, с отцом за стол рядом не сесть, не помолчать по-мужски? Тебе больно – но ты других-то пожалей. Поехали со мной, Андрей Васильевич. Родному порогу поклонись-ся, родителей обнимешь, в светелке детской ночь проведешь. Утро вечера мудренее. Утром о судьбе своей заново подумаешь. Сегодня же отцу с матерью радость малую подари. Тебе плохо, но ты все равно подари. Не оскудеет рука дающего, княже.

Ворон, примостившийся на ветке, каркнул, переступил с лапы на лапу, поднял крыло, пару раз что-то там клюнул. Потом тяжело вспорхнул и полетел над тропой к Большому Удраю.

– Это колдун, да? – свистящим шепотом спросил дядька.

– Почти, – кивнул Зверев. – Дорогу случайному путнику показывает. Тебе то есть. А я... Мне, пожалуй, заводных коней забрать нужно. Чего им тут торчать? В усадьбе пригодятся.

Гости, как и положено, подъезжали к воротам медленно, чтобы не застать хозяев врасплох – но первым, кого увидел на крыльце Зверев, был маленький Илья, одетый в крохотную рубашонку, сапожки, черные шаровары и опоясанный ремнем – пусть пока и без оружия. Его держала на руках дворовая девка и помогала махать ладошкой:

– А кто это к нам приехал? Братик это старший к нам приехал, князь Андрей.

– Сынок, дорогой ты мой! – Боярин Лисьин встретил гостя прямо у ворот, похлопал по плечам, отступил. – Возмужал. Клянусь святым Георгием, возмужал! Не узнать. Настоящий князь!

Зверев улыбался, но никак не мог оторвать взгляд от мальчишки, улыбающегося в нянькиных руках. Мать осторожно сошла со ступеней, припала к его груди:

– Родный мой! Что же не пишешь, вестей никаких не переедаешь? А у меня недавно сердце заныло вдруг. О тебе сразу вспомнила. А ты – вот он, приехал. Радость какая!

– Оленька моя опять на сносях, – гордо сообщил Василий Ярославович. – К Рождеству, может статься, еще братик у тебя появится. Оглянуться не успеешь, под рукой твоей братья младшие дружину боярскую в сечу поведут, бок о бок за землю стоять будете, стеною. Да что же я, оголодал ведь

с дороги? А я тебя тут держу... Степан, ты где там ходишь? Опять спишь? Баню беги топи. Перекусить с дороги князь да попариться пожелает, пыль верстовую смыть.

Никаких поздравлений с первенцем, никаких намеков. Не знали родители про то, что ненадолго бабушкой и дедом стали. Совсем не подозревали.

– Испей с дороги сбитеня горячего, – подошла бабка Ефрасинья, прячущая седые волосы под цветастым ситцевым платком, протянула корец и добавила: – Наконец-то заехали.

Андрей пригубил пряного напитка, передал его Пахому и, поддавшись внезапному порыву, снова крепко обнял мать.

«Сколько же ей лет? – подумалось ему. – Если так же, как Полину, выдавали да сразу первенца родила... Скажем, в шестнадцать... То сейчас ей шестнадцать плюс его девятнадцать – тридцать пять. А через тридцать будет шестьдесят пять. Не так уж и много. До уничтожения Руси доживет. Дольше – нет. Поляки сюда придут, османы, а престарелые рабы не нужны никому. Зарежут, чтобы не мешалась, и все...».

В трапезной отец продолжал рассказывать о своих планах, не забывая подливать в кубок вина себе и сыну, подкладывать ему на и без того полную тарелку куски тушеной убоины, щуки на пару, вареных раков. Мать просто смотрела на него, ничего не говоря и ни к чему не прикасаясь. Пахом же, тоже потерявший аппетит, сидя за столом смотрел куда-то

себе между колен и рассеянно крутил за ножку оловянный кубок.

– За Дубовым бором пал наемдни случился, – откинувшись на спинку кресла, продолжал рассказывать боярин. – Помнишь, позапрошлой зимой медведя там зимой брали? Так я на опустевшие земли трех страдников посадил, а рядом с выселками велел церковь срубить. Монахи священника пришлют. Не своего, не из обители послушника, но обещались. Мыслью, вокруг храма деревня вырастет. Потянутся смерды. Место там хорошее, ровное, озерцо. Токмо распахивай. Мансура помнишь? Тоже на старости лет на землю попросился. Вдову из Лук Великих себе привез. Глядишь, скоро малыши появятся. О службе ратной им расскажет – и они в холопы попросятся, в чистом поле сабелькой играть...

«Через тридцать лет церковь сожгут. Османы, ляхи – все равно. Вера христианская и тем, и этим ненавистна, – щелкнуло в голове Зверева. – Мансур не доживет, не молод, а сыновья его за Русь животы положат. Но напрасно...»

Раньше он не осознавал с такой ясностью, что поместье бояр Лисьиных после победы Османской империи полностью попадет под турецкую пяду. И законы тут будут совсем, совсем другие...

– ...Богатая деревня будет. И десяти лет не пройдет, дворов до двадцати расширится, – продолжал хвастаться Василий Ярославович. – Будет кому братьев твоих прокормить да для похода снарядить. Я ведь еще три деревни заложил...

«Братьям будет по тридцать. Взрослые витязи. Будут биться, сложат буйны головы. На север не побегут, не тот корень в боярах Лисьиных, чтобы от врага убегать. А вот жены их полной долей рабской доли хлебнут. К тридцати наверняка дети появятся. Значит, и малышам невольничий ошейник уготован. Покорность, голод, унижение...».

– Кстати, Варю помнишь, бортника Трощенка дочку?

В сердце князя коротко кольнуло давнишним чувством – но полыхнуть ничего не полыхнуло. Слишком давно это было, слишком много чего случилось с той поры.

«Молоденькая совсем. Доживет. Но не более – не оставят».

– Так она тоже сына о прошлом годе родила. Замужем ныне за Терентием, что Мошкарином прозвали. Ну что рыбу все время ловил. Я его еще при вершах поставил. Больно ловок с рыбным промыслом. Так я им на большом озере, еще дальше за Дубовым бором, надел отрезал. Подъемные дал хорошие, от оброка на три года освободил да в Луки на торг дозволил ездить. Он уже сейчас приподнялся изрядно. Скоро, может статься, и сам работников набирать начнет. Доволен изрядно. И Варвара, по виду, тоже. Второго ждет.

Намек боярина он понял. Варенька вроде от барчука понесла, и отец сделал так, чтобы и у нее жизнь стала безбедной, и ребенок рос не в нужде. Горевать про подаренные Андрею ласки не станет. Но Зверев сейчас понимал услышанное совсем иначе и ничего хорошего из этого понимания в

его душе не появлялось.

Люди, люди, люди... Знакомые и не очень, близкие и далекие. Как бы ему ни хотелось – но он не мог спасти всех. Да и кабы мог – что: разорять, срывать с места, тащить в свое княжество? Как объяснить такую блажь, как сделать это, не вызвав ненависти? Кто поверит в кошмар, грядущий через тридцать лет? Да и сможет ли он дать защиту им там, в своем уделе? Новгород ведь достанется схизматикам, а Сакульское княжество – данник новгородский.

– Ныне, милостью Господа, так удачно складывается все, – перекрестился боярин, – что помыслили мы с Оленькой о будущем своем покойном. Ты, видим, на ноги встал твердо, братьям твоим имение оставляем не пустынное, без долгов и тяжб на коште хозяйском. Вот и помыслили: что, если достать нам схрон дедовский? Оснуем именем своим обитель монашескую, скит малый в честь Василия Глубокореченского и святой Ольги Первозкрестительницы. У тракта Пуповского, аккурат у поворота к усадьбе нашей. Пока стены поднимутся, и братья твои подрастут. А как возмужают дети, лет через двадцать, вам нажитое передадим, а сами на покой удалимся, года в молитве доживать, в Божьем призрении⁹. Вы, мыслим, скит наш без внимания и помощи не оставите, милость на пропитание просить не заставите. И нашим душам спасение, и вам брюзжанием старческим тяготиться

---

⁹ Вплоть до середины XVI века смешанные монастыри (мужские и женские одновременно) были обычным делом.

не придется. А буде внимание достойное от рода князей Сакульских и бояр Лисьиных, так и окрепнет обитель, сохранит в веках имена Василия и Ольги и корня нашего. За то нам с женой и после кончины...

– Пахом, седлай! – не выдержав, грохнул кулаком по столу Зверев. – Плевать на мудрость, седлай жеребцов самых быстрых, немедля!

Дядька подпрыгнул на месте, захлопал глазами.

– Ты чего, сынок? – не меньше холопа растерялся боярин. – Только приехали, часа не прошло.

– Мне сегодня вечером в Москве быть нужно, – поднялся из-за стола Андрей. – Любой ценой. В Новгороде неладно.

– Но до Москвы... – развел руками Василий Лисьин. – Смеркаться часа через четыре начнет... Невозможно...

– Плевать! – отрезал Зверев и оттолкнул скамью. – Кабы мы, отец, делали только то, что можем – от Руси давно и памяти бы не осталось. Делать нужно больше, чем способен. Тогда и жить не стыдно.

Пахом наконец-то усвоил приказ, кивнул, опрокинул в горло кубок и кинулся к двери.

– Триста верст... – покачал головой боярин.

– Надо! – твердо повторил князь, торопливо зажевал еще кусок мяса и быстрым шагом направился вслед за дядькой.

– Андрей, постой! – Василий Ярославович тоже поднялся. – Мать, ну чего смотришь? Пирогов, убоины, рыбку в дорогу собери, быстрее. Голодные ведь понесутся, знаю я его.

Эх, где мои годы молодые? Замки на одних шестах брали. Иди, сынок, иди. Ты успеешь.

Снова боярин догнал их во дворе, когда Пахом уже перекинул через холку своего коня сумку с припасами, поднялся в стремя. Андрей поцеловал боярыню Ольгу Юрьевну, пальцем стер выкатившуюся на щеку женщины слезу.

– Не последний раз видимся, мама.

– Вот, держи, – поймал Зверева за руку Василий Ярославович, сунул кошель. – Почтовых возьми. Все быстрее. Ну, с Богом...

Боярин перекрестил сына и отступил. Зверев привычно взметнулся в седло и дал скакуну шпоры.

Чудо. Их могло спасти лишь чудо, и Андрей верил в него всей душой. Бог, если он есть, не мог отдать Россию в лапы завоевателей, не мог допустить крови и разрушений на древней святой земле. Но чуда не случилось. Когда всадники миновали еще только Великие Луки, на дорогу опустились холодные осенние сумерки, а почти загнанные кони начали то и дело сбиваться на шаг. Их можно было пришпорить, загнать до смерти – но Зверев понимал, что простой скачкой дела не решить. У лошадей нет крыльев, домчать его до Кремля они к рассвету не смогут. Он должен был найти другой способ попасть туда, к юному царю и предупредить об опасности.

Князь Сакульский свернул с тракта на залитую лунным светом поляну, спрыгнул с седла, пошел по влажной от росы

траве, потирая виски.

– Пятьсот километров, пятьсот километров... Триста верст... Проклятие! Пять минут по баллистической кривой! Как же мне одолеть эти чертовы версты до московского расвета? – Он остановился у белой, будто светящейся в сумерках, березки и несколько раз стукнулся о нее лбом.

– Ты чего, княже? – испугался Пахом.

– Отвяжись!! Я думаю, дядька, думаю! Ты лучше вон коней расседлай и костер разведи. Ночевать нам тут придется, неужто непонятно?

Холоп отступил, занялся делом, а Зверев закружил по поляне, тихо и непотребно ругаясь. Идеи, как обернуться до столицы, у него были – но еще более бредовые, нежели просто гнать коней, пока не рухнут. Докричаться до Москвы из прилукского леса он тоже не мог. Значит...

– Стоп! – замер ученик чародея. – А собственно, почему не могу? Могу. Вопрос, кого окликать? И услышат ли, поймут?

– Что сказываешь, Андрей Васильевич?

– Ничего, это я не тебе, – отмахнулся Зверев. – Четыре самых близких царских сподвижника перекинулись к заговорщикам. Только кто? Поди, угадай. С другой стороны, кроме Ивана Кошкина, при дворе все едино никого не знаю. Попался он в сети Белурга или устоял? Вот вопрос, разорви меня лягушки. Если Кошкин предал, кричать нужно царю. Если нет – лучше Кошкину. Он в Разбойном приказе дьяк, за

безопасность во дворце отвечает.

– Что сказываешь, Андрей Васильевич? – опять отозвался холоп.

– Государь наш, говорю, мальчишка еще, девятнадцать лет от роду. Идеалист, на одних книжках вырос. Его хоть и предупреди – что сделает? Ну пост сам себе объявит, молиться за избавление от опасности начнет. Так отравить и просфору, и хлеб, и воду простую могут. Совсем без еды он тоже жить не станет, чем-то питаться надо. Сон – это сон, жизнь – это жизнь. Из-за сна никто морить себя сухой голодовкой не будет. Вот Кошкин – другое дело. Из черни выбрался, в любой миг назад скатиться может. Он, Пахом, что цепной пес. Ему только команду «Фас!» подай – вмиг любого разорвет. Возможных отравителей перешерстит, еду проверит, заговорщиков на дыбу вздернет. Если только к новгородцам не перекинулся... Но тут ничего не поделаешь, придется рискнуть. Ты мне постелил?

– Откушал бы перед сном, княже. Дома, я видел, и не ел ты вовсе.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь спать? Орать я собираюсь, друже. И орать так громко, что ты и представить себе не можешь.

– Воля твоя, Андрей Васильевич, – отвернулся холоп. – А я поем. Мне уши заткнуть али как?

– Али как, – вытянулся на потнике возле костра Зверев. – Тебе этого крика все равно не услышать...

Фактический глава братчины «худородных» Иван Кошкин после спасения царя от покушения и венчания Иоанна на царство сделался дьяком Разбойного приказа. Сиречь – его руководителем. Сколько его помнил Зверев – боярин постоянно пиршествовал с друзьями до утра, а потом, окатившись ледяной водой, отправлялся на службу. Но то – при Андрее, при прочих братьях по пиву¹⁰. В первые месяцы бояре Шуйские, сторонники Старицких, буйные новгородцы, вполне могли попытаться силой убрать юного и никому из них не угодного государя, а потому полсотни вооруженных бояр, да еще с преданными холопами, Кошкину нужны были под рукой. Однако трон устоял, бояре – кто нехотя, кто с радостью – принесли клятву верности, московские полки признали новую власть, и насущная потребность в преданных сторонниках отпала. Опять же – пить каждый день без сна невозможно, тут никакого здоровья не хватит. Да и у бояр из братчины – у каждого свои дела, свои имения, поместья, государева служба по охране рубежей. Торчать в Москве вечно он не могут. Братчина обычно собиралась зимой, ближе к Рождеству, когда Юрьев день знаменовал окончание полевых работ и расчетов между крестьянами и помещиками, когда появлялось время отдохнуть, получить в казне жалованье за службу, продать в столице часть урожая или ино-

---

¹⁰ *Братчины* – боярские объединения, основанные на личной дружбе; изначально организовывались для совместного варения и употребления пива. Юридически признавались самостоятельными организациями и вплоть до XVIII века внутренние разногласия братчин даже не подлежали общему судопроизводству.

го своего товара, а заодно – встретиться с друзьями, поговорить, сварить пивка, напиться тесной компанией до поросячьего визга, а через недельку-другую, с больной головой и хорошим настроением, отправиться восвояси, к прежним каждодневным хлопотам, к службе и весенним полевым работам. Сейчас – конец августа, самая страда на полях. Так что ни о какой братчине, ни о каком веселом разгуле речи быть не может. И сейчас, в темной полуночи, дьяк Разбойного приказа наверняка поживает после плотного ужина и фляги испанского вина, утонув в теплой мягкой перине.

– Хотя это нетрудно проверить, – пробормотал ученик мудрого волхва, закрывая глаза.

Отогнав посторонние мысли, он во всех подробностях восстановил в памяти облик боярина Кошкина: краснолицего, пышнотелого, со шрамом через левую щеку и холодным в последние годы взглядом, с реденькой короткой бородой. Вспомнил пульсирующую жилку на виске, под войлочной, стеганной золотом тафьей, вытертые в уголках глаз ресницы, холодные тонкие пальцы, столь странные при общей упитанности; вспомнил голос, неуверенную улыбку при разговорах о племяннице, столь неожиданно ставшей царицей – вспомнил все, каждую мелочь и вскоре уже представлял боярина перед собой столь же ясно и вещественно, как если бы увидел воочию. Но интересовала Зверева не личность отцовского друга, а серебристый туман, плотное облако, что растекалось вокруг него.

«Если не спит – войти не получится», – вспомнил он и решительно двинулся в колышущиеся клубы. Разумеется, мысленно.

Туман принял его, обнял, раскрыл свою бесконечность, и Андрей оказался в храме. В обширной бревенчатой церкви размером со стадион. С куполов струился золотой свет, на образах шевелились живые лица, свечи с многочисленных подставок сияли ярко, словно излучали солнечный свет. Кошкин был здесь – сидел в окружении нескольких татарских ханов, одетых в одинаковые атласные халаты, на головах красовались округлые матерчатые шапочки с шелковым валиком по краю и золотым крестиком на макушке. Боярин восседал в центре, на толстом, как барабан, персидском ковре, попивал из пиалки белый кумыс, а перед ним танцевала совершенно обнаженная, прекрасно сложенная девушка, заросшая с ног до головы гладкой короткой шерстью, с кошачьей головой и птичьими лапами вместо ступней.

«Так вот какие грезы тебя занимают, верный пес государев», – усмехнулся Зверев и, взмахнув руками, одним решительным усилием воли снес все эти прелести и пустил вместо них черные гроззовые клубы.

– Знаешь ли ты, несчастный, что государя Иоанна поутру тати злые убить намерены! – как можно грознее взревел князь, пытаясь придать себе облик старца в белой тоге и с нимбом над головой. – Отравят его на рассвете, пока ты, бездельник, бока отлеживаешь!

Андрей сжал кулаки, пару раз сверкнул молниями, оглушительно гроыхнул и повторил:

– Иоанна, помазанника Божьего, колдуны злые ядом извести утром желают, а ты спасти его даже и не пытаешься, пес позорный! Немедля во дворец беги заговорщиков искать! Ну!!! – Он резко наклонился вперед, расширяя свой лик до невероятных размеров.

И вдруг его словно резануло по голове – как десяток когтистых кошачьих лап по коже проскребся. Боярин Кошкин исчез, как и все сотворенное волей и мыслями Зверева представление.

– Проснулся, – понял князь, переводя дух. – Отлично. Значит, проняло.

Он поднялся с потника, сладко потянулся. Тревога наконец-то оставила его душу – Андрей знал, что успел. Утро еще даже не намечалось, а он уже докричался до первопрестольной. Он свое дело сделал: предупредил.

– Часочек выжду, чтобы боярин снова заснул покрепче, да еще раз к нему в мозги постучусь. Чтобы уж точно запомнил, о чем вещий сон ему говорил. Эй, Пахом, ты спишь? Ну спи, спи. Только ты это... Того... Ты извини, что накричал на тебя тут ввечеру. Уж больно некстати ты меня отвлекал.

– Ничего, княже, я обиды не держу. В гневе ты мне куда милее, нежели таковой, каким на болоте появился. Вроде и живой, а взгляд мертвый совсем. Ровно русалка, а не человек.

– Так ты не спишь, дядька? – обрадовался Зверев. – Тогда корми. Чего-то оголодал я за время скачки. Брюхо к позвоночнику прилипло. И меду бы хмельного хорошо, горло промочить.

Подкрепившись, князь снова вытянулся на подстилке, накрывшись овчинным пологом, вызвал образ Ивана Кошкина, пробрался в его сновидения. В этот раз дьяку мерещилась какая-то нескладная чертовщина: лошади с разрубленными головами, бегающие по стенам мыши с золотыми монетами в зубах, медноголовый чурбан, бродящий по мощенным деревянными плашками улицам, голые теткли, прячущиеся по кустам, трактирный разносчик в зеленой рубахе, на голове которого вместо волос росли кудрявые ивовые прутья, курица, сидящая на крупных коричневых яйцах. Курица и яйца выглядели нормально, без извращений. Андрей опять смахнул всю эту чепуху и обрушил на боярина грозное предупреждение об утреннем цареубийстве: про яд за завтраком, про измену ближних государевых приспешников. И снова: про яд, про яд, про яд. Кошкин выдержал минут пятнадцать и исчез – опять проснулся. Зверев же, наоборот, задремал. Да так крепко, что Пахом смог растолкать его, лишь когда солнце почти добралось до зенита.

– Кони оседланы, Андрей Васильевич, сумки собраны. Торопиться будем али покушать желаешь не спеша?

– Торопиться!

Князь Сакульский резко поднялся, потянулся. Услышав

легкое журчание, он спустился к узенькому, в три ладони шириной, ручейку, что струился по краю поляны, ополоснул лицо. Когда же вернулся, его постель уже исчезла в одном из тюков, что украшали крупы скакунов. Зверев поднялся в седло, и всадники с места перешли в галоп.

Первый от Великих Лук ям стоял на Пуповском шляхе в пятнадцати верстах от города. Ямская почта существовала на Руси с незапамятных времен¹¹, уходя корнями куда-то в сказочную древность. И все эти века оставалась невероятно дорогим удовольствием. Две копейки – верста, шесть рублей – от Лук до Москвы. За шесть рублей в базарный день можно добротный дом со двором и скотиной купить, или пять крепких лошадей, или полтора десятка дойных коров. А тут – одна поездка. Вдвоем – уже двенадцать рублей, сущее разорение. Но в этот раз князь решил серебра не жалеть и разом опустошил отцовский кошель почти вдвое, купив подорожную грамоту. И дальше – галоп, галоп, галоп. Если заводные скакуны отдыхают на ходу, продолжая скакать без ноши – а значит, все равно не способны бежать долго, – то на перекладных задумываться об усталости коней не приходится. Час стремительной скачки во весь опор, на яме бросаешь взмыленного скакуна подворнику, запрыгиваешь на свежего и снова – во весь опор. Короткая остановка на очередном яме – опять стремительная скачка полный час, смена лошадей – и снова гонка. Пока сам не свалишься – можешь гнать, гнать

---

¹¹ Достоверно – с IX века.

и гнать. Не самолет, конечно, но средняя скорость получалась около двадцати, двадцати пяти километров в час. Пять часов – сто километров. Световой день – триста. Или двести, коли позволишь себе пару раз сытно поесть, остановиться на ночлег не в полном мраке и подняться с рассветом, а не заранее. Андрей позволил: ему хотелось прибыть в Москву нормальным человеком, а не гонцом, что падает у ног господина, передав тому заветную грамоту. Посему и к воротам Москвы добрались они только вечером третьего дня.

– Как здоровье государя нашего? – тут же ошарашил вопросом караульного Зверев. – Бодр ли, в Кремле ныне, али в предместьях отдыхает?

– Бог милостив, – перекрестился привратник, – тревожных слухов давно не бродило.

– Долгие лета царю Иоанну Васильевичу! – довольно рассмеялся князь Сакульский и отпустил поводья.

– Воистину... – задумчиво перекрестился ему вслед служивый.

Боярина Кошкина князь в первый миг даже не узнал. Увидел кавалькаду, мчащуюся от храма Успения, одинокий купол которого зловеще алел в предзакатных лучах, чуть поосторонился с центра дороги. Шестеро холопов в раздувшихся от встречного ветра шелковых рубахах и подбитых горностаем шапках; потники шиты по нижнему краю драгоценной парчой, сапоги сафьяновые, уздечки с бубенцами и «шелухой» – шелестящими друг о друга пластинами. Издалека

видно: свита богатого да знатного человека скачет – не купчишка, не замухрышка безродный из дальней провинции в столице появился. Однако широкоплечий, в бобровой шапке и московской собольей шубе, от плеч до подола усыпанной самоцветами, царедворец неожиданно натянул поводья статного туркестанского скакуна, спрыгнул, шагнул в сторону Зверева:

– Андрюша, Лисьин! Как ты в Москве, откуда, почему не знаю? Куда едешь?

– Боярин Кошкин? Господи помилуй, да тебя и не узнать, Иван Юрьевич! Ты, часом, ныне не князь? – Запоздало сообразив, с кем встретился, Андрей тоже спешился, обнялся с собратом по пиву: – Куда же еще члену братчины ехать, как не к тебе на двор? Я всего минут пять как ворота Польские миновал.

– А я исповедался после службы царской, – перекрестился дьяк, – перед сном, дабы с чистой совестью ночь встретить. Эх, княже! – Он снова крепко обнял сына своего старинного друга, после чего поднялся в стремя: – Ну коли так, давай поторопимся. С полудня крошки хлебной во рту не бывало. Поднимем чарку, Андрей Васильевич, да словом добрым перемолвимся.

Холопы с веселым гиканьем опять понеслись вперед, распугивая прохожих и всадников, вынуждая их прижиматься к заборам, загоняя на перекрестках поздние возки и телеги обратно в проулки. Боярин с князем скакали следом, саже-

нях в десяти, посередь улицы, ни о чем особо не беспокоясь. Для них улица была безлюдна и совершенно свободна.

За третьим поворотом открылась мощеная, чисто вымытая – без обычных даже для русских городов конских катышей и коровьих лепешек – улица. По правую руку от самого угла шел новенький тын из полуохватных бревен, ворота висели на длинных железных полосах, часто пробитых медными клепками. Поверх, как в архиепископских и церковных подворьях, возвышались крытые резной деревянной чешуей луковки с образами пока неизвестных Звереву святых. Двор Кошкина уже никак не походил на недавний «приют художников», как окрестил его всего два лета назад Федор Друцкий. Не всякий князь мог похвастаться подобными воротами. А уж про бояр – лучше и не заикаться.

Когда внутри Андрей увидел деревянную мостовую и побеленные хлева и конюшни – он уже особо и не удивился. Красиво жить не запретишь, и родившийся в нищете – относительной, конечно – Иван Юрьевич явно отрывался по полной программе. Просто уму непостижимо: неужели у дьяка царского такое огромное жалованье? Тут не гривнами и кошельками расходы измерялись, тут серебро в пудах отвешивать пришлось.

– Идем, идем, – бросив поводья подворникам, повлек за собой гостя боярин Кошкин. Андрей подумал было, что хозяин и впрямь очень сильно оголодал, но дьяк, едва они оказались наедине за стенами дома, горячо признался: – Я сон

вещий видел, княже. Воистину вещий, вот те крест!

– Правда?

– Еще какой! – уже никуда не торопясь, начал повествовать Иван Юрьевич. – Третьего дня явился ко мне среди ночи Илья Пророк. Разверз небеса и поведал грозно, что супротив государя злой умысел сотворен и его извести душегубы ядом намерены. На тебя, кстати, похож был чем-то святой. Ну я проснулся, помолился о государе нашем, подумал: «Приснится же ужас такой!» А опосля тебя вспомнил. Тебе ведь, когда мы первый раз с побратимами убийцев перехватили, к государю посланных, – тебе ведь тогда это тоже во сне намедни привиделось?

– Да, – подтвердил Зверев свою давнишнюю легенду.

– От и я подумал: «А вдруг вещий сон-то?». А ну и впрямь извести Иоанна Васильевича кто-то желает? Поднял я тогда дворню всю свою, велел снедь всяческую готовить. А перед рассветом в Кремль примчался, во дворец царский. Государю велел подать то, что с собой привезено, а что стряпухами и поварами тамошними сготовлено, велел им же и съесть. Они все сожрали безропотно, без страха – ни один не отказался. Я тогда, помнится, посмеялся над домыслами своими. Ну мало ли чего причудится человеку? Однако дело свое до конца довести решил и повелел всех слуг, что при кухне состоят, в избу разбойную доставить для дознания. Ну постращал их дыбой и кнутом катовским, щипцы раскаленные поднос совал, молотком стучал рядом с пальцами. Велел отве-

чать, не приступал ли кто к ним с посулами злыми, не лезли ли на кухню люди неведомые, не подсыпал ли кто в пряности зелья непонятного.

– И? – остановился Андрей.

– Ничего, – развел руками дьяк. – Все божились, что безгрешны руками и помыслами и за другими ничего недоброго не замечали.

– Значит, сон-то был не вещий?

– Вещий, – опять пошел вперед боярин. – Поутру из полусотни кухарок половина представилась. Ежели точно – три мужика и двадцать шесть баб. Отравлена была еда-то, получается. Да так, чтобы не сразу сразить Иоанна Васильевича, от отравителя подозрение отвести. Мало ли чего он за день откушать бы еще успел.

– Так кто был предателем подосланным?

– В могиле он уже лежит. Без отпевания. Ибо руки на себя наложил, разоблачения убоявшись.

– Короче, ты его упустил, – подвел итог князь. – Ты не голову гидре срубил, ты одно из щупалец оттяпал. А их у твари тысячи, может статься, имеются. И пока до головы не доберемся, любое из них шип отравленный может всадить. Как добраться до хозяина, коли исполнителей убивать, Иван Юрьевич?

– Ты меня, друже, ремеслу не учи, – сурово отрезал дьяк. – Я об том и без тебя понимаю. Да как же его среди полусотни враз угадаешь? Вот отказался бы есть – тогда да. Главное –

государя уберечь удалось. Гидру же твою словим, дай только срок.

– И как государь наш? Как чувствует себя, чем занимается? Здоров ли?

– Здоров, княже, не беспокойся, – махнув рукой, горестно вздохнул боярин.

– Чего так тяжело? – рассмеялся Зверев. – Здоров – значит, все хорошо.

– К делам государственный отрок сей никак приобщаться не желает. Поначалу, как с племянницей моей повенчался, все стихи писал, музыку для нее сочинял, службы церковные¹². Опосля чуток успокоился в страсти своей и в письмах плачевных, жалобах весь зарылся. Каждый извет разбирает, ровно приказчик поместный, а дела стоят. В Польше вон Сигизмунд старый душу дьяволу в когти отдал. Молодой же, новый король, Август – дурак и бабник, ни о чем не думает, токмо подолы девкам по дворцу задирает. Вот сейчас бы и ударить по ней, по Польше-то... А может, и не стоит. Не тронь говно, оно и не воняет. На рубежах закатных спокойно стало, пусть люди от войн и черной нечисти отдохнут, детей подрастят, хлеба наедятся вдосталь. Так ведь и в Дании смута, и в неметчине. У нас же сила в кулаке. Отчего бы не встряхнуть схизматиков за шиворот хорошенько, не научить слову Божьему?

---

¹² И неплохо сочинял. Его музыка и текст службы праздника Владимирской Богоматери, канон Архангелу Михаилу исполняются по сей день.

– Они и сами, Иван Юрьевич, так друг друга истинной вере учат, что уж половину народа по Европе вырезали.

– Какая на темном закате вера может быть, князь Андрей? Они же ведь все схизматики, а пуще прочего и новую ересь удумать успели.

– Вера у них проста, боярин. Новые еретики учат, что тот, у кого золота больше, тот Богу и угоден. Посему ради золота все дозволено. Ну а тех, кто слабее, резать и грабить сам Бог велел. Схизматики же примерно то же проповедуют, но токмо власть над душами не совсем Богу, а сперва папе римскому отдают. И резать слабых велят не просто так, а с молитвою.

– Маммоне, проклятой Исусом, стало быть, поклоняются? – испуганно перекрестился боярин Кошкин. – То ж грех страшный!

– Потому и схизматики, – напомнил князь, – что христианских заповедей не чтут. Зачем нам соваться в этот гадюшник? Их лет за пятнадцать османы всех вырежут и в ислам обратят. А мы там окажемся – нам с Высокой Портой раньше времени войну начинать придется.

– Да, османы напирают, – согласно кивнул дьяк. – Вену, мыслю, новым летом возьмут, а с нею и земли окрестные покорятся. Венгрия, Хорватия, Трансильвания уже, почитай, под Портой ходят. Венецию, мыслю, султан пока брать не станет. По вестям, что из Европы доходят, ныне у Порты с французским королем союз. Франция Италию воюет, осма-

нам же все Балканы по уговору отданы. Посему Священная империя под ударами такими со дня на день рухнет. Тут Порта всю неметчину себе и приберет. Польша и так у нее чуть не в вассалах ходит, посему года через два король французский с султаном один на один останется. Прав ты, смута в странах заката на сем окончится. Токмо так и не понял я, какова в поклонениях их разница? И схизматики, и еретики золотому тельцу поклоняются, что Моисеем еще в библейские времена порушен был.

– У индейцев спросить нужно, они на своей шкуре эту разницу испытали. В той части Америки, что протестантами осваивалась, поселенцы людей местных истребляли, словно рачительный хозяин тараканов. Под корень. А на юге, где католики колонизаторствовали, с туземцами о боге и совести говорить пытались, крестили даже многих. Посему изрядная часть населения все-таки уцелела.

– Что за Ямерика такая?

– Новые земли испанцы за морем открыли, не слыхал?

– А-а, были вести. И что, изрядные острова им встретились?

– Изрядные, – лаконично подтвердил Зверев.

Они с хозяином наконец-то добрались долгими переходами и коридорами до трапезной. Дворец был знакомым и незнакомым. Вроде как его не перестраивали – но помещений, похоже, стало больше, некоторые изменились в размерах, появились новые, покрытые изразцами, печи; стены бы-

ли оштукатурены и расписаны практически везде, даже в самом дальнем и темном углу, самом узком и забытом всеми коридоре. Трапезная тоже стала выше, появились два резных столба, поддерживающих свод, небольшие приступки у стен – видимо, заменяющие скамьи, окна из слюдяных превратились в витражные.

– Заждалась, Марьянка, – прихлопнул по заду грудастую девку хозяин, вытянул ладони над медным тазом.

Служанка полила руки из кувшина сперва ему, потом гостю, унесла грязную воду, а служивые люди уселись за уже накрытый стол. Иван Юрьевич побарабанил пальцами, ударил кулаком по столу:

– Эй, кто тут есть? Почему один кубок на столе? Не видел никто, с гостем я вернулся?!

Хлопнула дверь, через обширный пустой зал к столу промчался бородатый холоп, торопливо поклонился, стукнул о скатерть украшенным на боках рубинами и сапфирами золотым бокалом. Поклонился снова.

– Смотри у меня! – погрозил подворнику пальцем боярин. – Чем больше балую их, Андрей Васильевич, тем больше лентяят. Ну чего мнешься? Ступай, я сам налью.

– И не узнай дома твоего, Иван Юрьевич, – выразил Зверев свое восхищение хозяину. – Не иначе, наследство ты богатое получил?

– Откуда у меня наследству взяться, княже? – рассмеялся Кошкин, разливая по кубкам темно-красное, пахнущее виш-

ней вино. — Давно я уж всех предков перерос. Ныне от меня многие наследства ждут не дождутся. Давай, Андрей Васильевич, за здоровье!

— Чтоб кукушки сдохли, года наши считая, — поднял свой кубок князь Сакульский. — За здоровье, Иван Юрьевич! — Он отпил примерно половину кислинкой пощипывающего языка вина и осторожно вернулся к прежнему вопросу: — Откуда же достаток такой, боярин? Ужель государь дьяков своих в золоте купает?

— Государь? — громко хмыкнул хозяин. — Не, с казны я пока и полушки вытертой не получил. С места доход потихоньку капает. По уложению, сам знаешь, каженный боярин в круг с остальными на воеводство в срок садится. Дык бояр ведь много, ан воеводств мало. От многие, кто службой земской дела свои поправить желает, норовят кошель мне в карман сунуть, дабы имя его почаще в памяти у подьячих всплывало, дабы на место свободное ранее других попасть. Челобитчики всякие с грамотами и изветами навешиваются, хотят слезы свои до царя самого донести, изловчиться, чтобы ему в руки лично писулька попала. Я бы и так передал, я боярин совестливый. Так ведь суют, княже, все едино серебро суют. Не отказываться же? Тоже ведь человек обидится. Татары казанские часто наезжают. Эти вообще одаривают без счета: и жеребцами, и коврами, и серебром. И ведь не просят даже ничего взамен! Датчане, немцы, свены жаднее. Подарки суют, но при таком разе обязательно испросить чего-то

норовят. Кто – на приеме царском побывать, кто – о планах наших на закате разведать, кто к службе ратной пристроиться норовит. Так, чтобы в походах не париться, но серебро из казны, что ни год, получать. Отцам удел для сына важен, вдовы приданого от государя для дочерей хлопочут, белые купцы – продления льгот своих, черные – в белые желают, служивые – в купцы, да поместье за собой удержать норовят. Татары и ляхи под руку к Иоанну просятся, иные – руку его хотят в свою землю привлечь. Мордва и черемисы на татар жалятся, татары – на новгородцев, новгородцы – на свенов, свены – на Ганзу... С кем о чем ни перемолвишься – обязательно хоть гривна, а опосля остается. Скажешь, прошу чего с кого? И мысли не имею! Все едино несут.

– Подожди, – не понял Зверев. – А свены-то с ганзейцами тут при чем? Они ведь не наши людишки.

– Это да, но у нас уговор с Данией о торговле свободной. А Ганза торговле сей препятствия чинит, и новгородцы наши по старой памяти им помогают. Опять же ссоры вечные у рыбаков тамошних о промыслах тюленьих и рыбьих. Посему друг друга недолюбливают они. Иной раз драки на море Варяжском случаются, аж до смертоубийства доходит... Кабы до царя вести сии доходили, осерчать мог бы так, что и войне полыхнуть недолго.

– А почему не доходит?

– Так сказывал же. То стихи для царицы молодой писал, то жалобы самолично читает. Земля у нас, сам знаешь, об-

ширная, народу неслитано, жалоб много. Читать – не пере-
читать. До иного руки и не дойдут. Да ты кушай, княже, ку-
шай. Ох, совсем я тебе зубы заговорил... – Боярин выдер-
нул из перламутровых ножен кинжальчик с усыпанной жем-
чугами эмалевой рукоятью, задумчиво покрутил его в руках,
после чего решительно придвинул к себе блюдо с запечен-
ным молочным поросеночком. Ни блюд, ни тарелок, ни даже
ломтей хлеба¹³ для еды на столе не имелось, а потому Зверев
вытянул из замшевого чехольчика свою скромную серебря-
ную ложку и решительно нацелился ею в заливное из щечек
судака.

Слегка подкрепившись и опустошив на пару с гостем пер-
вый кувшин вина, дьяк решил возобновить разговор и, рас-
кинувшись в кресле, вальяжно спросил:

– Что за нужда привела тебя ныне в Москву, князь Ан-
дрей? Не могу ли чем помочь в хлопотах твоих?

– Вкусная рыбка, – похвалил заливное Зверев, оттягивая
время. Над «легендой», оправдывающей его столь спешный
визит в столицу, он как-то не подумал, а правду говорить не
хотел. Потом ведь придется объяснять, откуда и как он узнал
про заговор. – Угощение царскому столу впору.

– Так государь подмены и не заметил, – довольно улыб-

---

¹³ Куски хлеба на Руси использовали в качестве одноразовых тарелок: положил на хлеб мясо, рыбу или студень, покушал, а «тарелку» потом отдал собаке. При-
вычка же всегда ходить со своей ложкой (в степи – с миской), которая сейчас
вызывает улыбку, элементарно спасала людей от заражения инфекционными за-
болеваниями через плохо вымытую посуду.

нулся хозяин.

— Кстати, о государе, — нашелся Андрей. — Год тому назад он отцу моему двести рублей пожаловал на выкуп мой из татарского плена. А я, грешен, сам из него вырвался. Так что хотел я царя поблагодарить за милость его, а заодно узнать, нужно ли возвращать серебро в казну.

— Да ты, никак, обезумел, друже! — всплеснул руками дьяк. — Как можно в казну выбрасывать то, что уж к тебе в мощну попало?! Прости, конечно, Андрей Васильевич. Вырвалось.

— А коли спросит кто: каково мне в неволе басурманской было? Мне что, из-за этих двухсот монет позор на душу брать, врать да выкручиваться?

— Тоже верно, княже, — вскинув брови, согласился боярин Кошкин. — Ну да делу твоему помочь несложно. Завтра Иван Простой, в Успенском соборе торжественная литургия за воинов, живот свой за Русь на поле бранном отдавших. Государь туда с боярами думными проследует, а поперва в думной палате с ними встретится. Я тебя туда проведу, ты с благодарностью своей поклонись, опосля Иоанн Васильевич на службу отправится, а мы с тобой пообедать к боярину Катанину поедем. Вспоминал он тебя намерен, спросить о чем-то хотел. Вот и свидитесь... О Господи, пост же завтра! — спохватился Иван Юрьевич, перекрестился и принялся ловко разделявать пороссячью голову.

«Иван Простой, — порылся в памяти Зверев. — Кажет-

ся... Кажется, это одиннадцатое сентября. День поминовения павших воинов и он же – день, когда Саломия выпросила у Ирода голову Иоанна Крестителя. Нельзя есть ничего круглого, ничего напоминающего голову и брать в руки нож. Такой вот пост».

Почему-то сразу захотелось слопать большую бычью башку: оттяпать уши, ровно нарезать язык, вычерпать вареные мозги, зажевать шершавым носом. Но князь Сакульский сдержался и ограничил себя лишь целиком запеченными перепелками с хрустящими ребрышками. Закончил он ужин столь банальной, но давно не встречаемой им на застольях селедочкой, жирной и влажной, присыпанной колечками репчатого лука и чуть сдобренной анисовым маслом. К этому времени третий кувшин подходил к концу, и глаза хозяина, уставшего за день не меньше гостя, заметно осоловели.

– Нам ведь поутру во дворец, – вспомнил боярин. – Стало быть, надобно и поспать маненько. Эй, Осип! Ты это... Настюху сюда позови. Бо гостю моему самому тяжело искать будет.

Когда же в трапезную прибежала служанка лет двадцати, рыжая и конопатая, в платочке на волосах и легком сарафане, Кошкин распорядился:

– Светелка княжеская... Ну ты знаешь. Ты это, проводи гостя, посвети там ему. Проверь, чтобы все лепо там...

– Сделаю, батюшка боярин, – поклонилась холопка и взя-

ла со стола трехрожковый подсвечник.

Вслед за ней Зверев опять долго петлял по коридорам, все более убеждаясь в том, что сам поутру выбраться из этого лабиринта не сможет, потом по витой лестнице поднялся на третий этаж. Дверь в конце ступеней открывалась прямо в выставленную коврами комнату с двумя сундуками, небольшим столом, пюпитром, парой скамей и широкой постелью под балдахином.

Поставив подсвечник на стол, девка сложила покрывало и принялась старательно расправлять постель, взбивать подушки – не просто повернувшись к князю своими ягодицами, но еще и постоянно ими виляя. Андрей, не стерпев такого грубиянства, подошел ближе, крепко сжал руками выставленные округлости. Настя на это как-то совсем не отреагировала, продолжила заниматься своим делом, лишь замедлила немного движения. Зверев слегка приподнял подол сарафана, снизу вверх провел по ногам ладонями, а потом просто развернул холопку и опрокинул ее на спину. Служанка закинула голову и с готовностью отдалась княжеским ласкам.

* * *

В палате царского дворца, с золотыми цветами по красным стенам, украшенной гербами русских княжеств, Зверев неожиданно встретил немало знакомых. Многие его побратимы стояли здесь у дверей в белых с золотом кафтанах, в

золотых поясах с золотым же оружием. Но те находились на службе – не поболтаешь. Вскинул брови у дальней стены пронырливый барон Тюрго, почтительно склонил голову – но подходить не стал. А вот князь Воротынский шумно обрадовался Андрею. Отставив посох, обнял, посетовал:

– Что-то давно не видывал тебя, отважный отрок! Не зайдешь, боярин, не поклонись, доброго слова не скажешь. Али забыл, кто за тебя пред государем поручился? Нехорошо, боярин...

– Князь, Михайло Иванович, князь, – поправил думного боярина Андрей.

– Да ну? – чуть отодвинулся Воротынский. – Когда успел?

– На княгине Полине Сакульской год назад женился.

– А-а, ну так дело молодое, – хлопнул его по плечам Михаил Иванович. – Прощаю! Но завтра же, завтра у себя жду! Тут никаких оправданий знать не хочу!

– В отъезде я был, – наконец смог вставить оправдательное слово Зверев. – Не московский я служилый человек, наездами здесь...

– Ничего не хочу знать! – замотал головой Воротынский. – Завтра к обеду жду!

Едва вырвавшись из сильных рук Михаила Ивановича, Зверев увидел неподалеку облаченного в богатую шубу с золотым шитьем и множеством самоцветов князя Старицкого в окружении новгородской свиты. Теперь уже Андрей расплылся в довольной улыбке и отвесил приторно-красочный

поклон с разведением рук и изгибанием шеи: что, мол, не чаяли живым увидеть? Надеялись с высоты царского трона известие о безвременной кончине получить? А вот чижики вам пернатого! Пятнадцатилетний мальчишка на поклон невозмутимо ответил. Может, и не заметил скрытой издевки. Однако его остроносый боярин предпочел князя Сакульского вовсе не узнать.

Наконец распахнулись резные двери, в палаты в сопровождении нескольких бояр ступил царь. Голову его венчала отороченная кротом тафья, сплошь усыпанная камнями и простеганная золотым шитьем, с золотым крестиком посередине. Вместо жаркой московской шубы на плечах лежал – поверх ферязи, отделанной в том же стиле, что и тюбетейка, – тонкий халат, пусть и подбитый соболем да бобром и украшенный с присущей русской казне щедростью. Умеет устроиться государь, налегке решил службу отстоять! В свите Иоанна Андрей заметил боярина Кошкина, идущего чуть позади прочих царедворцев.

– Брат мой, Владимир Андреевич! – милостиво улыбнулся правитель, вырвал из толпы юного князя Старицкого, троекратно облобызал, притянул к себе, поставил по правую руку. – Здрав будь, князь Евлампий Федотович, здрав будь, князь Сергей Юрьевич, здрав будь, Михаил Иванович...

С прочими гостями он уже не целовался, а просто раскланивался. Неожиданно боярин Кошкин двинулся вперед, сквозь царскую свиту, что-то зашептал государю на ухо...

– Андрей Лисьин? Князь Сакульский? – заулыбавшись, забегал он глазами по залу.

Зверев решительно двинулся из задних рядов вперед:

– Всегда рад служить тебе, государь!

Толпа, повинувшись взгляду Иоанна Васильевича, раздвинулась, пропуская особо выделенного гостя, и вскоре Андрей смог склонить голову перед царем:

– Долгих лет тебе, государь, и здоровья крепкого. Хочу поблагодарить тебя...

– Знаю, знаю, – остановил его юный правитель. – За отвагу не карают и платы за нее не требуют. Что дадено – пусть твоим остается. О, вижу, мой подарок ты хранишь? А другими перстнями так и не разжился.

– Не нашел достойных, государь. Разве какой иной способен сравниться с царским?

– Гладко сказываешь, боярин, – покачал головой безусый царь. – Видать, ты не токмо рубака отменный, но и... Вот, держи. Негоже князьям моим, ровно монахам-отшельникам, с голыми пальцами ходить. И при мне будь. Давно не видел, перемолвиться хочу.

И правитель сдвинул его вправо, ставя на место князя Старицкого. Зверев, не желая ссоры с царским родичем, при первой возможности ушел за него, вернув самое почетное место рядом с Иоанном его двоюродному брату, но скрыть жест правителя от десятков внимательных глаз все равно уже не мог. Посмотрел на второй, подаренный властителем Руси,

перстень, оглянулся на Ивана Юрьевича. Дьяк только пожал плечами: раз царь желает видеть тебя рядом – против его воли не повернешь.

Тонко зазвучали колокольчики, распахнулась дверь на-против царской. Вся в белом вышла царица, тоже окруженная многими тетками и девками, двинулась навстречу царю. Посередь палаты они торжественно троекратно расцеловались, супруга встала от Иоанна слева, и вся процессия двинулась на службу. Едва царственная чета ступила на улицу, Зверев вздрогнул от колокольного звона, оглянулся. Дьяк Кошкин уже смылся. А ему, похоже, предстояло стоять всю литургию от начала и до конца.

Следует признать, богослужение было торжественным и красочным: хор, раскатистый голос дьякона, богатая отделка собора. Но уж очень внутри было душно – не столько из-за обилия людей, сколько из-за количества горящих свечей, кадил и лампад. Дым, смешивающиеся запахи благовоний, человеческого пота, дыхания... И потом, длилось это уж слишком долго. Часа два, не менее.

После богослужения гостям был дан короткий «пир»: хлеб и вода. Причем хлеб не мягкий, а слегка зачерствевший – Андрей попробовал. Но больше всего его огорчила не скудость угощения: пост есть пост, – а то, что и царица Анастасия вместе со всеми скромненько жевала черствую корочку, запивая ее колодезной водой. Между тем Бог, как известно, беременных и недужных от воздержания в пище освобождает.

ет. Раз правительница постится – значит, наследника в ближайшие месяцы ждать не стоит. И факт этот принял к сведению, скорее всего, не один Зверев.

Покончив со своей краяхой, поднялась из-за богатого – не угощением, увы, а убранством – стола царица. Поклонилась супругу, поблагодарила за милость и уплыла в окружении теток и девок: шевеления ног под пышными юбками не видно, только плавное перемещение гордо вскинувшей подбородок красавицы. Затем встал и поклонился гостям сам Иоанн. Поздравлять никого не стал: какое там поздравление, коли день, с одной стороны, павших воинов поминовения, с другой – казни святого первокрестителя. Тут скорее горевать в голос надобно.

Андрей уж было решил, что его муки кончились – ан нет. Государь положил руку ему на плечо. Значит, надо идти. Правитель Руси дважды приглашать не станет.

Сопровождаемые двумя рындами, Иоанн и Зверев поднялись сразу за трапезной по металлической лестнице на этаж выше, после чего телохранители остались у дверей, а гость и хозяин дворца пошли дальше.

Здесь, видимо, находились личные покои государя: несколько светелок, горница, сразу две спальни, судя по балдахинам за дверьми. Спальни, разумеется, не семейные. По древним обычаям, царица жила на «женской» половине дворца, охраняемой от чужих глаз не хуже, чем гарем какого-нибудь персидского падишаха. Отец родной жены цар-

ской к ней попасть не мог, только мать. Чего уж еще говорить? Посему «для слияния двух сердец» помещения существовали особые, ближе к женской половине. И хорошо, если эта часть жизни государя обходилась без отдельных предписаний, законов и контролирующих всю правильность процесса наблюдателей.

– Нехорошо мы с тобой о прошлом разе расстались, боярин Лисьин, нехорошо, – плотно сжал губы Иоанн. – Своеволен ты больно, дерзок. Никого не слушаешь, все по-своему заворачиваешь. Ни приказов, ни старцев мудрых, ни князей старших понимать не желаешь. Однако же часто последний год я вспоминать тебя стал, боярин...

Поправлять царя Зверев не стал. Не хочет называть князем – ну и пусть. Начнешь возмущаться – так ведь, чего доброго, и вправду обратно боярином заделает.

– Ты тогда умчался, боярин Андрей, когда я на тебя гнев свой обрушил, – продолжал вспоминать Иоанн. – За то, что указа моего твердого ты не исполнил. И потому главного самого ты не услышал. Со ступеней дворца своего в Александровской слободе поклялся я людям о горестях их вперед своих думать. Поклялся, что отныне я судья их и защитник. Тут же на месте повелел постельничему, вот моему боярину Алексею Адашеву, принимать челобитные от бедных, сирот, от обиженных.

Худощавый, бледный, с тонкими бровями и горящим взглядом мужчина в монашеской одежде оторвал взгляд от

свитка, кивнул.

Андрей с государем уже успел войти в горницу, и Зверев поразился тому, как много здесь свалено грамот, сложенных пополам листиков, цилиндрических туесков. Они лежали между сундуками, на полках, под скамьями, выпирали между створками шкафа. Видимо, поначалу корреспонденцию пытались складывать аккуратно, но очень быстро для наведения порядка перестало хватать места.

– Духовник еще мой помогать взялся, отец Сильвестр, – сказал царь. – Ему доверяю. Он по совести разрешить может моим именем. Алексею верю, вижу как к сердцу беды людские принимает. Ну и сам. Поклялся ведь справедливость каждому дать, рассудить все по чести, по совести. Стараюсь. Да не успеваю ничего, боярин, никак. Одно письмо прочесть успеешь – ан еще десять приносят. Один указ издашь – еще сто ответов дать уже потребно. Мыслил еще людей на помощь призвать, мудрых, честных: а где взять? Что ни извет открываешь – на воевод жалятся, что в суде их нет справедливости ни на один гран. Кто по знакомству судит, кто по злобе, кто за того, что подарки богатые принес, решение принимает. И как тут быть? Сидят в приказах Поместном, Разбойном, Разрядном дьяки старательные, воевод на места выбирают самых разумных и честных. А как на место те садятся – ну ровно подменяет их кто. Опасаюсь, себе помощников наберу – и с жалобами слезными то же случится, что и на погостах и весях. Не станет и в моем суде совести, спра-

ведливости. И что тогда люди скажут? Кому верить, на кого надеяться? Посему сам и читаю с друзьями ближними.

– Это верно, – признал Андрей, прогуливаясь по горнице, чуть не по пояс заполненной овеществленным человеческим плачем. – Хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам.

– Не успеваю сам. Дня не хватает, сна не хватает, сил не хватает, терпения. Чую часто, что гнев, а не сострадание к несчастным испытываю.

– Гнев – плохой советчик, – ожидая продолжения, кивнул Зверев. – Я бы, наверное, уже на второй день такой работы голову кому-нибудь бы отрубил. Скорее всего, почтальону.

– Посему тебя и вспоминал, боярин. Все гадал: а чтобы этот дерзкий и быстрый сделал? Как бы узел Гордиев разрубил, чтобы и справедливость была, и силы не все до капельки на нее тратились?

– Ты ищешь правды, государь, или жалости? – повернулся к Иоанну Андрей.

– Ты о чем молвишь, боярин? – склонил голову набок юный царь.

– Жалость в том, что труд потрачен огромный, государь, что безмерно в нем любви к людям, старания и самоотверженности. А правда в том, что все это ерунда, мусор, помойка, полный и никому не нужный хлам. – Зверев подобрал несколько свитков и небрежно подбросил вверх.

– Да как у тебя язык повернулся, боярин?! – моментально вскипел Иоанн. – Это же слезы, это чаяния людские, это на-

дежда их последняя на справедливость царскую.

— Ну и что? — пожал плечами князь Сакульский. — Дело правителя не в том, чтобы в каждую дырку с затычкой влезать и каждый чих платочком вытирать. Дело твое, государь, — сделать так, чтобы дырок таких не было, а коли и случатся, так чтобы сами они, без твоего участия, быстро слугами честными затыкались.

— Где их взять, честных? Об том ведь и речь!

— Сами, государь. Пусть сами находятся. Ты говоришь, люди жалуются на несправедливость суда воеводского? Так ты прикажи, чтобы они из своей среды выбрали двух представителей, в честности которых уверены. По одному от людей служивых и людей черных. Пусть на суде они вместе с воеводами дело разбираемое слушают. И чтобы ни один вердикт не считался законным, коли выборные от людей его не подтвердят, не согласятся с его справедливостью. Сделай так — и суда по злобе или корысти воевода уже не сотворит. А сотворит — выборные его не подтвердят. А подтвердят — либо справедливо решение получается, либо выборные таковы, что сами... Но тут ты, государь, уж ни при чем. Тут сама община виновата, что таких людей к воеводе приставила. К ним жалобщику идти, кланяться надобно. И половины этих бумажек, — обвел пальцем сундуки Зверев, — уже не появится. А вера людей в справедливость вырастет. Потому как на самых честных из их среды эта справедливость держаться будет. А еще лучше не только выборных для суда, но

и самого воеводу пусть люди выбирают. Вот тогда они точно самого толкового и честного выберут, и давай жулик посторонний подарки подъячим, не давай – именно честный на воеводство сядет. А ошибутся – значит, дураки. Тут на царя кивать нечего, самим искать и сажать себе честного нужно. Глядишь, и вторая половина грамот тоже пропадет за ненадобностью.

– Как же, выбирать! – фыркнул Адашев. – Они же тогда, воеводы, про дела Руси всей, про государя враз забудут. Станут токмо о своей волости радеть, для нее стараться. И выборный от тягловых людей никогда супротив своих не проголосует. Тут суды и вовсе пропадут, потому как решений выносить не станут.

– Ну воеводу всегда законом обложить можно, – пожал плечами Зверев. – Скажем, коли налогов меньше положенного сдал или людей вовремя на службу не выставил – выборный посадник снимается за нерадение, и вместо него другой царем назначается. К тому же выборного за отказ судить и наказать можно. Я ведь про другое говорю. Не дело царю всю эту макулатуру разгребать. Дурость все это. Государь должен взять чистый пергамент, сесть, подумать недельку, да и издать такой указ, чтобы всех этих жалоб больше уже никогда не появлялось!

– Не шуми, князь Сакульский, ибо в помыслах моих и так неясное творится, – оборвал его Иоанн. Походил меж сундуков и решительно указал: – Ступай, князь. Решу я ныне, что

сделать с тобой надобно. За грубость, дерзость твою на дыбу вздернуть али за прямоту откровенную серебром и златом наградить. Опосля узнаешь. А ныне – ступай.

Андрей пожал плечами, повернулся к двери.

– Стой!

– Слушаю, государь, – развернувшись, склонил голову Зверев.

– Вспомнил! Ргада, и списки Троицкие. По Ярославову уложению, когда человека русского коли судят, то из горожан, али общины, али из людей, что на суд княжий собрались, двенадцать мужей выбирается, и они по обычаю и умыслу своему решают, виновен в грехе обвиненный али нет, – довольно улыбнулся Иоанн. – Я знал, я сразу вспомнил, что читал о чем-то похожем! Обычай сей столь хорош иноземным гостям казался, что многие народы его от русичей переняли. А мы забыли. Ты знал о сем уложении, что в Русской Правде упомянуто? А коли так, боярин, то почему двух выборных предложил?

– Разные времена, разные нравы, – пожал плечами Андрей. – Когда на землю беда приходит, про красивые и справедливые законы забывают быстро. Вспоминают про решения скорые и решительные. Нет в войну судов, в войну сразу трибуналы появляются. Взяли преступника, оценили, да тут же и приговор в исполнение привели. А коли на месте душегуба или татя поймали – так и без суда кишки его на плетень намотать не грешно. Покусился на чужое – так пусть

хозяин и решает, как с тобой поступить. Но то, ежели пойман. А не пойман – тут уж суд пусть решает, виновен грешник али ты напраслину на него возводишь. Да и то... Коли в стране анархию сотворить предатели хотят, коли измена, переворот и бунт грозит – любой правитель враз про чрезвычайные тройки вспомнит. Трепало Русь нашу последние века сильно. То татары, то крестоносцы, то ляхи голову поднимают, то варяги у берегов шастают. Меч в ножны сунуть некогда. Какие уж тут суды долгие и придиричivé? Время военное: как князь на скору руку решил, так тому и быть.

– Да, повоевали дед мой и отец изрядно, – признал царь. – Не до уложений древних им было. Но я сие положение исправлю.

– Я искренне рад, государь, – склонил голову Зверев. – Значит, для России наступают спокойные времена. Есть время меч убрать, да о мирной жизни подумать. О законах правильных, о строительстве и красоте.

– Куда пятишься, боярин? – усмехнулся Иоанн. – Ты так и не ответил, отчего заместо двенадцати двух выборных предлагаешь для суда направлять?

– Я не помню, как было при Ярославе Мудром, государь, но ныне у нас два сословия основных сложилось. Люди черные, тягловые, что налоги все платят, трудятся в поле лица своего, торгуют, строят, пашут. И есть сословие служилое, что тягла не несет, но кровью и животом своим Отчизну от ворога хранит и те же черных людей собой прикрывает. Слу-

жилые люди на черных поглядывают с небрежением, потому как трусами считают недостойными, что боятся собой во имя дела справедливого рискнуть. Посему справедливости от служилого к тягловому человеку можно и не дожидаться. Опять же черные служилых бездельниками порой называют. Не пашут, не строят дети боярские, токмо едят, да на лошадях неведомо где носятся. Какая уж тут справедливость? Посему и предлагаю по выборному от каждого сословия да воеводу в судьях оставить, как представителя царского, высшую власть символизирующего. Ему и вердикт выносить. С согласия выборщиков, конечно.

– Но почему не двенадцать, боярин? Ведь предками нашими двенадцать выборных заведено!

– Чем больше толпа, тем меньше ответственности. Коли пред тобой один слуга провинился, ты с него полной мерой спросишь: почему согрешил, как такое на ум пришло, как посмел? Коли десяток – ответ у каждого «Я как все» будет. Выберут люди среди своих одного – он перед общиной за несправедливость ответ держать станет. Выберут шестерых – концов не найти, бесполезно. И еще. Дела, они ведь разные бывают. Коли тать в дом залез и пойман, так тут и суд не нужен: петля, осина – и вся справедливость. Коли не пойман, но свидетели есть, что его видели – тут за пару часов разобраться можно. А если дело с обманами и косвенными намеками связано, коли множество грамот, подрядов и уговоров каждая сторона принесет, коли дело с деньгами больши-

ми сопряжено и каждый из жалобщиков свидетелей купить может? Коли дело с наследством связано и в родословных разбираться надо, в архивах старых рыться, в книгах церковных, титулярниках забытых? Тут не то что днем, месяцем не обойдешься. А выборщиков все это время кормить, поить надобно, кров им предоставить для жизни али охрану, чтобы ни одна из сторон ни запугать, ни подкупить не могла. У каждого ремесло свое, дело и надел – его ведь выборщику бросить придется надолго, пока тяжба тянется. Это ему как объяснить, как убыток возместить? Одного выборного от сословия ради справедливости община и на кошт взять может. Но двенадцать семей содержать? Нужна ли народу такая справедливость, государь? Может, люди от такого закона обратно злых воевод захотят? Бесчестные – но хоть недорого обходятся.

– Никак, боярин, ты себя умнее великого князя Ярослава Владимировича мнишь?

– Да боже упаси, государь! Мое дело ратное – саблей махать, да за именем присматривать, чтобы с голоду не опухнуть. А за Русь пред Богом ты отвечаешь, Иоанн Васильевич, на царство помазанник. Тебе решать, какие законы глупы и бесполезны, а какие справедливы и для народа недороги. Тебе решать, как жизнь людскую организовать, чтобы жалобы на твое имя слать нужды не было ни у смерда, ни у боярина. А грамотки эти писарям отдай и кулаком пригрози, чтобы не шалили. Не царское дело в мелочах разбираться, государь.

Сядь спокойно, потрать пару месяцев на раздумья да издай закон. Один. Но чтобы людям на несколько веков облегчение принес, как «Русская правда» Ярославова. Чтобы справедливость дома у себя, а не в Кремле столичном найти могли, чтобы в суд, именем твоим творимый, больше, чем обидам своим, верили. А кому из братьев дедову корову отдавать, – глянул он на Алексея Адашева через плечо, – так о том мелкие служки пусть головы ломают. За то хлеб твой и едят.

– Экий ты человек забавный, боярин Лисьин, князь Сакульский, – задумчиво провел пальцем по губам правитель всея Руси. – И дерзок, и льстив в одной речи. В бою отважен, в знании старым мужам, что весь век мудрые книги учат, уроки давать способен. Откель столь много разного в тебе одном собралось?

«Тебе бы Интернет сюда в келью, – почтительно склоняя голову, подумал Зверев. – Ты б тоже всяких знаний да теорий быстро нахватался».

– Благодарю за слово доброе, государь. Боюсь, не по заслугам похвала. Советы давать легко. Но одно – языком болтать, а иное – за слова свои отвечать. Не моя ведь подпись, твоя под законами стоять будет. Тебе решать, что за указы под именем твоим в веках будущих останутся.

– Понятно. Ты еще и скромненький не по годам. Ладно, быть по сему. Носи на плечах свою буйную голову, дерзкий боярин. Слова твои желчью исходят, однако же и яд порой лечит. Обмысли твой совет, обмысли. – Иоанн поворошил грудку свит-

ков на одном из сундуков. — В одном ты воистину прав: самому мне этого всего не одолеть.

— Дай людям суд, государь, и не придется судить самому. Дай им закон, и не придется искать справедливости.

— Ты повторяешься, княже. Ступай, мне нужно подумать.

На улице выяснилось, что время уже сильно перевалило за полдень. В желудке после царского угощения сосало и даже изредка причмокивало. Что же касается лошадей — то их своему гостю боярин Кошкин не оставил. Видимо, оттого, что по Кремлю ездить верхом запрещалось и за такую вольность его побратим мог легко угодить к себе же в кутузку. Ну а где искать скакунов за воротами — Андрей просто не знал. Вот и пришлось порядком отвыкшему от пеших прогулок князю вымерять столичные улицы «своими двоими». Хорошо хоть, мощеные — ноги в грязи не вязнут. И это после долгой литургии, да еще вежливого стояния в царских покоях. Когда же по левую руку он увидел трехэтажный бревенчатый домик с жареным цыпленком на вывеске, все обстоятельства сошлись воедино, и Зверев повернул к гостеприимно распахнутой двери, вошел в харчевню и уселся в углу на обитую начесанным войлоком скамью, с наслаждением вытянув ноги под стол.

Тут же появился чубатый рыжий паренек:

— Чего боярин желает?

— Меду хмельного желает и поесть чего-нибудь... О-о, елки, совсем забыл, что пост сегодня! Чего там на Ивана ку-

шать можно?

– Стерлядку на пару, колбаски ветчинные, цыпленок жареный. Со своего подворья, каждый день новых, живых еще подвозим. Посему парной...

– Пост же сегодня!

– А он не круглый, – моментально пояснил служка. – Ножом резать не станем, шею свернем. И кушать его руками не зазорно.

– Живой еще?

– Живой.

– Тогда не хочу. Ждать долго придется, пока запечете. Колбаски носи и рыбу. Только не на пару, а печеную.

– А мед нести?

– Нести. Мед не вино, его в пост можно.

– Сию минуту, боярин.

Служка исчез, и на его месте обнаружился одетый в зеленый кафтан с накладными карманами немец.

– Барон Тюрго! – изумленно вскинул руки Андрей. – Вот уж кого не ожидал увидеть, так не ожидал. Какими судьбами тебя занесло в этот кабачок? Только не нужно сказок о случайностях. Половина Москвы видела, что я стоял сегодня на литургии рядом с царем, и весь двор – как Иоанн Васильевич пригласил меня в свои покои.

– И не подумаю, князь, – не дожидаясь приглашения, опустился за стол датский посланник. – Мой повелитель, как я уж сказывал, ищет вашей дружбы, князь. Минул год, как мы

не виделись, и лишние двести талеров, надеюсь, вам не помешают?

– Король Кристиан решил одарить меня снова? – Зверев усмехнулся. – Вот уж не ожидал...

– Какой король Кристиан? – поморщившись, отвернул голову гость. – Забудьте этого безумца! Вы представляете, в очередном порыве бешенства он приказал согнать почти всех жителей острова Фюн в порт и продал первому проезжему торговцу в рабство! Это оказалось последней каплей, народ Дании восстал. Народ Швеции, едва Стокгольм достигло известие о бунте, объявил о выходе из унии, и Дании трех королевств больше не существует. Зато есть королевство Швеция, на трон которого ступил король Густав Ваза, сын Эриха Юхансона, убитого во время стокгольмской кровавой бани. Именно от его имени я и хочу...

– Постой, дорогой барон, – поднял палец князь Сакульский. – Так что там случилось с добрым королем Кристианом?

– С Кристианом? – запнулся Ральф Тюрго. – А, этот безумец... Вы представляете, у него оказалась армия. Набрал на какие-то деньги наемников. Но что еще страннее – ему в поддержку выступил бургомистр Любека Юрген Вулленвевер, тоже сумевший нанять несколько тысяч пикинеров. Они соединились, вступили в битву с восставшими и оказались разгромлены. Их взяли в плен. Кристиан ныне заключен в замок Сенерборг навечно, а Юрген Вулленвевер за из-

мену был подвергнут пытке и казнен на главной площади Любека. Сказывали, он тоже ухитрился кого-то продать в рабство. Кажется, тамошних католиков. Надо сказать, мой добрый король Густав тоже не сильно уважает папистов и является сторонником великого Лютера – но чтобы продавать своих граждан в рабство... Ладно бы, он поступил так с крепостными. Но он приказал согнать в порт всех подряд, дабы набрать нужное работорговцу число голов! Это неслыханно! И где? В свободолобивой Европе!

– А правда ли, дорогой барон, что Мартин Лютер требовал рубить восставшим крестьянам руки и ноги и бросать их в таком виде на дорогах, дабы прочие пахари не смели требовать себе равенства со свободными людьми перед законом? – ласково поинтересовался Зверев.

– Так то он говорил про крепостных, – пренебрежительно фыркнул Тюрго. – Вы напишете мне расписку, князь? Не то чтобы я не верил вашему слову, но ведь мне приходится отчитываться перед нашей нищей казной.

– Нет, барон, не напишу, – все с той же любезной улыбкой ответил Зверев. – Я тут недавно встречался с датским королем, и он пытался меня моей распиской шантажировать...

– Кристиан глупец, – обеими руками махнул барон. – Он глупец, и совершенно не умеет говорить с людьми, проявлять уважение. За что и поплатился короной и свободой. Король Густав – другое дело. Его отец был сожжен во время стокгольмской кровавой бани вместе с другими горожанами,

он скитался много лет в нищете и безвестности, прежде чем мечом и отвагой добился для Швеции свободы, а для себя короны. Он знает, что каждый рожденный под солнцем достоин уважения и внимания.

– Кроме крепостных, конечно.

– Да, кроме крепостных, – согласился Тюрго, ничуть не заметив издевки. – Короны не вечны, они находятся и теряются. Властителем мира может стать вчерашний бродяга, а путь к власти ему указать – нищий с церковной паперти. И уж конечно, Густав Ваза не оскорбит князя, личного друга одного из могущественных правителей.

– Прекрасная речь, барон, – кивнул Зверев. – Но я не собираюсь дважды наступать на одни и те же грабли.

Подошел служка, поставил на стол глиняную крынку, расписанную эмалевыми лебедями, деревянный лоток с короткими колбасками толщиной в палец и миску с мелко порубленной морковкой, перемешанной с редькой и залитой медом.

– Третьего дня резали, – на всякий случай предупредил половой.

– Это я заказать осмелился, – признался Тюрго. – Врачеватель смоленский советовал, от колик в животе. И скажу я вам, помогает. Каждую неделю кушаю, и вкус уже приятным кажется.

– Хмельного меда к сладкому добавить? – предложил Андрей.

– Благодарствую, смешивать опасаюсь. Пучит. Осмелюсь заметить, добрый король Густав не просит ничего бесчестного, ничего, что бы сделало вас изменником в глазах благородных бояр либо перед своей совестью. Он хочет дружбы. Всего лишь дружбы. Король Густав Ваза желал бы подписать новое уложение с Московией на прежних условиях и на прежних рубежах, кои ранее с Данией обговаривались. Зачем нам кровь, княже? Соседи должны жить в дружбе и взаимопомощи.

– Швеция, Швеция, – задумчиво припомнил князь Сакульский. – Такая замечательная католическая страна. Говорите, король Густав благоволит лютеранам? Значит, у вас тоже бушует Реформация, брат идет на брата, а сосед закладывает соседа? А тут еще Дания совсем рядом и наверняка надеется сохранить свою территориальную целостность? Как, порубиться уже успели или только войска собираете? Какая кровь, барон? Если я выведу своих холопов за Выборг, половина Швеции тут же признает меня своим князем, папой и архиепископом, лишь бы избавиться от вакханалии, что творится в стране, и пожить хоть несколько лет в покое. А уж если покровительство пообещает сам царь...

– Я дам вам пятьсот талеров, князь, если вы отвлекете Иоанна от таких мыслей, – сипло пообещал Тюрго. – Я верю вашему слову, мне не нужны расписки.

– Я понимаю, барон, новорожденной Швеции лишние враги сейчас ни к чему...

Андрей наполнил кружку медом и осушил ее большими глотками. Скушал несколько колбасок. Шведский посланник ухватил пальцами щепоть редьки с морковью, кинул в рот, старательно облизал персты. Вздыхнул:

— Да, королю Густаву только войны на восточных рубежах сейчас и не хватает. Тут вы попали в самое больное место, князь. Но вы знаете отнюдь не все, дорогой Андрей Васильевич. Пять лет назад с согласия риксдага король конфисковал церковные земли и сокровища, а на полученные деньги ныне вербует немецких наемников. Ландскнехты — крепкие бойцы, а потому прогулка по Швеции обойдется вам немалой кровью. И что вы получите? Дикие, безлюдные, каменистые земли, изрезанные озерами так, что негде поставить нормальный двор и распахать огород. Я говорю про восток Швеции, князь. Сакульское княжество там рядом — вы знаете, каково жить в тамошних дебрях. Пусть Швеция падет, потратив золото казны на войну с Русью, а не на защиту свободы от датской короны. Но что получите вы, князь, и ваш царь? Дания вернет власть над старой провинцией и неизбежно захочет присоединить отнятые русским царем земли. Это новая война, такая же кровавая. Далеко от Москвы, далеко от торговых путей. Но рядом с вашим княжеством, Андрей Васильевич. Ради чего, князь? Король готов дать вам на хлопоты восемьсот талеров. Это золото спасет его корону. Но вы, князь, ваша страна от войны, от низложения Густава не получит ничего, кроме крови. И пусть даже вы удержите

Выборг и Ботнический залив. Стоит ли Северная Пустошь, которую Дания постоянно будет пытаться себе вернуть, хоть одной человеческой жизни? Стоит ли терять маленькую дружественную Швецию и наживать такой ценой лютого врага в виде сильной Дании на многие века?

Барон Тюрго откинулся, перевел дух и принялся поглощать свой горчично-медовый салат. Андрей тихонько рассмеялся: сказал бы ему кто года три назад, что в свои девятнадцать он станет важным субъектом в мировой дипломатии! Между тем что ему за дело до этой несчастной Швеции? Он всего лишь повторил высказанное вчера мнение боярина Кошкина, дьяка Разбойного приказа. Западные соседи слабы – так отчего бы их и не пощипать? Что касается человеческих жизней – то об их ценности схизматики заботятся лишь тогда, когда не имеют другого способа остановить более ловкого конкурента.

Смех князя озадачил и обеспокоил шведского посланника. Тюрго пересел к князю на скамью, выложил на нее между собой и Андреем несколько кошельей:

– Восемьсот талеров, князь. Не ради Швеции, не ради Густава, Андрей Васильевич, – ради Руси, ради своей страны вы должны отвести угрозу этой страны. Соседи по воле Господа, наши страны должны стать друзьями. Не на сегодня, не на год, но на долгие века, пока наши берега омывает одно и то же море. Коли вы любите Русь – отведите внимание государя от наших рубежей! Больше полувека не проливалось

крови на этих границах. Так пусть положение сие останется и впредь.

Нельзя сказать, чтобы Зверев чувствовал себя нищим. Серебро в казну, как оказалось, возвращать не нужно, половина отцовского подарка еще уцелела. Переселенцы вот-вот начнут платить оброк, да и их дело с корабельщиком Евграфием должно вскоре дать прибыль. Но золото – это такая липкая и ядовитая зараза... Его никогда не бывает мало, оно само норовит заползти в карман, оно так соблазнительно – особенно когда лежит так близко и уже почти принадлежит тебе. Золото – новые работники, новая броня и оружие для новых холопов, новые лошади и новая усадьба...

– Зачем Московии Швеция? – вкрадчивым шепотом продолжил свою речь посланник. – Разве Швеция постоянно тревожит русские рубежи, разоряет деревни и угоняет людей в полон? Разве от нее стоит плач по всей Руси? Разве ее в народе называют Божьим наказанием? Разве для защиты от нее что ни год снаряжаются на службу десятки тысяч бояр? Разве у шведов вы были в плену, Андрей Васильевич, и разве им платили выкуп в две сотни рублей? Почему русские так долго терпят унижение? Почему не желают силой установить покой на своем порубежье? Такой же, каковой уже полвека царит на границах со Швецией? Что происходит с вами, князь? Что за странное умопомрачение нашло на умы думных бояр? Я верю вам на слово, князь, и пусть шведская казна опустеет на тысячу талеров, но обещайте, Андрей

Васильевич, что хотя бы попытаетесь повернуть взоры царя Иоанна на восток, к Казанскому ханству, к вашему истинному и давнему врагу. Вы слышите меня, князь? Подумайте, разве это не слова вашего друга, соратника, всей душой болеющего за дела русского государства? Казанское ханство – вот кровавая рана, которой постоянно истекает Московия. Вспомните о ней, князь. Напомните о ней государю. Хотя бы покажите пальцем в ее сторону...

Барон Тюрго выложил на скамью еще один кошель.

Андрей, стремясь скрыть смущение, снова схватился за кубок, опрокинул его в горло, едва не захлебнувшись пенным медом.

Удар был не в бровь, а в глаз. Действительно, почему Русь ни разу не попыталась уgomонить Казанское ханство, постоянно терзающее его своими набегами? Понятно, отчего не связываются с Крымом. Это, как ни крути, окраина Османской империи, от тяжелой поступи которой сотрясается половина Ойкумены. Нападешь на Крым – огребешь в ответ тяжелейшую войну с Высокой Портой. Но почему Москва не трогает Казань? Найти или вспомнить ответ Зверев не мог. Зато в голове тут же всплыло предсказание Лютобора и всевидящего зеркала Велеса: через тридцать лет Русь одновременно атакуют с трех сторон Польша, Османская империя и Казанское ханство. И тысячелетней истории русских земель придет конец. Тридцать лет... Тактически растрепать сейчас Швецию было легко и приятно. Стратегически – че-

рез тридцать лет, когда Россия съжится до размеров карликовых стран, шведы наверняка пожелают за унижение отомстить. Если же их удастся сохранить союзниками... Может быть, на пару по северным буреломам от сельджуков отбиться придется.

И все же почему московское правительство так жалко реагирует на татарские грабежи?

– Тысячу талеров сейчас, – открыв поясную сумку, загрузил в нее золото князь Сакульский, – и тысячу, если удастся обратить внимание государя к востоку. По тысяче все время, пока получится отвлекать русские силы к Волге.

– И вы клянетесь, князь, что приложите все силы для сохранения дружбы между Швецией и Русью?

– Заметь, барон: не предавать русские интересы в угоду шведской короны, а стремиться сохранить и упрочить дружбу наших стран и правителей.

– Именно так я и сказал, Андрей Васильевич.

– Коли так, быть посему, – кивнул Зверев. – Клянусь.

Барон Тюрго облегченно перевел дух, соскользнул со скамьи и исчез из харчевни. За салат, конечно же, не заплатил. Ну да что возьмешь с нищего шведского посланника? Дождавшись целиком запеченной двухкилограммовой форелины, Зверев мужественно одолел большую ее часть, запив остатками меда, после чего отправился домой. То есть – на двор держателя братчины «худородных», боярина Кошкина. Дьяк еще не вернулся со службы, без хозяина ублажать

и кормить гостя никто не торопился. Окликнув Пахома, Зверев поднялся с ним на крыльцо, остановился:

– Скажи, дядька, мы с Казанским ханством когда-нибудь воевали?

– А как же, Андрей Васильевич, – запустил холоп пальцы в свою пышную, почти во всю голову, шевелюру. – Через три года на четвертый за Муром ходили...

– Нет, Пахом, я не про порубежную службу. Там я и сам побывать успел. Я про настоящую войну – со сражениями, со взятием городов...

– Да рази с ними повоюешь, княже? – расхохотался дядька. – Они как силу ратную видят – зараз разворачиваются, да и драпают, куда глаза глядят. Девять лет тому казанцы вместе с татарами из Крыма Нижний Новгород обогнули, до самого Мурома добрались – да ополчение малое воеводы Дмитрия Бельского увидали. Тут же развернулись, да и убегли спешно. На новый год аж сто тысяч, сказывают, до Оки докатилось. Народ силы такой убоился, на север длинными обозами побег – из Москвы, почитай, все князья и семьи боярские отъехали, батюшки храмы позакрывали, да вслед за паствой ушли. Однако же с молитвою, в одеждах чистых рати наши встреч татарам двинулись. На погибель шли, умереть за землю русскую с честью. Ан басурмане, как хоругви наши углядели, враз повернули и утекли¹⁴...

– Это не походы, дядька. Это все равно что кулак показать,

---

¹⁴ 1540 и 1541 года соответственно.

да на этом и закончить. А по-настоящему, с наступлением на земли вражеские, на саму Казань – воевали?

– До меня было, – почесал в затылке Пахом. – Собрали рать великую, двинулись. Но казанские мурзы, сказывали, на пути войско встретили, покаялись в грехе своем да хана своего, Шиг-Алея, Москве изменившего, на руки воеводе выдали. Заместо него другой хан сел, саблю целовал великого князя слушать да рубежи не тревожить. Но клятвы своей не сдержал, а пятнадцать лет тому его и вовсе зарезали, стол же крымский родич захватил, Сафа-Гирей¹⁵. Клялся громко, что Русь разорит, сотрет, камня на камне не оставит. Казанцы горевали, в Москву тайно ездили, просили Шиг-Алея, заточенного в Белозерске, вернуть. Хана привезли в Москву. Шиг-Алей пал в ноги шестилетнему нашему Иоанну, просил прощения, плакал. После того его отпустили в Казань с честью и ратью нашей. Василий Ярославович с нами в той рати шел. Сафа-Гирей убег, нас не дожидаясь. Казанцы встретили нас со слезами радости и молитвами, хана старого, просимого, приняли. Мы ушли, ни разу сабель не вынув. Ан скоро хан назад прибежал – его Сафа-Гирей выгнал. И опять рать собралась, двинулась. Сафа бежал, Шиг-Алея с радостью встретили¹. До Москвы после того похода мы не дошли – ан хан нас на рысях догоняет, с ним восемь десятков мурз и князей татарских. Оказывается, Сафа-Гирей в третий раз сел на царство. Вернулся, едва хвост обоза нашего за Ниж-

---

¹⁵ Это уже 1535 год.

ним скрылся. Снова карами Руси грозит. Сказывает, все беды у бедноты казанской от нас, от русских. И доходы татарские, дескать, русские купцы в Москву увозят, и хлеб дорого продают, и рабов взятых обратно отбивают али с хана после набега требуют. А как уничтожат татары Русь, так и заживут сытно, свободно и богато. У каждого по своей деревне будет, и по саду, и по гарему с сорока русскими красавицами. А пока русские этого не позволяют, то и голод в ханстве случается, и бедность у татар от злобы русской. Вроде как посылали недавно Дмитрия Бельского¹⁶ с ратью снова Шиг-Алея на трон в Казани посадить, но не удался поход. Да и нас с боярином Лисьиным в тот раз не исполчали.

– Бред какой-то. Наши ставят, казанцы скоро смещают, наши опять ставят, казанцы опять смещают. Что за бред?

– То не казанцы, Андрей Васильевич, то османы, – поправил холоп. – Русские придут – своего хана поставят. Потом османы ногайцев али крымчан подошлют, своего поставят. Так и крутится. Ни с кем Казань не воюет, со всеми соглашается. Чей кулак ближе, того и слушают.

– Вот чехарда какая! Пахом, а когда русский ставленник на троне, они наших рубежей не трогают?

– Как же, не трогают! Кто ни сидит, все едино грабят. Натура у них такая. Опосля жалются, плачут, каются. Что-то даже назад возвертают. Но все едино скоро опять грабят.

– Какой же смысл в русском ставленнике, коли война, счи-

---

¹⁶ 1547 год.

тай, не прекращается? Что ни лето, новые набег.

– Меня о том почто спрашиваешь, княже? Не государь я, не воевода даже. Пошлют опять на казанцев – пойду. А до чего опосля государь с ханами обговорится, так ведь со мной не посоветуется.

– Это верно, – признал Андрей. Что может знать простой холоп о большой политике? Приказали – идет, не приказали – стоит. Забыли – спит спокойно, пока не вспомнят. – Ты как устроился, дядька? Как тебе новый двор нашего Ивана Юрьевича?

– Славно, княже. Лавки в людской войлоком подбиты, в сенях тюфяки можно брать невозбранно и даже одеяла старые бумажные¹⁷ дают. Кормят от пуза. Чего тут не жить? Разве рубахой шелковой не одарили, а то бы и вовсе здесь остался.

– Ты это брось, – шутливо погрозил пальцем Зверев. – Куда я, туда и ты. Забыл?

Он вошел в дом, теперь вполне достойный называться дворцом, после нескольких минут поисков нашел трапезную, а уж там и заветную лестницу к себе, в просторную угловую комнату. Разделся до исподнего, походил по мягкому и теплему, даже жаркому, ковру. Вспомнил слова дьяка о том, как татары щедро одаривают в Москве чуть не каждого и ничего не просят взамен. Теперь кое-что стало проясняться. Если именно русские рати сажают в Казани на стол нуж-

---

¹⁷ То есть ватные, из хлопка.

ных ханов, то каждому из них здесь очень требуются друзья. Татарских царевичей на Руси много: из рода Чета, Касима, Каракучи, Юсупа, Алея, Кайбулы, Бехмета, Кусаина и прочих. Хочешь стать царем, хочешь, чтобы посадили именно тебя, – ищи сторонников. Подкупай, дружи, напоминай о себе. Глядишь, Шиг-Алей опять в поруб попадет, а тебя вместо него вниз по Волге в дорогой шубе в правители повезут. Как больше заслуживающего доверия.

Зверев упал на постель, закинув руки за голову. Мысли о странных отношениях Москвы и Казани сменились воспоминанием о том, что завтра нужно навестить князя Воротынского, что ему тоже можно задать несколько вопросов. А еще Андрей вспомнил, что есть у дочерей Михаила Ивановича очень симпатичная подруга по имени Людмила...

* * *

Проснулся он от громкого стука в дверь, рывком поднялся, шагнул к висящему на стене оружию:

– Кто?

– Да ты, никак, почиваешь, друже? – заглянул в светелку боярин Кошкин. – Ну извини, потревожил. Молвить лишь хочу, что зацепил ты чем-то государя нашего. Не успел я до приказа добраться – ан меня уж гонец поджидает. Перемолвиться чем-то Иоанн Васильевич с тобой желает. Посему завтра в Кремль поезжай. Во дворец войдешь за Благо-

вещенским собором. Там стена к Грановитой палате почти примыкает, и двери есть¹⁸. У них сразу после заутрени духовник царский ждать будет, Сильвестр. Меня не приглашали. Видать, тайны у вас с царем появились?

– Какие тайны, – зевнул Зверев. – Хотел меня Иоанн к разбирательству челобитных привлечь, да я отмазался.

– «Отмазался», мыслишь? – коротко хохотнул над забавным словом боярин. – Гляди, завтра посадят чернила изводить. Эх, княже, был ты вольным рубакой, а станешь тощим щелкопером. Ну почивай. Велю до заутрени разбудить.

Андрей остался один, снова вытянулся в постели. Но сон, как назло, пропал. Из обрывков сна вспомнилась только Людмила Шаховская. Рыжие кудри, разлет бровей, россыпь веснушек, прямой нос над сурово сжатыми, чуть не сморщенными губами, гордо, даже надменно вскинутый подбородок, тонкая изящная шея... Именно такой он видел ее последний раз, именно такой она сейчас представляла в его мыслях. Настолько подробно, что он сам немного испугался. Из живота юной женщины растеклась, закрывая тело, легкая дымка. Он придвинулся, провел сквозь блеклую преграду ладонью, ощущая ее рыхлую туманную сущность, мягкость, обволакивающую неспешность, шагнул вперед – и оказался рядом с качелями, что носились вперед-назад над ком-

---

¹⁸ Следует помнить, что царский дворец XVI века за Грановитой палатой был деревянным. В XVII веке он горел, на его месте был построен новый, Теремный. И вообще большая часть строений, что находятся в Кремле сейчас, не похожи на те, что стояли там четыреста с лишним лет назад.

лем золотой кровли. Дальше крыши разглядеть что-либо было невозможно: все, что находилось дальше десяти саженей, размазывалось в цветные пятна. Угадывалась только огромная высота.

– Не упади, – посоветовал Зверев. – О доски ударишься.

– У меня в спальне ковер... – растерянно ответила княгиня.

Она качалась в одной бязевой рубашке, и Андрей, не утерпев, щелкнул пальцами, вызывая теплый летний дождик, на каждой капле которого сияла яркая радуга. Ткань стала быстро намокать, становясь прозрачной и прилипая к телу.

– Как ты смеешь?! – Она полуотвернулась, прикрываясь локтем.

– При чем тут я? – Зверев остановил качели, наклонился к самому ее лицу. – Ведь это твой сон.

И молодой человек осторожно коснулся ее губ своими.

– Как ты смеешь? – не отстраняясь, спросила Людмила.

– Но ведь это всего лишь сон, – ответил он. – Здесь можно все...

Ученик чародея провел ладонью по ее бедру – и влажная ткань исчезла вообще. Он зарылся носом в ее волосах – увы, не ощутив запаха. Положил ладонь ей на грудь – но не ощутил даже тепла. Действительно, это был всего лишь сон.

– Тут что-то не так, – встревожилась женщина. – Уходи!

– Хорошо, – кивнул он. – Кстати, княгиня, ты веришь в вещи сны? Молчишь? Приходи завтра в дом князя Воро-

тынского. Встретимся.

Она вскинула руку и решительно осенила его крестным знаменiem. Андрей усмехнулся и отступил, растворяясь в облаке ее фантазий, исчезая из сна в ночную явь.

Улыбка так и оставалась на его устах, когда он снова ощутил себя в светелке кошкинского дворца. Здесь было уже темно, и князь опять закрыл глаза, чтобы вскоре провалиться уже в свой, собственный сон. Перед ним была широкая пустынная улица, мощенная мелкой галькой. Он шел по ней от горизонта к горизонту и нумеровал шариковой ручкой камешки, сам не зная зачем. Время от времени над головой раздавался легкий скрип и еле слышный смешок. Наверное, так над ним насмехались небеса. А может, кто-то просто раскачивался на качелях где-то далеко наверху, на островерхой золоченой крыше...

Побирушка

Была, конечно, у Андрея в глубине души некая опаска, что запоздало обиделся царь на его дерзость и теперь вдруг решил наказать. Однако для наказания обычно не приглашение, а наряд ратников присылают. Да и не покарал пока что Иоанн никого из своих обидчиков. Вечно всех прощал с христианским смирением: и тех, что наемников из Пскова прислали для его уничтожения, и тех, кто бунт после московского пожара в первопрестольной затеял да многих людей из рода Глинских, ближайших его родственников, вырезал. Ясно же, кто за этим стоял: бояре Шуйские да сторонники князя Старицкого. Но простил всех царь, расследование остановил, а Шуйские опять при дворе, во всей красе и всевластии крутятся, в Думе заседают. Нечто он Зверева из-за пары ехидных замечаний на кол сажать станет?

Князь Сакульский оказался прав. Едва он вошел в государевы покои, как Иоанн отослал черноволосого и чернобородого, похожего взглядом на Распутина со старых фотографий, духовника разбирать челобитные, а сам перешел в небольшую светелку, одну из стен которой заменяла изразцовая печь. Встал к пюпитру, придвинул к себе чернильницу с тремя короткими серебряными стерженьками.

— Ты намерен сказывать, боярин, что к воеводам хорошо бы выборщиков приставить, кои справедливость приговоров

подтверждать станут. Так?

– Так, – кивнул Андрей.

– Но коли не от воеводы справедливый приговор зависеть станет, а от иных людей – кто же ему подношение понесет? Мы, государь, боярина на воеводство на кормление ведь сажаем. А какое кормление без подарков?

«У-у-у, как все запущено», – мысленно поразился Зверев и осторожно заговорил:

– А вот допустим, государь, что человек на смертоубийстве пойман. Душегуб. И воеводе он за суд, за «справедливость» двадцать гривен дал. Да обещался и впредь на каждый суд по столько же серебра приносить. Подумай, неужто воевода осудит его на смерть и тем самым дохода будущего лишится?

– Конечно же, осудит! – удивился Иоанн. – Это же душегуб!

– Люди разные, – пожал плечами Андрей. – Кто осудит, а кто и на прибыль польстится. Машина же государственная должна быть сконструирована так, чтобы обеспечивала справедливость независимо от того, кто в ней работает.

– «Машина государственная», – повторил царь, которому, похоже, понравилась эта фраза. Однако он тут же вернулся к своему вопросу: – Но коли подношения при суде запретить, как же кормления воеводские? На что жить служилые люди станут?

– И не только при суде, – поправил Зверев, прислоняясь

спиной к печи, – вообще всем людям служилым, дьячкам, воеводам запретить любые подношения и подарки, что с делами царевыми связаны, под угрозой страшного наказания. Я понимаю, кошелек свой утяжелить каждому хочется. А потому человек для того работать старается, кто за его дело больше серебра отсыплет. Подьячий, воевода – кто угодно, подарки принимающий, – уже не о твоём деле заботится, не о государственном благополучии, а о заботах чужака, что его прикармливает. Зачем тебе слуга, что не тебе, а неведомо кому служить старается? Гнать, гнать поганой метлой.

– Жить на что люди станут без подарков-то?

– А жалованье на что, государь?

– Так жалятся, боярин, жалятся слуги мои постоянно, что на житье жалованья государева не хватает.

– Ну и что? – удивился Зверев. – Не нравится – пусть в черные люди идут, тягло тянут. А коли уж служат, пусть служат честно. Твои слуги, Иоанн Васильевич, должны только от тебя кормиться, только тебе служить и только от тебя зависеть. Тогда и об интересах царевых и государственных радовать начнут. А до того – лишь о мошне своей будут думать да о том, где еще одного покровителя, сверх прежних, найти да как ему твой интерес продать подороже...

– Ладно сказываешь, Андрей Васильевич, – покачал головой государь, – ан детишки дьячка каждого хлебушка, что ни день, просят. И одеть их нужно, и крышу перекрыть. Не разбегутся ли слуги мои, коли суров столь стану?

– Сейчас же не бегут!

– Дык, с кормлений живут...

– Ну так введи налог кормленный, государь, коли уж все равно на него люди тратятся! Но пусть не служакам он, а в казну идет. Служилые же люди лишь с твоих рук кормиться должны. С них, и ни с чьих более! Не станет подарков – пропадет интерес дела в сторону тех, кто богаче, решать. Не станет такого интереса – уже, стало быть, справедливости в стране прибудет. Без личного интереса подьячие больше на совесть полагаться станут. Она ведь у каждого имеется. Коли не душить – сама проявится.

– Но ведь все едино просители нести будут, на свой интерес служилых людей обращать.

– Будут, – согласился Зверев. – Конечно, будут нести. Но с этим не мириться, с этим бороться надобно. Стремиться к идеалу. Наказывать и тех, кто несет, и кто берет нещадно, хвалить и выдвигать честных. Машина государства таким образом должна быть сделана, чтобы сама собой справедливость обеспечивала, честных людей порождала и наверх вытягивала. Сделай воевод выборными, и тогда уже тебе не придется за их самодурство отвечать. Сами, скажешь, таких выбрали, сами и терпите, дабы в другой раз умнее были. А коли такой окажется, который про твои интересы ради соседей забывать станет – так ты его за нерадение сними да такого олуха посади, чтобы вой стоял. Уж тогда люди новому выборному сами накажут: не надури! Для нас старайся, но и

о государе не забывай. Вот так и пойдет, что человеку честно жить выгоднее окажется, чем жульничать и воровать. Потому как жулика в воеводы никогда не выберут, сколько ты подъячим мзды ни пихай. А честного – выберут. И коли много для себя утаивать не станет, для общего дела постарается – его и дальше в воеводах оставят. Что до служилых людей, то и у них тот же выбор будет: либо на мзде попасться и в поруб сесть, опозориться до гробовой доски, либо прилежанием отметитья и по службе потихоньку вверх расти. Чем лучше машина отлажена, государь, тем меньше внимания к себе требует. А уж про все эти писульки, – махнул князь в сторону обширной горницы, – ты и вовсе слышать не будешь. На полпути до Москвы с ними дьячки разберутся.

– Не стал я челобитные назад возвертать, – кивнул Иоанн. – Там люди неведомые, а Адашеву и духовнику своему я доверяю, давно знаю обоих. Потихоньку со всеми изветами разберутся.

– Да, кстати, про жалобы, – спохватился Зверев. – Уж на кого больше всего жалуются, из-за кого тысячи людей слезы льют – так это Казанское ханство. Грабят татары и грабят, грабят и грабят, никакого спасу с ними нет! Почему не собрать силу русскую в кулак да не прихлопнуть их раз и навсегда?

– Думские бояре клялись, бунт супротив ставленника османского уже зреет. Золота для мурзы Камай Хусаинова триста гривен из казны уж отмерено да серебра пятьсот. Его

татары порешили над собой поставить. Он мне уж семь писем отписал, в верности клянется.

– Он-то, может, и клянется, да грабежи при его власти не останятся. Первый раз, что ли?

– Обещается прекратить. А коли кто через рубежи наши и перейдет, через него настигнуть сможем, покарать да полон и добро назад вернуть.

– Все они обещают, да никто не отдает.

– Отчего? Шиг-Алей, как его сажали, один раз пять тысяч полоняников русских в дома возвратил, а второй раз – так и вовсе десять.

– А потом Сафа пришел да позволил татарам взамен тридцать тысяч рабов захватить. Какой смысл терпеть все это, государь? Мы одного поддержим, потом турки другого посадят, что пуще прежнего на Русь погаными словами лається и пакости всякие творит. Туда не сторонника, туда наместника своего сажать надобно. Гарнизон поставить, воевод наших на места прислать. Чтобы османов и ногайцев не пряниками, а рогатинами встречали. И чтобы грабителям убегать некуда было, коли уж на Руси пошалили. Чтобы и тут, и там одна петля их ждала. Вот тогда истинно дружеской Казань для нас станет. Но не раньше.

– Наместнику и воеводе они воспротивятся, боярин, – покачал головой юный царь. – Немало крови Москве пролить придется, дабы на своем настоять. А хана, нам дружеского, казанцы сами просят, сами сажают. Им разве подмогнуть на-

добно, хоругви наши показать, тон сурово повысить. Почто животами за то платить, чего миром добиться получается?

– А потом Порта своего хана вместо нашего к власти снова пропихнет. И начнется прежняя волокита.

– Одолеем мы Порту, боярин, одолеем. Чай, в ханстве Казанском у нас сторонников куда более набирается, нежели османы прикупить могут. Дай срок, пересидим басурман на Волге. Но вот как быть, коли незнатного боярина в воеводы губное общество выберет? Князя и бояре родов старых его ведь слушать не станут.

– Как не станут, если его выберут?

– Знатных родов, Андрей Васильевич, мало, а худородных бояр много. Худородные того двинуть в воеводы смогут, кого князя на местах признавать не пожелают.

– Признают, не признают – какая разница? Ведь не человеку подчиняться придется, а закону...

Государь был терпелив и въедлив. Он так тщательно обсасывал множество мелочей, связанных с идеей князя Сакульского о запрете мзды царским слугам, с выборными представителями на судах и выборах воевод губными собраниями, что Андрей подумал – этот разговор не кончится никогда. Однако около полудня на Иване Великом грохнул колокол, и юный царь тут же заторопился:

– К евхаристии надобно успеть и на службу домовую о ниспослании наследника. Мы с тобой, князь, еще побеседуем. Обмыслю я противоречия твои да опосля новые вопросы

приготовлю. А ныне я покинуть тебя должен. Ступай домой. Понадобишься – через Ивана Юрьевича тебя вызову.

Андрей подумал, что ради появления наследника нужно не молиться, а заниматься кое-чем другим, но тактично промолчал. Тем более, он не знал – что именно называют во дворце «домовой службой». Однако странно: почти два года как женат Иоанн, а детей все еще нет. Вроде и он, и царица Анастасия больными не кажутся. Отторжения женщина у государя вызывать не должна, коли он стихи и хоралы ей посвящал. Тогда почему?

Зверев вышел из царских покоев, подмигнул замершему у дверей в парадном кафтане боярину Пашохину:

– Как мне Разбойный приказ отыскать, побратим?

– По правую руку от Красного крыльца третий дом, – шепотом ответил рында.

Князь кивнул и побежал вниз по лестнице.

Разбойный приказ выглядел обычной избой: рубленые стены, тесовая крыша, три ряда слюдяных окон. В просторном зале, с подпертым двумя десятками столбов потолком, сидели за столами дьячки. Если бы не черные рясы, все выглядело бы, словно дело происходит в восемнадцатом, девятнадцатом или середине двадцатого века: шелест бумаг, сосредоточенное пыхтение чиновников, скрип перьев, влажный запах чернил. А может, и за много веков до сего времени где-нибудь при дворе Аменхотепа писцы точно так же занимались своим ремеслом, поджав под себя ноги и завернув-

шись в однообразные, под стать своей деятельности, туники.

Перед лестницей наверх Андрея попытались перехватить бдительные служки – но князь грозно рыкнул, пообещал подвесить на дыбу и отправить служить при крымском посольстве, потребовал вызвать дьяка Кошкина прямо сюда, дабы ног своих не утруждать – и простолюдины струхнули. На втором этаже Зверева встретили уже боярские холопы – те хозяйского гостя знали и проводили в просторную, но аскетически скромную, без малейшего убранства, горницу начальника приказа. Здесь Андрею пришлось поскучать, любясь на черные стены из потрескавшихся бревен и плотный пол, покрытый живописными бурыми пятнами. Полное впечатление, что каждого второго посетителя начинали пытаться прямо здесь.

Иван Юрьевич явился только часа через полтора, запыхавшийся и разгоряченный. Ничего не говоря, откинул крышку одного из сундуков, достал медный кувшин, припал к горлышку. Утолив жажду, спросил:

– Простокваши желаешь?

Андрей отрицательно покачал головой, и дьяк спрятал кувшин на место, обошел тяжелый стол, сбитый из досок в ладонь толщиной, тяжело упал в кресло.

– Прости, друже, здесь тебя достойно принять не могу. Может, дома за побратимство выпьем, посидим в покое?

– Почему у царя до сих пор нет детей, боярин? – с места в лоб поинтересовался Зверев.

– Ну ты спросил, княже, – развел руками дьяк. – Бог не дал. Пока не дал. Но мы за то моли...

– Пахом не проболтался о том, что недавно у меня в княжестве случилось? – перебил его Андрей. – Мертвецы оживать начали.

– Свят, свят, – торопливо перекрестился боярин, заметно изменившись в лице.

– Управился я с сей бедой. Божьей помощью управился, – на всякий случай уточнил князь Сакульский. – Ныне на месте проклятом храм поставлен новый, уже освящен. Но колдун, некромант проклятый, убег. А нынешним летом видел я его на дворе князя Старицкого.

– Так-так, – задумчиво пригладил бороду глава Разбойного приказа.

– О том я думаю, что смысл покушаться на Иоанна есть лишь до тех пор, пока у него наследник не родился. А Анастасия, племянница твоя, все бесплодна и бесплодна. Уж не порча ли на нее наведена, Иван Юрьевич? На царицу, на семью, на дом царский.

– Серьезное обвинение, Андрей Васильевич, – распрямился в кресле дьяк. – Но помнить ты должен, княже, что брат царский – не юродивый на улице. Супротив него слова простого мало. Доказательства нужны.

– Да черт с ним, со Старицким! – раздраженно сплюнул Зверев. – О государе подумать нужно. Коли порча на нем, на семье царской – снимать ее нужно. Хорошо бы заговором на

скрещенные ножи и воду из семи колодцев. Или хоть освятить его дворец заново. Как мыться в баню пойдут, заставь любого священника воду в ней освятить. Святая вода любую порчу смывает. Что еще? Ну веревку льняную царица плести не станет... Можно венок ей из трав подарить, но чтобы его девственница обязательно сплела перед полнолунием. Будет всю ночь носить, как мыслишь? Ну или хоть поясок ее мне достань, я его заговорю. Тогда точно в ближайшую неделю понесет. Девка-то молодая.

– Стой, Андрей Васильевич, – вскинул обе руки боярин Кошкин. – Про ножи скрещенные и воду колдовскую я, будем считать, не слышал. Не то тебя ныне же в подвал тянуть придется. А вот освятить дворец наново... Как сию блажь оправдаю?

– Порчей колдовской и объяснишь. Вали все на меня – чего уж теперь. Скажи, у меня в покоях царских крест нателный греется, как в гости к нему являюсь, иконы дома плачут. В общем, все признаки явной порчи. Дворец освятить – это ведь не истуканам языческим поклониться, грешного в этом ничего нет. И воду для омований царских нужно освятить обязательно!

– Это уже по-христиански, – согласился Иван Юрьевич.

– И пояс мне принеси. Сможешь? Анастасия ведь племянница твоя, – напомнил Зверев. – Пожалей девку. В любви ведь с Иоанном живет – редкость. Так чего же ей бесплодием мучиться?

– Попытаюсь, – перекрестился дяк. – Ох, втравишь ты меня, княже, неведомо во что.

– Не бойся, боярин, – перевел дух Андрей. – Не пожалеешь.

Только в дверях он спохватился, обернулся к побратиму и задал вопрос, мучивший его второй день:

– Скажи, Иван Юрьевич, почему Москва так долго разбои казанские терпит, почему не ударит по ней так, чтобы уж никогда татары на земле нашей никого не грабили?

– А ты стены казанские видел, Андрей Васильевич? Они не слабее псковских будут. Псков еще никому штурмом взять не удавалось. Вот и подумай, сколько кровушки прольется, сколько животов рати русские под стенами Казани сложат, коли с нею силой грубой воевать. Хитростью, подкупом, уговорами – оно вернее будет. Золото, на подкуп басурман этих потраченное, немало людей русских от смерти убережет.

* * *

На подворье Михаила Воротынского гостя ждали. Стоило Звереву шагнуть за порог калитки, оглядеться, перекреститься на икону над дверьми дома, ан навстречу уже спустилась деваха, предложила испить с дороги ключевой воды. Она оказалась, разумеется, хлебным вином – но Андрей, уже знакомый с подобным подвохом, выпил слабень-

кую, пахнущую яблоками, водку не поморщившись и нахально закусил мягкими девичьими губами. Какова шутка – таков и ответ.

Хозяин уже появился на крыльце, в шубе и с посохом, поклонился:

– Рад видеть тебя, князь Андрей Васильевич. Прошу в дом, к столу, преломить малый кусок, что Бог послал.

Вместе с хозяином «ломал хлеб» загорелый мужчина лет тридцати, подбородок которого носил следы долгой небритости, брови и ресницы выгорели до белизны. На нем не было ни шубы, ни ферязи – их заменяла короткая войлочная безрукавка; голову украшала фетровая феска с кисточкой на коротком шнурке, свободная рубаха была опоясана атласным кушаком и заправлена в пышные шаровары.

– Боярин Иван Григорьевич Выродков, – представил гостя князь, довольно ухмыльнулся, услышав изумленный выдох Андрея, и добавил: – Иван Григорьевич о прошлом лете в Царьград с купцами ушел, целый год там путешествовал, ныне вернулся и, вижу, к прежней жизни привыкнуть никак не может. По разряду ему зимой на службу порубежную выходить. Интересно, как его поместное ополчение встретит?

– Нет боле Царьграда, Михайло Иванович, – поправил хозяина Выродков. – Османы его Истанбулом ныне нарекли.

– А это, друг мой, князь Андрей Васильевич Сакульский. Тот самый вюноша, о котором я сказывал. Он и оружие новое придумал, кое бердышом нарек. Многим оно по нраву

пришлось, немало князей и бояр для холопов своих штуку эту отковать велели и ныне на службу с ними являются. Еще он гуляй-город придумал, коим немало поляков напугал, а уж в землю нашу уложил их – так просто не считано.

– Я назвал эти деревянные передвижные укрытия танками, – скромно поправил Зверев и потянулся к ломтям жирной ветчины: желудок промаслить, пока водка не вся всосалась.

– Таким смешным способом токмо в дикой и нищей Европе воевать можно, други мои, – самодовольно поведал боярин Выродков. – Европа воюет пешком, а потому даже столь простое препятствие, как гуляй-город, вами описанный, вынуждает их становиться в долгую осаду. Арабов же сими поделками не возьмешь. Араб воюет с седла, араб стрелителен и ловок. Араб привык обходить, запутывать, появляться неведомо откуда и неизвестно когда. Он обогнет ваши стены, он нанесет удар вам в спину, он обойдет вас по другим дорогам и захватит ваши веси, пока вы ждете его для битвы в ином конце земли.

– Важно не оружие, Иван Григорьевич, а то, как им пользоваться умеешь, – обиделся Зверев. – Коли в открытой и бескрайней степи я свой гуляй-город возле колодца поставлю – как твои арабы его обойдут? Полезут на стены, как миленькие. Под пули и на рогатины. А коли просто по холмикам их развезти – так только дурак на штурм полезет, это же понятно.

– А, – почему-то обрадовался Воротынский. – Что теперь скажешь, друг мой?

– Скажу, особое внимание османы уделяют своим пушкам. В литье оных достигли они беспрецедентного искусства и при мне вкапывали возле пролива столь огромные туюфы, что в стволе два человека укладывались спать и даже не теснились. Каменные ядра из них перелетят Босфор с берега на берег и уничтожат любой флот, что попытается войти в Эвксинское море. Османы обматывают свои ядра пенькой, чтобы те плотнее сидели в стволах, и стреляют изумительно точно.

– Каменные ядра – вчерашний день, – опять вступил в спор Андрей. – Чугунные ядра намного тяжелее, при том же размере летят дальше и причиняют больший урон.

– Османские стрелки используют свинец. Он еще тяжелее и дальше летит.

– А чугун прочнее! От него разрушения сильнее!

– Давайте выпьем за розмыслов! – перебил обоих, излишне подвыпивших, собеседников хозяин дома. – За тех, кто делает рати наши сильнее, а крепости врагов обращает в развалины.

– За розмыслов, – согласились оба.

– Иван Григорьевич не просто так за море плавал, – осушив кубок, пояснил Воротынский. – Он науки новые проведдал: кто, где и как ныне воюет. И семи познаниями, надеюсь, поможет нам врага бить крепко. Так, чтобы не поднялся.

– Кстати, Михаил Иванович, – Зверев моментально вспомнил про сидевший в памяти, как заноза, вопрос, – отчего Москва до сих пор Казань не воюет? Ведь грабежи татарские уже, почитай, больше ста лет длятся. И никто их пресечь не пытается.

– А кому это надо? – неожиданно расхохотался Воротынский. – Кто же станет резать курицу, что яйца золотые несет?

– Что я сказал смешного, князь?! – обиделся Андрей. – Объяснись!

– Не обижайся, друг мой, – погасил свой смех хозяин дома. – Ответь сперва, видел ли ты, чтобы новгородский, тверской али нижегородский посадник бояр московских за просто так шубами и конями одаривал? Нет? А казанцы дары отсыплют, да еще какие! Ныне Дума вместо Шиг-Алея решила на ханство Камай Хусаина посадить. Так первый мошну развязал, дабы на свою сторону знатных людей направить, и второй то же самое делает. Веришь, будто золото, что для татар из казны отсыпано, за Волгу уедет? Да нет же, здесь все до полтины останется! Царь казанцев покупает, а они – князей московских. Каждый норовит на свою сторону перетянуть, дабы в Думе за них вступились. А теперь подумай, что будет, коли государь Казань к ногтю прижмет да наместника своего в ней поставит? Что? Откель тогда подарки, зачем? Что за польза мурзе или хану бояр к себе привлекать, коли все едино государь кого-то русского на воеводство пришлет? Конец воле казанской – конец и подаркам от татар в Москве.

Князь Сакульский нахмурился, переваривая услышанное. Передернул плечами:

– Но они же порубежье наше грабят! Каждый год, каждое лето. Деревни жгут, людей в рабство угоняют.

– Московские бояре от муромских земель далеко, – пожал плечами Воротынский. – Опять же кто убыток от набега понес – из казны возмещение. Кого из служилых в полон взяли – казна выкупает. От такой жизни токмо смердам муромским да рабам татарским плохо. Остальным – хорошо.

– Проклятие! – хлопнул Зверев кулаком по богато убранному столу.

– Это верно, – кивнул Воротынский. – Нравы московские тяжелы. Душат они вольного человека. Разве дело это, коли смерды простые пред судом и государем права равные с древними боярскими родами имеют, коли бросать своих господ в любой год могут или детей своих в города али иные земли отсылать по прихоти своей способны, имения безлюдя? Разве дело это, коли с людьми ратными, живот свой за отчину кладущими, простые смерды равняются? Они ведь, крестьяне безродные, никакого иного дела, окромя приплода и урожая, не дают, умом и пользой от коров и лошадей не отличны. Так почему бояре родовитые с ними равняться должны, прихотям их угождать? Отчего достаток наш, княжеский, от потакания смердам зависит? Во всем честном мире крестьяне от рождения к земле господской привязаны и суду дворянскому, а не общему подчинены. Почему же у нас,

на Руси порядки иные насаждаются? Вольный боярин и послушный ему смерд – вот закон, ведущий все страны к силе и процветанию!

Андрей мгновенно протрезвел. Он хорошо помнил, где и когда услышал эти слова в первый раз. Вряд ли умудренный опытом князь повторял слова пятнадцатилетнего мальчишки. Скорее наоборот: молодой Владимир Андреевич услышал их от взрослого друга. Значит... Значит, Михайло Воротынский – один из главных заговорщиков, организатор покушения? И, может быть, не одного? Его друг князь Воротынский... Заговорщики потихоньку вербуют сторонников, и Михаил Иванович нашел удобный момент, чтобы прощупать умонастроения еще одного нужного человека.

– Русская земля – святая, – медленно, но четко ответил князь Сакульский. – Она не может рождать рабов. Лучше я назову сына своего крепостного равным себе, нежели позволю лишить свою Отчизну ее древней привилегии. Мы все кладем животы за святую Русь, и таковой она должна оставаться всегда.

– Славно сказано, Михайло Иванович! – тряхнул головой Выродков. – Я хочу выпить за друга твоего, князя Андрея, и за его истинную веру! Слава!

Хозяин дома спокойно наполнил кубки, мужчины выпили.

«И что теперь делать? – сохраняя улыбку на лице, мучился в отчаянии Зверев. – Выдать Воротынского в Разбойный

приказ? Человека, что первый похвалил его воинскую смекалку, взял под свое покровительство, поручился за него перед царем, требуя для юнца боярского звания? Или смолчать – и покрыть молчанием предателя?».

Он дождался, пока хозяин нальет еще, выпил – но хмель больше не туманил его разум.

«Так что же делать?»

– Дядюшка, дозвожь дочерям своим вина белого со мною выпить. Бо жарко на качелях, а от квасу в носу щекотно... – Рыжие кудряшки, множество ярких веснушек, придающих лицу радостное выражение, губки бантиком. Людмила Шаховская осеклась, глядя на Андрея, чуть попятилась. Жемчужная понизь, платье из зеленого сукна с алыми бархатными плечами, золотое шитье по бокам, перетянутая по европейской моде талия.

– А, это ты, стрекоза? – улыбнулся хозяин. – Да, только разбавленное... Постой, ты знакома с князем Сакульским, Андреем Васильевичем?

Женщина мотнула головой и выскочила обратно за дверь.

– Смутилась, – оправдывая гостью, вздохнул князь Михаил. – Уж третий год замужем, а муж все на службе, в разъездах. Ревнив зело – тетки и холопы следят за ней строго. Она, может статься, мужчины незнакомого все три года и не видала ни разу. А тут сразу двое.

– Родственница? – зевнул Иван Григорьевич.

– Племянница двоюродная. Пострелюшка. В Москве ка-

женное лето у меня жила. Здесь ее и сосватал. За друга своего, князя Петра. Мы с Петром Шаховским лет тридцать знакомы. Он чуть старше будет. Под его рукой в первую свою сечу я рубился. Славная была битва. В деревне прямо в курятнике ляха зарубил. Перья летают, куры, кудахтанье, петух в сапог мне шпору загнал...

— А чем особо сильны османы — так это пехотой, — вдруг вспомнил боярин Выродков. — Они воинов не нанимают, не призывают. Они их растят из детей малых, а потому янычары умелы чрезвычайно, храбры, преданны, не боятся ни боли, ни смерти...

О войне и оружии мужчины могут говорить бесконечно. Михайло Воротынский про боярские вольности больше не вспоминал, Андрей тоже предпочел забыть про Казань, проклятия и заговоры, а потому остаток дня прошел в чудесной дружеской беседе. И лишь когда распахивалась дверь и холопы вносили то вино, то новые блюда, Зверев вздрагивал, и перед глазами его снова и снова возникало веснушчатое лицо.

* * *

Поднявшись до рассвета, Андрей помчался в храм Успения, отстоял там заутреню, после чего еще долго ждал, глядя то на высокое распятие, вырезанное из красного, с белыми прожилками, гранита, то на иконы. Однако княгиня так и

не появилась. Может, настроения у нее не было службу посещать, а может, она церковь свою любимую сменила. Поди угадай?

Смирившись с неудачей, князь Сакульский вышел из собора и двинулся вдоль череды нищих, выгребя из кошелька полтора десятка серебряных новгородских чешуек. Возле каждой сгорбленной старухи он останавливался, внимательно вглядываясь в лицо и руки торопливо крестящейся женщины. Дойдя до попрошайки с зажатой между коленями узловатой клюкой из соснового корня, он наконец-то улыбнулся, спрятал мелочь и достал тяжелый золотой талер. Бабулька насторожилась, глаза ее жадно сверкнули.

– Узнаешь меня, милая? – поинтересовался Зверев.

Нищенка прищурилась, закивала:

– А как же, касатик! Давненько тебя не было, ох, давненько.

– Ну коли узнала, то знаешь, чего мне хочется, – поиграв золотым, спрятал денежку князь. – Завтра приду. До завтра успеешь чего-нибудь придумать?

– Попытаюсь, касатик, – облизнулась попрошайка, – попытаюсь.

Андрей кивнул, отошел к коновязи, поднялся в седло и помчался домой. Здесь, во дворе, его нетерпеливо поджидал дьяк Иван Юрьевич.

– Где ты ходишь, княже? Я уж тут извелся весь! – Боярин воровато оглянулся, протянул ему туго смотанную ленту из

золотой парчи: – До полудня управишься?

– А что это?

– Да пояс же, пояс, – прошипел дьяк. – Сделаешь?

– Легко. За деторождением к Хорсу, Триглаве и Дидилии обращаться нужно, а они дневные боги...

– И слышать не хочу! – замахал на него руками Кошкин и перекрестился. – Чтобы и поминания демонов языческих в моем доме не было.

– Хорошо, за город поеду, – сунул царицын поясок за пазуху Зверев. – Постой, не убегай, боярин. Похоже, нечисть в Москве завелась. Заговоры с участием колдовской силы затеваются. Знаешь, как я у себя в княжестве с колдуном управился? Посадил десяток мальчишек в седло, кадушку с водой святой, заговоренной приготовил, метлы в зелье этом смочил да во все концы земли своей и отправил. Нежить колдовская перешагнуть линии заговоренной не способна, вот и оказалась, как в клетях, раздроблена. Никуда ей не пойти, ничего в чужом месте не сотворить. Так я покоя у себя и добился. Надо бы и здесь, в Москве, всадников с метлами пустить по улицам. Пусть поездят. Нежить в схронах своих и будет заперта.

Иван Юрьевич с минуту подумал, потом отрицательно мотнул головой:

– Не, на такое не пойду. Пушу людей с метлами у седел по городу кататься, пыль поднимать – что люди скажут? Совсем дьяк Кошкин из ума выжил? А про зелья заговоренные толь-

ко помяни – враз на костер сволокнут. Хотя я дьяк, да родич царский – ни на что не посмотрят. Митрополит Макарий – он ведь из новгородских, московского государя недолюбливает. Ему токмо повод дай. Да и про тебя слухи начали ходить нехорошие...

– Какие?

– Сам знаешь, какие...

– Нечто мне рассказывали!

– Ну... Ну сказывали, что душу ты колдуну болотному продал, а тот тебя неуязвимым за то сделал. И токмо так ты в битве под Островом целым и остался. Что клады ты к себе призывать умеешь, и тем богатство в княжество привлек. Что женился на княгине с родовым проклятием, и чтобы проклятие снять, первенца своего в жертву дьяволу на сатанинской мессе принес...

– Кто говорит? Хотя сам догадываюсь, кто слухи такие распускает. Тот, кто иным путем со мною справиться не смог. Да еще в последнее время слишком пристально мною и землями моими интересуется.

– А ты тут, княже, еще с подозрениями про порчу о себе напомнил. Государь же наш набожен. Коли поверит – быть тебе в опале.

– Мне не привыкать. А ты, боярин, тоже бы дом свой наново освятил. Знаю я, что Старицкие зельем колдовским царедворцев очаровывают да на свою сторону привлекают. Знаю, четверо самых близких к царю к ним уже переметнулись. Бо-

юсь, как бы и на тебя, Иван Юрьевич, колдун своей охоты не начал.

– Освящу, Андрей Васильевич, коли тебе так спокойнее будет. А ты бы, княже, волосы сбрил. А то как видят люди, что ты в трауре, сразу про младенца, в жертву принесенного, вспоминают.

– Это был мой сын, Иван Юрьевич. – Зверев проглотил подкативший к горлу комок. – Мой сын, мой первый ребенок. И траура по нему в угоду Макарию и Старицкому с его колдунами, да хоть самому государю я не сниму!

– У кого из нас не умирали дети, княже? У меня из семи ни одного не уцелело. Но ведь живу. У князя Воротынского из девяти детей токмо две дочери выросли, у князя Андрея Старицкого из одиннадцати лишь один Владимир уцелел, у родича твоего, князя Друцкого, тоже только двое из пятнадцати. Нечто всем нам пожизненно в трауре ходить? У всех из трех детей токмо один до зрелых годков дотягивает. А то и из четырех.

– Но это был не чужой, это был мой сын. И с его смертью я мириться не хочу... – Князь Сакульский поднялся в седло и пустил скакуна в рысь. – Я за город! Скоро вернусь.

Иван Кошкин Андрея дождался, забрал поясок и тут же умчался во дворец. Зверев же, разминая ноги, поднялся в светелку и завалился на мягкую перину, попытался заснуть. Через час отлеживать бока надоело, и он, опоясавшись саблей, спустился во двор, начал отрабатывать выпады, париро-

вание ударов, заставил трех холопов с оглоблями нападать с разных сторон. К сумеркам все запыхались – князь ополоснулся в бане, пошел в трапезную. Ужинать пришлось одному: хозяин не вернулся до позднего вечера, и ждать его дольше не имело смысла. Тем более что вставать Зверев собирался засветло.

Видимо, государь в хлопотах про дерзкого советчика забыл – никто Зверева во дворец больше не звал, и на рассвете Андрей опять помчался к Успенскому собору. Людмила Шаховская за Божьим словом опять не пришла, знакомую же нищенку Зверев возле ступеней увидел сразу. Она тоже заметила князя, закрутилась на месте и, часто оглядываясь, засемила вдоль церкви. Зверев двинулся следом, нагнал возле дальнего угла.

Старушеница остановилась, втянула голову в плечи:

– Будет тебе, чего желаешь, касатик, будет. Ох, какой грех на душу беру, ох, как рискую я... – Она часто закрестилась и закончила вполне логичным: – Может, накинешь сверху за старания?

– Накину, если все гладко пройдет. Если хоть словом удастся перемолвиться. Сделаешь?

– Удастся, касатик. И перемолвишься, и увидишься. Токмо подготовиться маненько надобно. В расходы войти. А у меня на крошку хлебную не хватает... Ты мне хоть пол-алтына дай, да сам до вечерни сюда подходи. Токмо пеший, и без нарядов знатных. Ну рубаху, штаны надень, а боле ниче-

го не надобно. Бо подозрение вызвать можешь.

– Ладно, красавица, вот тебе серебро, – полез в карман Андрей. – Но смотри, коли обманешь...

– Не бойсь, касатик. Все будет, как тебе хочется... Коли сам не растеряешься, конечно.

К последним ее словам Зверев не прислушался – хотя следовало. Отпустив попрошайку, он немного побродил вокруг собора и свернул к торговым улицам, что начинались неподалеку, за дворцом князя Воротынского. Спихватился, вернулся за конем – поднялся в седло и поскакал сперва в приют братьев по пиву. С этими кремлевскими правилами скоро и вовсе забудешь, каково верхом ездить! Все пешком да пешком. Туда на лошади нельзя, сюда нельзя, здесь неприлично, тут царю оскорбление.

Коли ходить на своих двоих, то Москва – город просто бескрайний. До ужина Андрей только-только успел дойти до торгового, после долгих сомнений выбрал в подарок княгине Шаховской пару сережек: изумрудных, с рубиновыми подвесками, похожими на капельки крови. Не с пустыми же руками с красивой девушкой встречаться, коли старая попрошайка не обманывает и ему с Людмилой случится хоть несколькими словами перемолвиться? Вернувшись домой, Зверев, как и требовала старуха, скинул ферязь, оставил на стене оружие – кроме кистеня в рукаве, естественно. Натянул тонкие сафьяновые сапоги бирюзового цвета, заправил в них такого же оттенка шаровары из тонкой козьей шерсти, опоясался

шелковым шнурком, при нужде способном заменить прочную удавку. В голенище сунул несколько монет, завернутый в тряпицу подарок.

– Вот и все... – Он перекрестился на светлый образ Богородицы в углу светелки и решительно вышел.

Попрошайка не обманула. Ждала, суетливо пристукивая посохом, за собором. На том самом месте, где они расстались. Увидев князя, застучала клюкой еще чаще, оглянулась, поманила пальцем, засемила в заросший бузиной проулок. Там, среди маленьких лачуг, похожих на тесные клетки внутри крепостных стен, нырнула в еще более узкий лаз, толкнула дверь в низкую грязную хижину, войти в которую побрезговала бы даже курица.

– Ты это, боярин, – прокашлялась она, – ты сапоги-то сыми. Заметны они больно. На плечи вон ту мешковину кинь. Она протертая да чистая, а поверх – рубище натяни. Жалостливое оно, все в дырках гнилых.

– Ты чего это задумала, старая? – развернул плечи Зверев и тут же стукнулся головой о низкий потолок.

– Как чего, касатик? Калику из тебя убогого делаю, юродивого. Ты это, немым прикидывайся. Чего спросят – гукай токмо. А сказывать я стану. Вот этот мешок на правое плечо пристегни, дабы горб на лопатке получился и спину кривил. На ноги эти вот шаровары с буграми надень. Они стеганные, теплые, не продуваются. Лицо-то у тебя белое, глаза, ровно соколы... Ты голову пригни, ниже пригни, дабы не глянуть

на щеки румяные было. А сверху я платок пуховый кину. Он старый, молю поеден. Вроде и просвечивает, а ничего насквозь не разглядеть. Вот... Вот... Вроде как ладно получилось. А ноги, пока до подворья Шаховских дойдем, сами запылятся.

Андрей, низко пригибаясь, гукая и приволакивая правую ногу, похромал по переулку вслед за попрошайкой. Она немного поправила ему горб, рубище на плечах, но в целом осталась довольна и вывела «в люди» – на площадь возле собора. Прихожане, что начали подтягиваться к вечерне, на двух несчастных внимания никакого не обратили – значит, ничего странного не заметили. Большого от маскарада и не требовалось.

Полчаса спустя попрошайка постучала своей клюкой в калитку княжеского двора.

– Мы Божии странницы, милостью Господней питаемся, за добрых людей молимся, милосердием сердешным пробавляемся, за радетелей дома сего поклоны кладем, иконы целуем, слово доброе разносим, – сплошным речитативом на долгом выдохе выплеснула плаксивым голосом попрошайка, сделала короткий вдох и продолжила: – Хозяюшка Людмила в доме сем особо милостива, перед ночью темной объедки холопы для нас отложить обещалась...

Засов грохотнул, отворилась калитка:

– Вон там, за амбаром дверь на кухню будет. Туда ступайте. Может, и хозяйка выйдет, коли еще не потрапезничала.

Она ваше племя зело чтит.

– Благослови тебя Господь, добрый человек, – перекрестила его нищенка, после чего, прихрамывая и пригибаясь, что-то бормоча под нос, повернула в указанном направлении.

На кухне было жарко, но не душно. Видать, готовили уже давно, и уходящий в трубу печной жар успел высосать с собой пар и вкусные запахи, оставив только сухое тепло. Две покрасневшие тетки в мокрых, почему-то исподних, полотняных рубахах и черных юбках развешивали на гвозди черпаки и сковородки, гремели оловянными кастрюлями и медными котлами. Попрошайка бочком, бочком пристроилась за вытертый, почти отполированный за годы службы дощатый стол, села за него, принялась креститься.

– Это снова ты, Ксения? – Одна из теток тщательно вытерла о юбку руки, перекрестилась, после чего все тем же подолом протерла стол. – Сказывала, суженого мне вымолишь, а у меня и Макарий, который холоп, за князем на службу уехал. Больше никто и не смотрит совсем.

– Дык, я молю, молю, Дусенька, – кивнула попрошайка. – Да ведь скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. И за тебя молюсь, и за хозяйшку вашу...

– В углу бак, – перебила ее другая кухарка. – Там хлеб остался с мясным соусом, и еще куски от убоины какие-то мелкие. Хватайте, пока Хрюнделю не вывалили.

– Княгиня за обедом белорыбицы половину куса велела

для просящих Христа ради оставить, – напомнила Дуся. – И Ксению особо помянула.

– Да-да, – обрадовалась нищенка. – За нее особо молю, уж она со мною вместе у распятия намедни стояла, и слово велела для нее запомнить, и о благовесте поведать. К нашему собору странник пришел из Михайлово-Архангела¹⁹, про благовест тамошний сказывал. Что за чудесный благовест!

– Схожу, хозяйке про вас обмолвлюсь, – решила вторая кухарка. – Как бы не осерчала, что без нее вас спровадили.

– Ты кушай, Ксения, не беспокойся, – выставила на стол деревянный лоток Дуся. – Хозяйка милостива, еще и одарит чем за молитвы усердные. Ты мужа, мужа ее лишним добрым словом помяни. В походе он дальнем, на службе государевой. Ради нас и благополучия княгини старается.

– Молюсь, усердно молюсь, – придвинула к себе лоток попрошайка и запустила в него обе руки. – Петру и Павлу, апостолам, молюсь, небесным его покровителям. Ох, как мучались они, бедные, в руках римлян, язычников древних, как страдали! Но вознеслись и, милостию Божией, теперь одесную от него на небе сидят...

Обе женщины истово перекрестились, а Зверев – забыл. И тут же привлек внимание:

– А это с тобой кто? – потянула к платку руку кухарка.

– То Октария! – испуганно рывкнула попрошайка, и Ду-

---

¹⁹ Михайлово-Архангельский монастырь. Известен с XII века. В дальнейшем оброс городом – Архангельском.

ся руку на всякий случай отдернула. – Убогая она. Немая, умишком не выросла. Присматривать я за ней взялась, бо пропадет ведь, юродивая. Вот, Октенька, откушай рыбки.

Андрей гукнул, пригнул голову еще ниже, под стол. Вот только ему не хватало есть из лотка, в котором нищенка грязные пальцы прополоскала!

К счастью, тут на кухню спустилась Людмила: в скромном сатиновом платке, в уже знакомом князю зеленом платье с бархатными плечами. Она присела напротив попрошайки, перекрестилась, положила подбородок на руки:

– Оголодала, милая? Ты кушай, кушай. Опосля о просьбе моей поговорим. Исповедаться хочу, но душа к отцу Ануфрию не лежит. Тороплив он больно, не вникает. Нечто пастыря ныне усердного нет? Я бы ради такого и за город поехала... Ну чего вы в рот человеку заглядываете?! – неожиданно цыкнула она на стряпух. – Идите, не стойте у нее над душой. Как к себе ее для молитвы в церкви домовый призову, так и доделаете, чего вам осталось.

Кухарки ушли, Андрей тоже выбрался из-за стола, встал позади княгини. От скрюченного состояния ныла спина, и он с наслаждением распрямился, пока никто не видит. Женщина скользнула по спутнице попрошайки лишь рассеянным взглядом, наклонилась вперед:

– Сказываешь, опять появился, неприкаянный?

– Появился, милая, появился, – неторопливо обсасывая белые тонкие ребрышки, поведала старая нищенка. – Ох,

гори-ит... Душу, видать, ты ему вынула. Всю, до доньшка. Как же удалось-то тебе? Он и в собор Успенский зачастил, и округ крутится, ан тебя-то и нет, не едешь!

– Может, появиться? Исповедаюсь у Ануфрия, ну его. Но к молодцу, конечно, и голову не поверну! Я ведь его тоже видела, Ксения, представляешь?! У друга отцовского в доме недавно была, с дочерьми его на качелях катались. Я к Михайло Иванычу заглянула – а он там сидит, представляешь?! Князь он, оказывается. Андрей Сакульский именем. Ой, я так испугалась! – вскинула она ладони к лицу. – Сон ведь у меня был вещий. А тут вдруг – он!

Зверев тем временем скинул с себя все рубища, одернул рубаху, пригладил волосы. Княгиня Шаховская, заметив, как пристально смотрит гостя ей через плечо, обернулась, громко охнула, вскочила, прижавшись спиной к столу, упершись в него руками:

– Я заснула, да? Ксения, я сплю? Странно, не помню, как ложилась. Ты ведь мне снова снишься, правда?

– Это нетрудно проверить, чудесная моя, – тихо ответил Андрей, обнял ее и крепко прильнул к губам. Они были сладкими, мягкими, горячими и отзывчивыми.

Зверев начал целовать ее подбородок, шею, закрытые глаза, брови. Руки на спине ощущали крючки, пальцы осторожно растянули один, другой, третий. Губы коснулись полуобнаженных плеч, ямочки между ключицами.

– Нет... Нет... Как же... Грешно... – тихо шептала она,

но дышала часто, вздохб, словно ей не хватало воздуха. – Что ты делаешь?.. Князь... Мой князь...

Через ее плечо Андрей сделал нищенке страшные глаза. Старая сводня понимающе закивала и вместе с лотком бесшумно сгнула за входной дверью. Бархат уже открыл небольшие груди с остро стоящими розовыми сосками – князь Сакульский согрел их дыханием, легко коснулся кончиком языка, потом поцеловал. В нем нарастало напряжение, готовое в ключья разорвать одежду, а Людмила твердила все то же:

– Нет, не нужно... Нет... – Она попыталась развести руки, остановить скользящую к полу ткань. – Перестань немедленно! Не снимай платья! Оно испачкается и помнется. Тетки заподозрят неладное.

– Да...

Андрей повиновался: отодвинул лавку, посадил Людмилу на край стола и, оставив наконец-то в покое крючки, приподнял край юбки, медленно повел ладонями вверх по ногам. Благословен мир, в котором еще не изобрели нижнего белья! Он дернул завязку шаровар – а княгиня откинулась на спину, на словно специально вымытый стол, вцепилась ладонями в его край. Их тела наконец-то слились в единое целое, заставив вскрикнуть и Людмилу, и Андрея, рванулись навстречу друг другу, смывая потоком страсти остатки разума, осторожности, приличий и морали. Горячий смерч поглотил все, что было мужчиной и женщиной, смешал все это

вместе, а потом взорвал единым пламенем, спалившим все силы, что оставались в людях за скоротечный, но столь сладкий миг.

Немного придя в себя, Зверев наклонился, завел ладони ей под лопатки, поднял обмякшее тело, поцеловал одну грудь, другую, тихо спросил:

– Так это похоже на сон?

– Еще как... – ответила юная женщина. – Ой, я не смогу сегодня молиться... в домовой церкви... Нет, не смогу. И смотреть на тебя спокойно не смогу...

Она вдруг прижалась к нему, сильно обняла, несколько раз поцеловала, попадая куда придется, осторожно оттолкнула:

– Помоги... Ты ничего не порвал? Если муж хоть что-то заподозрит, он меня убьет. Совсем убьет, он от ревности звереет. Сам повод выдумывает, а потом за косарь хватается. Крючки, крючки на месте? Их не я, их девка вечером расстегивает, она заметить странное может. Застегни... Скажи лучше, если что не так. Я придумаю... Скажу, зацепилась, порвала. Могла поскользнуться на лестнице.

– Не нужно, – так же осторожно, как расстегивал, вернул крючки в прежнее положение Андрей. – Все целое. Будто и не трогали.

– Это хорошо. – Она развернулась, положила ему ладони на плечи, приподнялась на цыпочки и поцеловала. В губы. – Какой чудесный сон. Он тоже вещий?

– Да. Даже не сомневайся.

– А где Ксения? Спряталась?

– За дверь во двор вышла.

– Бедная, там же темно. Одевайся, я ее позову.

Спустя десять минут попрошайка и Андрей ковыляли через двор к воротам. Княгиня постояла в дверях кухни, потом вдруг перекрестилась, громко попрощалась:

– Благослови вас Господь, Божьи странницы! Грызло, Федот, как снова Ксения с юродивой появятся, сразу в светелку ко мне посылай. Акафист Покровный выучить с блаженной хочу, и молитву сохранную апостолам Петру и Павлу. А не будет меня – велите кормить да за мной сразу посылайте.

– И чем ты только хозяйку так пронимаешь, Ксенька? – удивился привратник и закрыл за попрошайками калитку.

По темным улицам – сторонясь караулов – они пошли довольно быстрым шагом. Старая сводня тоже обрела изрядную прыть, а клюку просто сунула под мышку. Уже минут через десять они оказались в ее укрытии. Андрей переоделся, попрошайка же запалила фитиль масляной лампы, поставила на полочку перед суровым образом пророка Даниила:

– Ну как? Удалось мне угодить тебе, княже?

Зверев выгреб все золото, что брал с собой, и молча вложил ей в руку. Нищенка издала возглас, похожий на довольное кошачье «Мяу!» и предупредила:

– Я завсегда здесь, у ступеней храма Успения. За страждущих молюсь.

Путь до двора Ивана Кошкина занял еще полчаса. Ворота Андрей отворил с помощью заклятия на запоры, тихонько запер сам – кажется, никто ничего не заметил. Сотворив наговор на кошачий глаз, он сам, без света, добрался до светелки, быстро разделся, упал в перину и, наконец перестав таиться, громко захохотал. Ну надо же! А он целый день ломал голову над тем, о чем будет вечером говорить с незнакомой девушкой!

Не любовь – настоящая безумная страсть захватила молодых людей в свои булатные оковы. Андрей жил от свидания до свидания, он забыл свои планы, забыл службу и государя, забыл про Казань и пророчества старого Лютобора. Он не заметил, когда на Русь пришла зима и крыши укрыло ровное полотно пока еще белого снега, он не помнил, когда и что ел, о чем разговаривал. Не замечая времени, не замечая дней и недель, он дышал, жил только тем сладостным мигом, когда за резной стрельчатой дверью откроется просторная светелка – и он сможет распрямиться, сбрасывая горб и лохмотья, становясь самим собой и пожирая жадными глазами прекраснейшую из всех женщин Вселенной.

– Какой ты ненасытный, – прижавшись щекой к его плечу, удивлялась Людмила. – Какой ты страстный. А князь Петр, как приезжает – с друзьями пива напьется, потом в постели носом мне в подмышку тыкнется и спит. Иногда, бывает, вспомнит, навалится, подергается, как припадочный. Я и понять ничего не успею – а он уже спит, весь потный. Лапу

только сверху кладет, как хозяин на сукно. Ну почему я не твоя жена, Андрюша? Ну почему я не твоя, а его!!!

— Ты моя. Ты только моя. Ты моя любимая, ты моя самая прекрасная и желанная. Твой голос ласкает сердце, как теплый летний ветерок, твои глаза завораживают, как магия полнолуния, твои губы порождают желания, от которых закипает кровь, улыбка чарует, словно рассвет над горным озером, волосы волнуют, точно видения темной ночи, дыхание душисто, будто цветение персикового сада. Жесты твои легки и грациозны, руки тонки и изящны, а пальцы точены, словно изваяны резцом мастера из слоновой кости. Неповторимы линии твоих плеч, безумно соблазнительна грудь, изящна талия. Ноги твои стройны и свежи, как первые лучи солнца, а каждый шаг разит, словно лезвие меча, оставляя вечный след в душе любого мужчины. Восхитителен румянец на прохладных бархатных щеках, загадочен взмах ресниц, в тебе привлекает и поворот головы, и гордая грация во вскинутом подбородке. Ты воплощаешь все радости мира, смысл жизни, цель существования, ты создана на счастье и на гибель, ибо даже смерть не страшна, если служит платой за твои объятия. Каждый миг без тебя растягивается в вечность, пища не имеет вкуса, вода не утоляет жажды, воздух давит грудь, сон не приносит отдыха, а солнце — тепла. Без тебя мир сер и скучен, и я бросился бы в пропасть, если б не знал, что увижу тебя снова, моя единственная, мое сердце, моя жизнь! Моя Людмила, Люда, Люся...

– Но это сейчас! А вернется из Путивля Петр – что тогда? Я опять окажусь при нем! На одной перине с этим вонючим боровом! Он станет тыкаться в меня, вонять кислым пивом и лапать, лапать. Разве тебе все равно? Тебя тогда уже никто сюда не пустит. Никогда! Пока он не уедет. А если останется? Если его с воеводства снимут?

Андрей только крикнул: он в самом деле не представлял, как сможет перенести подобную муку. Знать, что твоя любимая в руках другого – и оставаться бессильным это изменить.

– Я хочу быть твоей женой, князь Андрей. Твоей, понимаешь? Твоей, твоей, твоей! Не воровать эти встречи, не бояться каждого стука. Быть твоей! Иметь право лежать в твоей постели, любить тебя, отдаваться тебе, рожать тебе детей. А если меня муж заподозрит в измене? Он же зарежет меня! Зарежет из ревности да схоронит по дороге в этот далекий Путивль и скажет, что сама умерла. И никто не узнает! Или просто заберет. И все! Тебя больше рядом не будет. Ты останешься, а меня увезут! Увезут от тебя! Навсегда, ты понимаешь?! Возьми меня в жены, Андрюша, возьми, возьми...

– Как я возьму? К митрополиту за разводом кланяться? Так ведь не даст. Раз жена не бесплодная – не даст. Даже с бесплодной может не дать. Бог ведь разводов не признает. Ради царя еще могут исключение сделать, и то с большими муками. А просто князю – ни за что не даст.

– Какой развод, глупенький ты мой? – как-то по-детски удивилась Людмила, заползла к нему на грудь, прижавшись

коралловыми сосками, глянула сверху в глаза. – Ты ее бей, наказывай. Унижай всячески, гоняй. Пусть невыносимо ей жить с тобой станет. Она в монастырь и уйдет. А ты на мне женишься. Это же можно, многие так делают. Иные просто отсылают в обитель, но без желания этого по уставу церковному нельзя. Лучше, чтобы сама захотела, сама ушла. А потом я стану твоей женой.

– Ты замужем, Людмила, – напомнил Зверев. – Князь Шаховской, может, и не молод, но еще крепок умом и телом, коли уж службу царскую нести продолжает, в сечах режется и указы воеводские издает.

– А мы его изведем. Ты же можешь, Андрей. Ты умеешь. Ты колдун, об том вся Москва говорит. И Ксения упреждала, а уж я сама лучше всех знаю. Свари зелье на извод, а я в питье подолью. А, любимый мой? Свари... Свари – и мы поженимся.

– Грех это, счастье мое, человека изводить...

– А во блуде жить не грешно? Блуд, обман, осквернение ложа. То грех еще страшнее, чем душегубство простое. Нам жениться надобно.

– Я женат.

– Но ты ее в монастырь прогнать можешь! – Людмила возмущенно шлепнула ладонями по его ключицам.

– Чтобы бить ее, наказывать и изводить, я должен уехать от тебя и осесть в княжестве.

– У-у-у... – застонала княгиня и скатилась с него на перину. – Не уезжай. Пусть пока так... Потом сживешь, когда

нужда домой погонит. Оставайся. Будь здесь, любой мой. И люби меня, люби...

Первую брешь в круговерти этих встреч пробил боярин Иван Юрьевич. Однажды, перехватив подзадержавшегося гостя на крыльце, он вдруг весело захлопал его по плечам:

– Везуч ты, Андрей Васильевич, ох, везуч! Все по твоему слову вышло. Ныне тебе и Макарий, и дьяк любой не указ, хоть ты колдуй, хоть не колдуй. Государь на пир тебя зовет. Послезавтра среда, день постный. Вот тогда и зовет.

– Пир в пост? Странное время...

Но от царского приглашения не отказываются, и на третий день после полудня Зверев вместе с боярином Кошкиным отправились во дворец. Лошадей отдали холопам – даже дьяку не дозволяется ездить в Кремле верхом, – дошли до Грановитой палаты. У скромных уличных дверей их встретили служилые московские бояре и, сверившись с местническими грамотами, провели на второй этаж, под золотые своды парадного зала, усадили рядышком в самом начале третьего от царского стола. Гости уже собирались. У второго стола затеяли спор из-за мест, за спиной незнакомые бояре удивлялись неурочному празднику. Вроде и дат памятных нет, чтобы отметить, и побед громких войска русские нигде не одержали, и иных событий не случилось. Ради постного дня ни скоморохов, ни медведей никто на пир не привез, лишнего шума не возникало и слышно все было отлично.

Наконец споры из-за мест были улажены – где полюбов-

но, а где и выдворением спорщиков на заснеженную улицу, – гости расселись. В наступившей тишине холопы в расшитых рубахах внесли на длинных подносах целиком запеченных десятипудовых белорыбиц, поставив по одному блюду на стол, следом доставили кубки, кувшины с квасом, сбитнем и сытом. И лишь после этого в палату вошли парадно одетые – в тяжелые от золота и самоцветов собольи шубы – государь с царицей, чинно, бок о бок уселись за свой отдельный стол. Гости начали было подниматься, попытались приветствовать правителя всея Руси, но шум быстро стих: нехорошо как-то в пост шуметь и веселиться. А Иоанн Васильевич, известное дело, набожен, пожалуй даже – весьма набожен. Вот и длился пир в подозрительной тишине, при старательном чавканье и еле слышных перешептываниях.

К Андрею подскочил холоп, поставил серебряное блюдо с покрытым румяной корочкой куском, поклонился:

– Государь тебе, княже, опричный кусок со своего стола шлет с уважением. Сказывает, завтра видеть в покоях желает.

Опричный кусок – это награда, что-то вроде Знака Почета в двадцатом веке. Поэтому князь Сакульский поднялся во весь рост, пристально глянул на Иоанна, почтительно поклонился, снова распрямился, глядя на белое блюдо перед царем и коричневое перед царицей. Сел, толкнул боярина Кошкина в бок:

– Ты знал, да? Знал?

– Знал, вестимо. А ты рази не догадался?

Андрей закрутился, не зная, с кем поделиться открытием, повернулся назад и шепнул в ухо одному из бояр:

– Анастасия убоину ест. Мясо.

– Царица мясо ест! – тут же выплеснул тот полученное известие соседям. – Пост, а она – мясо!

И молва понеслась дальше и дальше, предупреждая всех, что в русском царстве грядут долгожданные перемены.

«Ястреб»

Челобитных в покоях государя стало совсем немного – они лежали между сундуками уже не по пояс, а ниже колена. Видать, новые сюда носить перестали, а со старыми прилежные работники потихоньку разбирались. Год-другой – и вовсе не останется. Андрей кивнул священнику и боярину Адашеву, после чего вошел в светелку с изразцовой печью. Иоанн остановился в дверях, указал на пюпитр:

– Читай. – На деревянной подставке лежала стопка заполненных убористым почерком листов выбеленной бумаги. Страниц пятьдесят. – Коли мысли возникнут – в свитке, что на окне, помечай. Моих отметок там уже изрядно, ты ниже пиши.

И юный царь ушел, оставив его наедине с порученной работой. Зверев вздохнул, потянул к себе верхний лист:

«Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси сесь Судебник уложил:

Суд царя и великого князя судить боярам, и окольничим, и дворецким, и казначеям, и дьякам. В суде не дружити и не мстити никому, и посулу в суде не имати; тако ж и всякому судье посулов в суде не имати...»

Текст, как было здесь принято, шел сплошняком и не имел деления не то что на главы, но, кажется, и на предложения. Прodrаться через него было трудновато, однако с

первых строк стало ясно, что первые из предложений Зверева царь процитировал почти дословно: про то, что суд нельзя использовать ни для мести, ни для дружеской услуги, ни для получения взяток. Дальше очень долго расписывалось, кому еще нельзя брать «посулов», ради чего нельзя и что за такое преступление бывает. В общем, радикальное предложение князя Сакульского: «Попался на мзде – сразу на кол перед земской избой», – не прошло. Хотя в общем мысль царя двигалась в правильном направлении.

Часа через два Андрей увяз в разборках, связанных с займами и иностранцами – причем перестал понимать половину слов. Ну что могло означать: «Живота не давати», «христианский отказ» или «игородь чужеземца»? Спрашивать тоже не хотелось, дабы не засветить своей невежественности. Утешало только то, что пойманного на «татьбе» вора ограбленный хозяин мог тут же карать по своему разумению – справедливость и разум восторжествовали над юриспруденцией. К середине царского сочинения выяснилось, что судить воеводам надобно не просто так, а с согласия «выборщиков и целовальников». Сиречь – в суде появлялись первые со времен Ярослава Мудрого присяжные заседатели.

Последнюю страницу Андрей перевернул уже сильно за полдень, взвесил трактат, положил на место и выглянул в горницу, где царь задумчиво читал одну из челобитных.

– А отчего воевод выборными не сделал, государь? Ведь жаловаться на них станут. И на тебя обижаться, что плохого

поставил.

– Опасаюсь смуту на Руси сим указом учинить. Не станут знатные бояре худородным подчиняться, коли рода при посылании на кормление не учитывать. Коли же избирать воевод начнут, то тут у худородных изрядно перевеса будет.

– Коли это сознательно, – развел руками Андрей, – то возражать бесполезно. А в остальном, я считаю, судебник правильный. Большую пользу принесет. Он уже действует?

– Нет, княже, торопиться не стану, – покачал головой Иоанн. – Перечитаю еще, подумаю. Иным людям дам почитать, их послушаю. Твои слова приведу, их возражения узнаю. Почто указ таким издавать, чтобы через год менять приходилось? Взвесить все до мелочей надобно, посоветоваться. Подпишу, коли сомнений не станет.

– И это тоже правильно, государь, – склонил голову Андрей. – Дай Бог тебе терпения. А я свою лепту, что мог, уже вложил.

– А правда ли, боярин, – не дал ему дозволения уйти правитель, – что перед визитом ко мне у тебя в светелке икона плакала?

– Больше не плачет, государь.

– Что крест нательный в покоях моих грелся?

– Больше не греется.

– А есть ли крест на тебе, князь Сакульский?

– Не веришь в честность мою, государь? Что же, смотри, царь-батюшка... – Зверев вытянул нательный крестик, по-

целовал его, после чего осенил себя знамением, произнося ритуальную формулу: – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Видишь, Иоанн Васильевич, у меня крест на груди есть. Но есть он и на груди еще тысяч единоверцев моих, что ныне в тяжелой неволе томятся, в рабстве в казанском ханстве издыхают. И никакой надежды на спасение нет у них, ибо ты, государь мой православный, спасти их от тяжелой доли не желаешь. Не обнажаются для их спасения сабли, не поднимаются хоругви, не идут тяжелой поступью русские полки. Потому что ты, государь, не желаешь их спасения! Что тебе один мой крестик? Ты иди о тысячах позаботься!

– Ты обезумел, боярин?! – задохнулся гневом царственный мальчишка. – Ты с кем говоришь, раб? Запомнил?! –

– Раб? Один из тысяч! Отчего ты не спасаешь нас от басурманской неволи, государь? – Первые слова Андрей произнес из обиды, из обиды на то, что спасенный от порчи Иоанн подозревает в нем черного колдуна. А теперь просто не мог остановиться.

– Поумнее тебя бояре над тем размышляют! Посадим своего мурзу в Казани – вернет он русский полон.

– Ложь! Они дадут малую часть, для отвода глаз. А потом еще и новых нагребят.

– Я заставлю мурзу остановить набеги!

– Ну и что? Придут османы, посадят своего урода, и начнет он тут же вопить, что русских гнать, убивать и резать надо. Не может быть дружбы наполовину, не может быть по-

коя на рубежах, где власть, что ни день, меняется. Коли нет дружбы прочной, значит, меч русский ее должен заменить. Сажаешь друга – пусть полки наши примет, пусть татей позволит ловить. А не хочет – значит и не друг вовсе. Так, пьявка, что на русской крови жиреет. Посылай войско на Казань, государь. Посылай, силой дружбу ненадежную укрепляй. Вот тогда ни набегов, ни рабства уже точно не станет.

– Ты обезумел, боярин! Знаешь, сколько крови тогда на земли наши прольется?

– То будет кровь людей ратных. Ныне же токмо невинная кровь проливается. Зачем Казань от гнева русского спасаешь, государь? Отдай ее нам! Лучше раз боль сильную перетерпеть, нежели сто лет мукой вечной страдать. Подними полки на Казань, подними!

– Душа моя страдает за каждую душу православную, – вскинул свой перст юный царь, – за каждого младенца невинного, за боярского сына убиенного. И не позволю я вам, душегубам, пожара порубежного бочками крови русской заливать. А теперь ступай прочь, боярин. Беги, пока воля моя ужо твоей крови не взалкала! Без тебя найду, как с бедой казанской управиться, без тебя! Прочь!!

В этот раз князь Сакульский послушался, быстро спустился вниз, вышел на улицу, зачерпнул пушистого, как пух, снега и приложил к лицу.

Да, в этот раз он палку изрядно перегнул. Юный царь в любви к казням пока замечен не был, но злить его столь рья-

но все же не стоило. Зачем дергать тигра за усы?

Андрей отбросил подтаявший снег, зачерпнул еще.

Но почему Иоанн так упрямо не желает войны с Казанью? Ладно бояре – они прибыток с нынешнего положения имеют. Но ведь царь подарков от татар не получает! Куда чаще наоборот – своих ставленников одаривает. Тогда почему столь истово православный государь не желает применить силу для спасения единоверцев? Неужели верит, что законенных разбойников можно утихомирить уговорами и подачками? Поддался уговорам Думы, что обещает сделать все мирно и красиво, одной дипломатией? Или интеллигент, выросший на библиотечных философских трактатах и красивых романах, действительно не хочет большой войны? Большой войны и неизбежных многотысячных жертв...

– Скорее все вместе, – решил Андрей и зашагал к Боровицким воротам. – Ладно, нужно Пахома и князя Воротынского порасспросить подробнее да еще раз попытаться Иоанна уговорить. Только теперь вежливо, без криков.

Осуществить свою мысль он попытался ровно через неделю. Про его визиты в личные покои государя знали многие, и уж точно – вся стража. Поэтому дойти до заветной лестницы труда не составило, а там – он попросил рынду доложить государю о своем приходе. Боярин личной царской охраны ушел в покои и уже через минуту вернулся.

– Проходи, князь.

В светелке Зверев, смилив гордыню, опустился на колени:

– Прости меня, государь, за дерзость и грубость мою, за слова непотребные, охульные. Виноват. Не за себя сердце болит, за людей русских.

– С огнем играешь, боярин, с огнем... – поверх пюпитра опустил на вошедшего тяжелый черный взгляд юный царь, и в этот миг в глазах его ощутилась не мальчишеская наивность, а суровость истинного повелителя. – Сам не ведаешь, сколь близок к плахе ты был во время спора нашего. Однако же верность, преданность свою ты мне уж не раз доказал, а верных слуг у меня не так много, чтобы легко ими жертвовать. Опять же, слов охульных супротив меня ты не произносил, все татар казанских проклинал. И не на меня гнев обрушивал – за люд православный заступался. – Юноша вздохнул: – Дерзок ты, князь Сакульский, и труден в разговоре. Но чего еще ждать от боярина, что жизнь в битвах проводит, живота не щадя? Страха имать ты не привык. Посему не держу я на тебя гнева. Дерзость службой искупишь. Ступай.

– Служба моя в защите земли нашей и людей русских, Иоанн Васильевич. Но ведомо мне, что за последний век в Казани пятнадцать ханов сидели, кои сторонниками московскими себя называли. За дружбу свою с Москвы они подарков брали изрядно, ради дружбы страна наша с ними не воевала ни разу. Однако же набеги на порубежье наше при них никогда не прекращались. Что «московский» хан в Казани правил, что «османский» – люди муромские, нижегородские, переяславские разницы не замечали. Десятки, сот-

ни тысяч православных русских душ в неволе сгинуло. За сто лет – считай, миллион, каждый десятый из народа твоего, государь. И никто за них не вступился ни разу. Я вот что тебе скажу, Иоанн Васильевич. Друг – это тот, на кого в трудную минуту положиться можно. Казанские же ханы – не друзья. Это те, что силы московской боятся, а потому кланяются. Но при этом все едино грабить продолжают исподтишка. А коли слабость в России почувствуют – так ведь первыми кинутся рвать нас на части! Хуже нет, чем состояние половинчатое. Вроде как и друг – а пользы никакой. И пакостит – а наказывать неудобно. Уж лучше враг явный, с ним хоть знаешь, как поступать. Сейчас в Казани Сафа-Гирей сидит. Он сам себя врагом московским называет и тем кичится. Так воспользуйся такой возможностью, государь. Покончи с бедой нашей извечной раз и навсегда, пошли полки русские на Казань!

– Что же, слушал я тебя внимательно, княже, – кивнул юный царь. – И мысли твои стали мне понятны. А теперь ты меня послушай. Татары – друзья наши древние и верные. Половина родов боярских историю свою от татарских царевичей ведут. Матушка моя, Елена Глинская была дочерью Олексы, сына Мансура, сына Мамаю и дочери Бердибека, хана из рода чингисидов. Посему и сам я на четверть чингисид и право династическое полное на ханство Казанское имею. Испокон веков татары, в том числе и казанские, трону московскому служат и храбрость в битвах выказывают отмен-

ную²⁰. Немало у нас сторонников среди народа казанского, из пяти четверо завсегда нашу сторону держат, ставленников наших радостью встречают, к нашим словам прислушиваются. Коли войну начать, все они враз из друзей врагами нашими на поколения станут. В битвах крови прольется несчитано, крови русской и друзей недавних наших. Так чего в этом хорошего, князь? Терпение надобно проявить, Андрей Васильевич, терпение. Друзей наших в Казани куда больше, нежели врагов. Их будем возвращать, сторонников на трон сажать, помогать, поддерживать, к службе московской приучать. Не пять лет это займет, и не десять. Может, и не тридцать даже. Но через полвека – может, при внуках моих, – станут наши страны единым целым. Безо всякой крови станут. Вот весы предо мной. На одной чаше – кровь, ненависть, смерти бесчисленные, утрата друзей наших давних. На другой – всего лишь терпение. И что, князь Андрей Васильевич, считаешь, я выбрать должен? Что до набегов – то бандитов безродных не только в Казани, их и в наших землях хватает. Их ловить и истреблять надобно. Для того поместное ополчение службу в порубежье и несет.

– Друзей наших в Казани, может, и больше. Да враги у власти. Мы к себе тянем, османы к себе. Весы качаться могут вечно. Нужно решительно груз изрядный на свою чашу

---

²⁰ Даже в армии, что под командой Ивана Грозного вела войну с Казанским ханством и штурмовала Казань, на 50 000 русских бойцов насчитывалось 60 000 татарских воинов!

положить. Разрубить разом узел гордиев. Коли встанет в Казани русский гарнизон, вот тогда только дружба наша нерушимой и сделается. Я же не предлагаю татар слугами сделать, рабами нашими, людьми второго сорта. Пусть остаются равными среди равных! Но быть равными – не значит иметь право грабить соседей!

– Видать, не слышал ты всего, что я тебе говорил, боярин, – с досадой покачал головой Иоанн. – Высокая Порта далеко, а мы близко. Что до весов, то лучше золотом меж собой тягаться, нежели жизни человеческие класть. Ступай, Андрей Васильевич, нет у меня времени на пустые разговоры. Коли мысли дельные появятся – вот тогда приходи.

После такого Звереву оставалось только поклониться и выйти за дверь.

– Терпение, терпение, – бурчал он себе под нос, спускаясь по ступеням. – Тридцать лет, пятьдесят... Знал бы ты, что нет у Руси этих самых пятидесяти лет. Ибо враги не любят ждать, когда мы станем сильнее. И нападают всегда раньше. Тридцать лет, всего тридцать лет. Какие внуки? Ты сам увидишь, как рушится наша страна...

Одно было ясно: про отношения с Казанским ханством царь уже успел и подумать, и посоветоваться, и распланировать все на много десятилетий вперед. Его политика была удобна всем: боярам, что осыпались подарками, государю, совесть которого успокаивала перспектива мирной унии с татарами и отсутствие кровопролития, самих татар, что по-

лучали золото и из Москвы, и из Стамбула, да еще продолжали спокойно грабить русские земли. Плохо было только жителям порубежья – но смердов, как известно, в правительство никто не приглашал.

– Проклятие! – раздраженно сплюнул князь. И это было все, что он мог сделать. Сторонников войны, «ястребов», в Москве просто не имелось. А в одиночку огромную Россию лицом на восток не повернешь. – Тридцать лет, всего тридцать лет... Когда вы поймете свою ошибку, будет уже поздно. За сегодняшние ковры и туркестанских жеребцов головами отдаваться будете. Но изменить не сможете ни-че-го.

Из Кремля ноги сами понесли его к храму Успения, где дожидалась своего часа довольная жизнью, но по-прежнему грязная и скрюченная нищенка. На те подарки, что успели надавать ей за последнее время и Андрей, и Людмила, она могла бы уже собственный храм построить – но не купила себе даже новых лаптей. Переодевшись, он со сводней отправился на подворье Шаховских – и застал княгиню всю в слезах.

– Господи, милая моя, родная! – торопливо стряхнув рубище, кинулся к ней Андрей, обнял, прижал к себе. – Милая, да что же с тобой? Что случилось, кто тебя обидел, любимая? – Сим... Сим... Си... Сю...

От плачущей навзрыд женщины долго не удавалось получить связного ответа, и лишь взглянув на ивовую клетку с любимицей княгини, Андрей наконец понял, что именно

случилось: у Шаховской сдохла ее певчая синичка. Если бы не так грустно – то было б даже смешно. Столь близкая, выросшая на глазах, пичуга вызывает в душе куда большее сострадание, нежели муки многих людей, умирающих, страдающих, томящихся в рабстве там, вдалеке, за верстами и лесами. Там ничего страшного – ведь их не видно. А синичка – она вот, лежит среди опилок кверху лапками.

– Далеко, далеко, – тихонько пробормотал себе под нос князь Сакульский, в голове которого начала вызревать интересная мысль. – Одно дело, когда только буковку в бумаге видишь. Совсем другое – коли человек живой перед тобой.

– Что ты говоришь, Андрюшенька? – в очередной раз шмыгнув носом, поинтересовалась женщина.

– Отлучиться мне нужно, любимая. Ненадолго. Недели на три.

– Зачем?

– Совесть проснулась. Жрет и жрет изнутри, зараза, и нет с нею сладу. Хочу немного для людей русских постараться. Ты уж прости.

* * *

Путь был знакомый – от Москвы до Нижнего Новгорода, и на юг, к Сергачу, где традиционно располагалась ставка поместного воеводы, сторожащего от татар восточные русские границы. Андрей с Пахомом мчались налегке, с двумя завод-

ными, а потому, несмотря на короткие зимние дни, одолели это расстояние за пять дней, выехав в среду, а к полудню воскресенья уже спешившись возле священной для каждого православного человека часовенки из мореного дуба, что была поставлена здесь еще двести лет тому назад самим Сергием Радонежским.

Командовал порубежниками князь Скопин, Феофан Ильич. Боярин, Андрею незнакомый. Да и у воеводы имя князя Сакульского никаких эмоций не вызвало. Видать, до Рязани, откуда прибыло ополчение, московские слухи за дальностью расстояний не доходили. Князь, впрочем, встретил гостя как положено: крепкими объятиями, горячим сбитнем, румяными пирогами с луком и яйцом, расспросами о семье и родителях. Зверев ответил только об отце – и тут же оказалось, что боярина Лисьина воевода знал. Вместе рубились где-то под Киевом и вроде даже бок о бок пробились к своим через перепуганную польскую пехоту.

– Я сюда по казенной надобности прибыл, Феофан Ильич, – после шумного рассказа решил перейти к делу Андрей. – Для государя сказку составить о набегам татарских в этом году. И людей расспросить, от набегов тех пострадавших. Может, и с собой прихватить, дабы сами о бедах поведали. Были набегии этим летом?

– А как же? Знамо, случались. Через Курмышский брод в августе пять тысяч пробиться попытались, половину заслона нашего порубили, басурмане. Ну да пока до деревень шли,

полк левой руки им навстречу поспел. Побили мы разбойников многих, но больше все же убегли, помилуй меня Господь за это прегрешение. До того и опосля шайки мелкие просачивались, но силой уж боле не ломились, боялись. По осени Бузикино разорили дочиста. Из полусотни смердов всего пятеро утаились. Гнались за ними, гнались, но не поймали. Ушли каким-то путем неведомым. В Мурзцах, Басурманах, Ялме, Мочалях, Гокаях, Яках, Ратово, Калинках показывались татары, шалили. Человек с полста на круг еще увели, так что год сей, почитай, спокойным выдался, плача в деревнях будет немного. Ну и я не бездельничал. Одну шайку порубали бояре полностью, два десятка поганых положили. На переправе через Суру еще полусотню заметили и побили стрелами изрядно, пока те на дальний берег убегали. Ну и еще бояре хвастались, кто кого зарубить успел, но за то ручаться не стану. А так – ходют, что с ними сделаешь? Из Мочкас вот известий не слышно, не иначе там сегодня показались. Я уж полк послал. Коли беда – помогут. А нет – так разомнутся, тоже полезно. Застоялись, пока лед на реках крепчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.